

Ошо. Здесь и сейчас.

О жизни, смерти и прошлых Воплощениях

НЕТ ЛЖИ РАВНОЙ СМЕРТИ
О ПРОШЛЫХ ЖИЗНЯХ. ЖИЗНЬ КАК СОН
ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ ЕСТЬ ХРАМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОЧНИКУ
НАЙДИ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ
ЛЮБОВЬ ОПАСНА
Я УЧУ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

Мои любимые,

Что человек осознал, от того он освободился. Человек может восторжествовать над тем, что он познает. В наших неудачах и поражениях виновно лишь невежество. Поражение вызвано тьмой; когда есть свет, неудача невозможна – свет становится победой.

Вот первое, что я хотел бы сказать вам о смерти, – нет лжи равной смерти. И все же она кажется истиной. И не только кажется, но и выглядит как самая важная истина жизни – так, словно вся жизнь окружена смертью. Забываем ли мы о ней или предпочитаем не видеть, но она остается близко. Смерть к нам ближе наших собственных теней.

Вся наша жизнь построена на страхе смерти. Именно он создал общество, нацию, семью и друзей. Он заставляет нас гнаться за деньгами и честолюбиво стремиться к более высокому положению. И удивительнее всего то, что даже наши боги и храмы тоже были возведены из страха смерти. Боясь смерти, люди преклоняют колени и молятся. Боясь смерти, люди молятся Богу, сложив руки и простирая их к небесам. Нет ничего более ложного, чем смерть. Поэтому, какую бы систему жизни мы ни создавали, веря в истинность смерти, она становится ложной.

Как нам познать ложность смерти? Как мы можем узнать, что смерти нет? Пока мы этого не узнаем, страх не пройдет. Пока мы не узнаем ложность смерти, наши жизни будут оставаться ложными. Пока сохраняется страх смерти, не может быть никакой подлинной жизни. Пока мы дрожим от страха перед смертью, мы не можем обратиться и прожить свою жизнь. Жить могут лишь те, для кого тени страха смерти исчезли навсегда. Как может жить испуганный и дрожащий ум? И если смерть кажется ближе с каждой секундой, возможно ли жить? Как мы можем жить?

Независимо от того, насколько мы закрываем глаза на смерть, в действительности она никогда не забывается полностью. Если мы вынесем кладбища за город, это ничего не изменит – смерть все равно покажет свое лицо. Каждый день умирает тот или иной человек; каждый день где-то случается смерть и потрясает саму основу наших жизней.

Где бы мы ни увидели событие смерти, мы начинаем осознавать собственную смерть. Оплакивая смерть кого-то другого, мы плачем не только из-за смерти этого человека, но и из-за намека на нашу собственную. Наше страдание от боли и отчаяния вызвано не только смертью другого, но и очевидной возможностью нашей собственной смерти. Каждый случай смерти в то же время является и нашей собственной смертью. А пока мы окружены смертью, как мы можем жить? Так жить невозможно. Так мы не можем узнать, что такое жизнь – и ее радость, ее красота, ее благословение. Так мы никогда не сможем достичь храма Божественного, высшей истины жизни. Храмы, созданные из страха смерти, – это не храмы Божественного. Молитвы, сложенные в страхе смерти, это не молитвы Богу. Лишь тот, кто полон радости, достигает храма Бога. Царство Божье наполнено радостью и красотой, и колокола храма Бога звонят лишь по тем, кто свободен от всех видов страха, для тех, кто стал бесстрашным. Поскольку мы привыкли жить в страхе, это кажется трудным. Но это невозможно – правильным может быть только одно из двух. Помните, если истинна жизнь, тогда не может быть истинной смерть, – а если истинна смерть, тогда жизнь будет не более чем

сном, ложью; тогда жизнь не может быть истинной. Эти две вещи не могут существовать одновременно. Но мы держимся за обе сразу. Мы чувствуем, что мы живы, и в то же время чувствуем, что мертвы. Я слышал о факире, жившем в отдаленной долине. Многие люди приходили к нему с вопросами. Однажды к нему пришел человек и попросил учить его о жизни и смерти.

Факир сказал:

- Я приглашаю тебя узнать о жизни; мои двери открыты. Но если ты хочешь знать о смерти, походи в какое-то другое место, потому что я никогда не умирал и никогда не умру. У меня нет опыта смерти. Если хочешь знать о смерти, спроси тех, кто умер, спроси тех, кто уже мертв.

Факир рассмеялся и продолжал:

- Но как ты можешь спросить тех, кто уже мертв? Если ты хочешь узнать у меня адрес мертвого, я не смогу тебе его дать. Потому что, с тех пор как я понял, что не могу умереть, я понял также и то, что никто не может умереть, что никто никогда не умирал.

Но как мы можем поверить этому факиру? Каждый день мы видим, что кто-то умирает; каждый день происходит смерть. Смерть - это высшая истина; она делает себя очевидной, проникая в центр наших существ. Ты можешь закрыть глаза, но вне зависимости от того, далеко ли она от тебя, она все же остается очевидной. Вне зависимости от того, насколько мы от нее прячемся, убегаем, все же она окружает нас. Как можно исказить эту истину?

Некоторые люди, конечно, пытаются исказить эту истину. Просто из страха смерти люди верят в бессмертие души - лишь из страха. Они не знают; они просто верят. Некоторые люди повторяют каждое утро, сидя в храме или мечети: "Никто не умирает; душа бессмертна". Они не правы, считая, что, просто повторяя это, они сделают свои души бессмертными. У них такое впечатление, что смерти можно избежать повторением: "Душа бессмертна". Смерть никогда не станет ложью просто от такого повтора - она может стать ложью, только будучи познанной.

Это очень странно, помните: мы всегда признаем противоположность того, что продолжаем повторять. Когда кто-то говорит, что он бессмертен, что душа бессмертна, - когда он это повторяет, он просто знает, знает глубоко внутри, что умрет, что ему придется умереть. Если он знает, что не умрет, нет необходимости повторять и повторять о бессмертии; повторяет лишь тот, кто боится. И вы увидите, что более всего люди напуганы смертью в тех странах, в тех обществах, которые больше всех говорят о бессмертии души. Наша же страна неустанно твердит о бессмертии души, и все же есть ли кто-нибудь на земле, кто боялся бы смерти больше нас? Никто не боится смерти больше нас! Как нам согласовать эти две вещи?

Могут ли быть рабами люди, которые верят в бессмертие души? Они скорее умрут; они будут готовы умереть, потому что знают, что смерти нет. Те, кто знает, что жизнь вечна, что душа бессмертна, первыми приземлятся на Луне! Они первыми взберутся на Эверест! Они первыми исследуют глубины Тихого океана! Но нет, мы не из них. Мы не взбираемся на вершину Эвереста, не летим на Луну, не ныряем в Тихий океан - мы, те люди, которые верят в бессмертие души! Фактически, мы так напуганы смертью, что из страха продолжаем повторять: "Душа бессмертна". И мы пребываем в иллюзии, что, может быть, просто благодаря этому повторению это станет правдой. Ничто не становится правдой от повторения.

Смерть нельзя отвергнуть, просто повторяя, что смерти не существует. Смерть нужно познать, с ней нужно столкнуться, ее нужно прожить. Вам придется с ней познакомиться. Вместо этого мы продолжаем убегать от смерти.

Как мы можем ее увидеть? Видя смерть, мы закрываем глаза. Когда мимо по дороге идет похоронная процессия, мать закрывает перед ребенком дверь и говорит: "Не выходи; там кто-то умер". Крематории вынесены за пределы города и редко попадают на глаза, чтобы смерть не была рядом, прямо перед тобой. А если ты при ком-нибудь упомянешь о смерти, он запретит тебе об этом говорить.

Однажды я жил с саньясином. Каждый день он говорил о бессмертии души. Я его спросил:

- Ты когда-нибудь понимал, что подходишь к смерти ближе и ближе?

- Не говори такие непристойные вещи, - ответил он. - Нехорошо говорить о таких вещах. Я сказал:

- Если, с одной стороны, человек говорит, что душа бессмертна, а с другой - что непристойно говорить о смерти, это портит все дело. Он не должен испытывать никакого страха, он не видит никаких дурных знамений, ничего плохого в том, чтобы говорить о смерти, - потому что для него смерти нет. Он сказал:

- Хотя душа и бессмертна, я все же совсем не хочу говорить о смерти. Человек не должен говорить о таких бессмысленных и пугающих вещах. Все мы делаем одно и то же - поворачиваемся к смерти спиной и убегаем от нее.

Я слышал:

Как-то в одной деревне один человек сошел с ума. День был жаркий, и он один шел по безлюдной дороге. Шел он довольно быстро, стараясь не пугаться: можно испугаться, если кто-то есть рядом, но чего бояться, если вокруг никого нет? Однако нам страшно, когда вокруг никого нет. Фактически, мы боимся самих себя, и, когда мы одни, этот страх еще сильнее. Никого мы не боимся больше самих себя. Мы боимся меньше, когда нас кто-то сопровождает, и больше, если мы предоставлены самим себе. Этот человек был один. Он испугался и побежал. Все было тихо и спокойно - был жаркий полдень, вокруг никого не было. Когда он побежал быстрее, то ощутил звук бегущих ног у себя за спиной. Он испугался - может быть, за ним кто-то гонится. Тогда, в страхе, он бросил быстрый взгляд краем глаза. За ним гналась его собственная тень. Это была его собственная тень - но, увидев, что его преследует какая-то длинная тень, он побежал еще быстрее. Этот человек так и не смог остановиться, потому что чем быстрее он бежал, тем быстрее бежала за ним и тень. В конце концов он сошел с ума. Но есть люди, которые даже поклоняются сумасшедшим.

Когда люди видели, как он стрелой мчится по их деревням, они думали, что, наверное, он занимается какой-то великой аскетической практикой. Только ночью, когда тень исчезала и он думал, что за ним больше никто не гонится, он позволял себе остановиться. С первыми же проблесками дня он снова пускался бежать. Затем он перестал останавливаться даже ночью - сообразив, что, сколько бы он ни пробежал за день, тень нагоняла его и утром следовала за ним снова. Поэтому даже ночью он продолжал бежать. Он совершенно помешался; он не ел и не пил. Тысячи людей видели, как он бежит; его осыпали цветами, кто-то давал ему немного хлеба и воды. Люди стали больше и больше поклоняться ему; тысячи людей воздавали ему почести. Но человек все больше и больше сходил с ума, и в конце концов однажды он упал на землю и умер.

Люди той деревни, в которой он умер, похоронили его в тени дерева и спросили старого деревенского факира, что выгравировать на его надгробии. Факир написал на нем несколько строк. Где-то, в какой-то деревне все еще есть эта могила. Прочитайте эти строки. Факир написал на надгробии: "Здесь покоится человек, который всю жизнь бежал от собственной тени и потратил впустую всю свою жизнь, убегая от тени. Но этот человек не знал даже столько, сколько знает надгробный камень: потому что надгробный камень в тени, но не бежит и поэтому не создает тени".

Мы тоже бежим. Мы можем удивляться, как этот человек мог бежать от собственной тени, но и мы бежим от теней. И само то, от чего мы бежим, начинает преследовать нас. Чем быстрее мы бежим, тем быстрее оно следует за нами, потому что это наша собственная тень.

Смерть - это наша собственная тень. Продолжая бежать от нее, мы никогда не сможем остановиться и узнать, что же это такое. Если бы этот человек остановился и увидел то, что за ним гналось, возможно, он бы рассмеялся и сказал: "Что я за человек, если бегу от тени?" Никто никогда не может убежать от тени; никто даже не может победить в борьбе с тенью. Это не значит, однако, что тень сильнее и нам никогда не добиться победы; это

просто значит, что тени нет, а значит, нет и вопроса о победе. Нельзя победить то, чего не существует. Вот почему людей продолжает побеждать смерть: потому что смерть – это просто тень жизни.

Когда жизнь движется вперед, с нею движется и ее тень. Смерть – это тень, которая формируется позади жизни, и мы никогда не хотим оглянуться и посмотреть, что это такое. Мы падали в изнеможении столько раз – снова и снова пробежав эту гонку. Не в первый раз вы на этом берегу, должно быть, вы были здесь раньше – возможно, не на этом берегу; тогда это был какой-то другой берег. Может быть, тело было не это – но гонка, должно быть, была такой же. Наверное, ноги были те же самые, гонка была такой же. Многие жизни мы живем, неся с собою страх смерти, и все же мы не в силах ни осознать, ни увидеть его. Нам так страшно и жутко, когда приближается смерть, когда вся ее тень сгущается вокруг нас, что от страха мы теряем сознание. Как правило, никто не остается в сознании в момент смерти. Если бы хотя бы однажды кто-то остался в сознании, страх смерти исчез бы навсегда. Если бы хотя бы однажды человек был способен увидеть, как происходит умирание, какова смерть, что происходит в смерти, в следующий раз он не боялся бы смерти, потому что смерти бы не было. Он не победил бы смерть – потому что мы можем достичь победы лишь над тем, что существует. Просто в познании смерти она исчезает. Тогда не остается ничего, что можно было бы побеждать.

Много раз раньше мы умирали, но каждый раз, когда случалась смерть, мы теряли сознание. Похожим образом хирург или врач приводит вас в состояние общего наркоза перед операцией, чтобы вы не чувствовали боли. Мы так боимся смерти, что в момент смерти теряем сознание добровольно. Мы теряем сознание совсем незадолго до смерти. Мы умираем бессознательными и затем рождаемся в состоянии бессознательности. Мы не видим ни смерти, ни рождения – и поэтому так никогда и не можем понять, что жизнь вечна. Рождение и смерть – это не более чем постоянные двory, где мы переодеваемся и меняем лошадей. В старые времена железных дорог не было, и люди путешествовали в повозках, запряженных лошадьми. Они путешествовали из одной деревни в другую, и, когда лошади уставали, они сменяли своих лошадей на свежих на постоянном дворе, а затем снова сменяли их в следующей деревне. Однако эти люди, меняя лошадей, никогда не чувствовали, что то, что они делают, подобно смерти и новому рождению, потому что, меняя лошадей, они оставались в полном сознании. Иногда случалось так, что всадник путешествовал навеселе. Оглядываясь вокруг в таком состоянии, он удивлялся тому, как все вокруг по-другому, что все кажется таким другим. Я слышал, что однажды пьяный всадник даже сказал:

– Может быть, поменяли и меня? Кажется, это не та лошадь, на которой я ехал. Может быть, стал другим человеком и я?

Смерть и рождение – это просто станции, на которых сменяются повозки, – где старые повозки оставляют, где оставляют усталых лошадей и запрягают новых. Но оба эти действия совершаются, когда мы в бессознательном состоянии. А человек, рождение и смерть которого происходят бессознательно, не может жить сознательной жизнью – он действует в своего рода полусознательном состоянии, полусонном состоянии жизни.

Я хочу сказать, что очень существенно увидеть смерть, понять, узнать ее. Но это возможно, лишь когда мы умираем; человек может увидеть смерть только умирая. Как это сделать сейчас? Если человек видит смерть только во время смерти, невозможно ее понять – потому что во время смерти он потеряет сознание.

Да, можно это сделать сейчас. Мы можем пройти эксперимент, войдя в смерть по собственной воле. И позвольте мне сказать, что медитация или самадхи – это не что иное, как вхождение в смерть. Опыт вхождения в смерть добровольно есть медитация, самадхи. Явление, которое однажды произойдет автоматически в отбрасывании тела, – мы можем преднамеренно вызвать его, создавая внутреннюю дистанцию между собой и телом. И таким образом, покидая тело изнутри, мы можем испытать на опыте событие смерти, испытать на опыте наступление смерти. Мы можем пережить смерть сегодня, этим самым

вечером, - потому что наступление смерти просто означает, что наша душа и наше тело будут переживать в этом путешествии такое же разделение, как когда путешественник идет вперед, оставляя позади свое транспортное средство.

Я слышал, что один человек пришел навестить мусульманского факира, Шейха Фариды, и сказал:

- Мы слышали, что, когда Мансуру отрубили ноги и руки, он не чувствовал боли... во что трудно поверить. Даже колючка, воткнувшись в ногу, причиняет боль. Разве не больно, когда человеку отрубают ноги и руки? Кажется, это фантастические выдумки.

- Еще мы слышали, - продолжал этот человек, - что, когда Иисуса распяли на кресте, он не чувствовал никакой боли. Ему разрешили произнести последнюю молитву. И в то, что сказал окровавленный, обнаженный Иисус - распятый на кресте, пронзенный шипами, прибитый гвоздями - в последние мгновения, невозможно поверить!

Иисус сказал: "Прости этих людей, ибо они не ведают, что творят". Наверное, ты слышал эти слова. Во всем мире их повторяют люди, верующие в Христа. Слова очень просты. Иисус сказал: "О Господи, пожалуйста, прости этих людей, ибо они не ведают, что творят". Читая эти слова, люди обычно думают, что Иисус говорит, что бедные люди не понимают, что убивают такого хорошего человека, как он. Нет, он имел в виду не это. Вот что имел в виду Иисус: "Эти бесчувственные люди не знают, что человек, которого они убивают, не может умереть. Прости их, потому что они не знают, что делают. Они делают нечто невозможное - совершают убийство, которое невозможно".

Этот человек сказал:

- Трудно поверить, что человек, которого вот-вот убьют, может проявить столько сострадания. Фактически, его должен переполнять гнев.

Фарид рассмеялся от всего сердца и сказал:

- Ты поднял хороший вопрос, но я отвечу на него позднее. Сначала сделай мне небольшое одолжение.

Он поднял лежащий рядом кокосовый орех, дал ему и попросил разбить, предупредив, что не надо разбивать ядро.

Но кокос не был зрелым, и человек сказал:

- Прости, но я не могу этого сделать. Кокос совершенно сырой, и если я разобью его, то разобьется и ядро.

Фарид попросил его отложить кокос в сторону. Тогда он дал ему другой кокос, сухой, и попросил разбить его.

- Можешь ли ты сохранить ядро целым в этом кокосе?

- Да, - ответил человек, - ядро можно сохранить.

- Я ответил тебе. Ты понял?

- Я ничего не понял, - ответил человек. - Какая связь между кокосом и твоим ответом? Какая связь между кокосом и моим вопросом?

- Отложи и этот орех. Не нужно его разбивать. Я показываю тебе, что в сыром кокосе скорлупа и ядро все еще соединены друг с другом - если ударить по скорлупе, разобьется и ядро. Но есть сухой кокос. Чем сухой кокос отличается от сырого? Есть небольшая разница: ядро сухого кокоса внутри сжалось и отделилось от скорлупы; между скорлупой и ядром возникла дистанция. Теперь, как ты говоришь, даже разбив скорлупу, можно сохранить ядро. Так я ответил на твой вопрос!

- Но все же я не понимаю.

- Иди, умри и пойми, - сказал факир. - Без этого ты не поймешь то, что я сказал. Но даже тогда ты не сможешь меня понять, потому что перед смертью потеряешь сознание. Однажды ядро и скорлупа будут разделены, но в этот момент ты потеряешь сознание. Если хочешь понять, научись отделять ядро от скорлупы - сейчас, пока ты жив.

Если скорлупа, тело, и ядро, сознание, разделятся сию же минуту, со смертью покончено. С созданием этой дистанции ты узнаешь, что скорлупа и ядро - это две отдельные вещи, что ты будешь продолжать жить, даже если скорлупа разобьется, если ты исчезнешь. В этом состоянии, даже если случится смерть, она не сможет проникнуть к тебе вовнутрь - она

произойдет снаружи. Это просто значит, что ты не умрешь. То, что есть ты, выживет.

В этом сам смысл медитации или самадхи: научиться отделять скорлупу от ядра. Их можно разделить, потому что они отдельные. Можно узнать, что они отдельные, потому что они отдельные. Вот почему я называю медитацию добровольным входом в смерть. Человек, который входит в смерть по собственной воле, сталкивается с ней и узнает: "Наступила смерть, но все же я здесь".

Сократ был при смерти. Приближались последние мгновения; чтобы его убить, молотили яд. Он постоянно спрашивал:

- Уже поздно, сколько еще будут молотить этот яд? Его друзья плакали и говорили:

- Ты что, сошел с ума? Мы хотим, чтобы ты прожил немного дольше. Мы подкупили человека, который мелет яд; мы уговорили его делать это медленно.

Сократ вышел и обратился к человеку, готовящему яд:

- Ты слишком копаешься. Кажется, ты не умеешь это делать. Ты что, совсем новичок? Никогда не молотил его раньше? Никогда не давал яд осужденному?

- Я давал яд всю жизнь, но никогда не видел такого сумасшедшего, как ты. Почему ты так торопишься? Я мелю его медленно, чтобы ты мог дышать немного дольше, прожить немного дольше, остаться в жизни немного дольше. Ты говоришь как сумасшедший - что уже поздно. Почему ты так торопишься умереть?

- Я очень тороплюсь, потому что хочу увидеть смерть, хочу посмотреть, как выглядит смерть. А еще я хочу увидеть, выживу я или нет, когда случится смерть. Если я не выживу, все кончено; если я выживу, будет покончено со смертью. Фактически, я хочу посмотреть, кто умрет со смертью - смерть или я? Я хочу посмотреть, кто выживет: смерть или я? Но как я могу это увидеть, пока я жив?

Сократу дали яд. Друзья стали оплакивать его; они были не в себе. А что делал Сократ? Он им говорил:

- Яд достиг моих коленей. Ниже коленей мои ноги совершенно мертвы - я даже не узнаю, если мне их отрубят. Но, друзья мои, позвольте мне сказать, что, хотя мои ноги и мертвы, я все еще жив. Это значит, что определено одно: я -это не мои ноги. Я все еще здесь, полностью здесь. У меня внутри еще ничего не увяло.

- Теперь не стало и ног, - продолжал Сократ, - до бедер я совершенно мертв. Я не почувствую, если мне отрубить ноги по самые бедра. Но я все еще здесь! И здесь мои друзья, которые продолжают плакать!

Не плачьте, - говорил Сократ, - наблюдайте! Это возможность для вас: я умираю и сообщаю вам, что еще жив. Мне можно полностью отрубить ноги - даже тогда я буду жив, я сохранюсь. Теперь уплывают и руки; и мои руки умрут. Ах! Сколько раз я отождествлял себя с этими руками - с теми самыми руками, которые теперь покидают меня, - но я по-прежнему здесь.

И таким образом Сократ продолжает говорить, пока умирает.

- Постепенно все становится мирным, все тонет, но я все еще не затронут. Через некоторое время, возможно, я больше не смогу ничего сказать, но пусть это не заставит вас думать, что меня больше нет. Потому что, если, потеряв почти все тело, я все еще здесь, как мне может прийти конец, если я потеряю еще некоторую часть тела? Может быть, я не смогу об этом сказать - это возможно при помощи тела, - но я останусь здесь.

А в самое последнее мгновение он говорит:

- Теперь, может быть, мои последние слова: язык не слушается меня. Я больше не смогу сказать ни слова, но все же я говорю: Я существую.

До последнего мгновения он продолжал говорить: "Я все еще жив".

Так и в медитации человек должен медленно войти вовнутрь. И постепенно, одно за другим, все начинает отпадать. Создается расстояние до всего и вся, и приходит мгновение, когда кажется, что все находится где-то далеко, на расстоянии. Ты чувствуешь себя так, будто чей-то труп лежит на берегу - и все же ты существуешь. Тело лежит там, но все же ты существуешь - отдельный, совершенно отчетливый и другой.

Однажды испытав столкновение со смертью лицом к лицу при жизни, мы никогда больше не будем иметь ничего общего со смертью. Смерть будет продолжать приближаться но теперь она будет просто пересадочным пунктом – она будет подобна перемене одежды; будто мы берем новых лошадей и отправляемся в новых телах в новое путешествие, по новым путям, в новые миры. Но смерть никогда не сможет уничтожить нас. Это можно узнать, лишь столкнувшись со смертью. Нам придется ее узнать; нам придется через нее пройти.

Поскольку мы так боимся смерти, мы не можем медитировать. Многие приходят ко мне и говорят, что не могут медитировать. Как мне им объяснить, что их настоящая проблема совсем в другом? Настоящая проблема – страх смерти... а медитация – это процесс смерти. В состоянии тотальной медитации мы достигаем того же состояния, что и мертвый человек. Единственная разница в том, что мертвый приходит в это состояние бессознательно, тогда как мы достигаем его сознательно. Это единственная разница. Мертвый человек ничего не знает о том, что произошло, как разбилась скорлупа, а ядро уцелело. Медитирующий искатель знает, что скорлупа и ядро стали отдельными.

Страх смерти – это основная причина, по которой люди не могут идти в медитацию, – другой причины нет. Те, кто боится смерти, никогда не смогут войти в самадхи. Самадхи это добровольное приглашение смерти. Смерть приглашает: "Приди, я готов умереть. Я хочу знать, выживу ли я после смерти. И лучше, если я узнаю ее сознательно, потому что я не смогу ничего узнать, если это событие произойдет, когда я в бессознательном состоянии".

Поэтому вот первое, что я хочу вам сказать: если ты будешь продолжать убегать от смерти, то будешь ею всегда побежден, – а в тот день, когда ты встанешь и встретишь смерть, в тот самый день она оставит тебя, а ты сохранишься.

В эти три дня все мои лекции будут посвящены техникам встречи смерти. Надеюсь, что за эти три дня многие люди узнают, как умирать, и смогут умереть. А если вы можете умереть здесь, на этом берегу... Это невероятный берег. Именно по этим пескам однажды ходил Кришна – тот самый Кришна, что сказал Арджуне в некой войне: "Не волнуйся; ничего не бойся. Не бойся убивать и быть убитым, потому что я говорю тебе, что никто не умирает и никто не убивает". Никто никогда не умирал, никто никогда не умрет; то, что умирает, то, что может умереть, уже мертво. А то, что не умирает, не может быть убито – для него нет способа умереть. И это сама жизнь.

Сегодня вечером мы неожиданно собрались на этом морском берегу, по которому однажды ходил тот самый Кришна. Эти пески видели, как по ним ходил Кришна. Люди, должно быть, верили, что Кришна в самом деле умер – потому что мы знаем смерть как единственную истину; для нас умирает каждый. Это море, эти пески никогда не чувствовали, что Кришна умер; это небо, эти звезды и луна никогда не верили в смерть Кришны.

Фактически, нигде в жизни нет места для смерти, но все мы верили, что Кришна умер. Мы верим в это, потому что нас непрерывно преследует мысль о собственной смерти. Почему мы так озабочены мыслью о собственной смерти? Прямо сейчас мы живы, почему же тогда мы боимся смерти? Почему мы так боимся умирать? Фактически, за этим страхом стоит секрет, который мы должны понять.

За ним стоит определенная математика, и эта математика интересна. Мы никогда не видели, как мы умираем. Мы видели, как умирают другие, и это усиливает идею о том, что придется умереть и нам. Например, капля росы в океане живет с тысячами других капель, а однажды на нее падает луч солнца и она превращается в пар и исчезает. Другие капли думают, что она мертва, и они правы – потому что некоторое время назад они видели каплю, а теперь ее не стало. Но капля по-прежнему существует в облаках. Но как это узнать другим каплям, пока они сами не стали облаками? К этому времени, наверное, эта капля уже упала в море и снова стала каплей. Но как узнать об этом другим каплям, пока они сами не отправились в это путешествие?

Когда мы видим, что рядом кто-то умирает, мы думаем, что этого человека больше нет, что еще один человек умер. Мы не осознаем, что этот человек просто испарился, что он вошел в тонкое тело и отправился в новое путешествие, - что это капля, которая испарилась, только чтобы снова стать каплей. Как нам это увидеть? Все, что мы чувствуем, - это что еще одного человека не стало, еще один человек мертв. Таким образом кто-то умирает каждый день; каждый день уходит еще одна капля. И постепенно в нас возникает уверенность, что и нам придется умереть: "Я тоже умру". Тогда нас охватывает страх: "Я умру". Этот страх охватывает нас, потому что мы смотрим на других. Мы живем, наблюдая за другими, и в этом наша проблема.

Вчера вечером я рассказал друзьям историю. Одного еврейского факира очень расстраивали неприятности - а кого они не расстраивают? Всех нас беспокоят наши враги, а величайшее беспокойство причиняет нам знание, что кто-то другой счастлив. Видя, что другие счастливы, мы становимся несчастнее. В этом есть еще немного математики, та же математика, о которой я говорил в отношении смерти. Мы видим свое страдание и видим лица других. В других мы не видим страдания; мы видим их улыбающиеся глаза, улыбки на их губах. Если мы посмотрим на самих себя, то увидим, что несмотря на то, что внутри мы обеспокоены, мы продолжаем улыбаться снаружи. Фактически, это способ скрыть страдание..

Никто не хочет показать, что он несчастен. Если он не может действительно быть счастливым, по крайней мере, он хочет показать, что он счастлив, потому что показать другим, что ты несчастен, это большое унижение, потеря и поражение. Именно поэтому снаружи мы продолжаем улыбаться, а внутри остаемся такими же, как были. Внутри продолжают копиться слезы; снаружи мы практикуем улыбку. Тогда если кто-то посмотрит на нас снаружи, он увидит, что мы улыбаемся; однако если этот человек посмотрит вовнутрь, он найдет там страдание. И это становится для него проблемой. Он думает, что весь мир счастлив, а он один несчастлив.

То же самое случилось с этим факиром. Однажды вечером в молитве Богу он сказал:

- Я не прошу тебя не давать мне несчастья, потому что, если я заслуживаю несчастья, я, конечно, должен его получить, - но, по крайней мере, я молю тебя о том, чтобы его не было так много. В мире я вижу смеющихся людей, и лишь я один плачу. Каждый кажется счастливым; лишь я один несчастлив. Каждый кажется веселым; лишь только я печален, блуждая во тьме. В конце концов, что я тебе сделал? Пожалуйста, сделай мне одолжение - дай мне несчастье кого-то другого в обмен на мое. Позволь мне обменяться несчастьем с любым другим человеком, с кем пожелаешь, и я приму его.

Той ночью он уснул и увидел странный сон. Он увидел гигантский особняк с миллионами вешалок. Входили миллионы людей, и каждый нес за спиной связку несчастий. Видя столько несчастий, он испугался; он был озадачен. Связки, принесенные другими людьми, были очень похожи на его собственную. Размер и форма каждой связки в точности совпадали. Он пришел в сильное замешательство. Он всегда видел соседа улыбающимся - и каждое утро, когда факир спрашивал, как у него дела, тот отвечал: "Просто прекрасно", - и теперь этот человек принес то же количество несчастий.

Он видел политиков и их последователей, гуру и их учеников - все с одинаковым грузом. Мудрые и невежественные, богатые и бедные, здоровые и больные - груз в связке у каждого был одинаковый. Факир лишился дара речи. Впервые он видел эти связки; до сих пор он видел только лица этих людей.

Внезапно комнату наполнил громкий голос: "Повесьте свои связки!" Все, включая факира, сделали, как было приказано. Все спешили избавиться от своих проблем; никто не хотел нести свои страдания ни секундой больше, и если бы такая возможность была у нас, мы тоже тут же повесили бы свои связки.

Тогда раздался другой голос: "А теперь пусть каждый из вас выберет ту связку, которая ему нравится!" Мы могли бы предположить, что наш факир поскорее схватил связку кого-то другого. Нет, он не совершил этой ошибки.

В панике он бросился к своей связке, пока ее не взял кто-то другой, - иначе для него это стало бы проблемой, потому что все связки выглядели одинаково. Он подумал, что лучше взять собственную связку - по крайней мере, заключенные в ней несчастья знакомы. Кто знает, какие несчастья в других связках? Знакомое страдание - это все же меньшее страдание, это известное страдание, узнаваемое страдание.

Поэтому, охваченный паникой, он побежал и спас свою связку, пока никто другой не успел предъявить на нее права. Однако оглянувшись вокруг, он обнаружил, что и все остальные бросились к своим связкам несчастий; ни один из них не выбрал никакую, кроме своей собственной. Он спросил:

- Почему вы так торопитесь забрать свои связки?

- Мы испугались. До сих пор мы верили, что все остальные счастливы, а несчастны только мы, - ответили они.

Кого бы в этом доме ни спросил об этом факир, каждый отвечал ему, что верил, что все остальные счастливы.

- Мы даже думали, что счастлив и ты. Ты тоже ходил по улице с улыбкой на лице. Мы никогда не представляли себе, что и ты носишь в себе связку несчастий, - сказали они.

Из любопытства факир спросил:

- Почему же вы снова взяли свои связки? Почему не обменялись с другими?

- Сегодня каждый из нас в молитве Богу говорил, что хочет с кем-то обменяться своими несчастьями. Но когда мы увидели, что у всех остальных такие же связки, то испугались; мы никогда не могли этого себе представить. Поэтому мы решили, что лучше забрать собственные связки. Они знакомы и известны. Зачем впадать в новые несчастья? Ведь мы давным-давно привыкли к своим старым несчастьям.

Этой ночью никто не выбрал связку кого-то другого. Факир проснулся, поблагодарил милостивого Бога за то, что он позволил ему снова взять свои несчастья, и решил никогда больше не молить его об этом.

Фактически, за этим стоит та же самая арифметика. Когда мы смотрим на лица других людей и на свою собственную действительность - вот где мы совершаем огромную ошибку. И в нашем восприятии жизни и смерти действует та же ошибочная арифметика. Ты видел, как умирают другие, но никогда не видел, как умираешь ты сам. Ты видишь смерти других людей, но никогда не узнаешь, остается ли в живых что-нибудь внутри этих людей. Поскольку в это время мы теряем сознание, смерть остается для нас незнакомкой. Поэтому важно, чтобы мы вошли в смерть добровольно. Однажды увидев смерть, человек становится свободным от нее, торжествует над ней. Фактически, бессмысленно называть его победителем, потому что ему нечего побеждать - тогда смерть становится ложной; тогда смерть просто не существует.

Если, сложив два и два, человек получает пять, а потом узнает, что два и два будет четыре, можно ли сказать, что он восторжествовал над пятью и сделал из пяти четыре? На самом деле он скажет, что не было и речи о победе - не было пяти! Пять было его ошибкой, иллюзией - его расчеты были неправильными, сумма равнялась четырем; он понял ее как пять, и в этом была его ошибка. Как только ты видишь свою ошибку, дело закрыто. Скажет ли тогда этот человек: "Как мне избавиться от пяти? Теперь я вижу, что два плюс два - четыре, но раньше я считал, что будет пять. Как мне освободиться от пяти?" Человек никогда не попросит такой свободы, потому что, как только он найдет, что два плюс два четыре, дело сделано. Пяти больше нет. От чего тогда ему освободиться?

Человек не должен ни освобождаться от смерти, ни торжествовать над ней.

Человеку нужно узнать смерть. Само знание становится свободой, знание становится победой. Именно поэтому раньше я говорил, что в знании сила, что в знании свобода, победа. Познание смерти заставляет ее раствориться; затем внезапно, впервые, мы становимся связанными с жизнью.

Именно поэтому я сказал вам, что первое в медитации - это добровольно войти в смерть. Второе, что я хотел бы сказать: что человек, который входит в смерть по собственной воле, находит - внезапно - вход в жизнь. Хотя он и идет на поиски смерти, вместо того чтобы встретить смерть, он

встречает предельную жизнь. Хотя, стремясь к цели своих поисков, он вступает в дом смерти, на самом деле он в конце концов оказывается в храме жизни. А тот, кто бежит из дома смерти, никогда не достигает храма жизни.

Позвольте мне указать, что на стенах храма жизни выгравированы тени смерти. Позвольте мне также указать вам, что карты смерти нарисованы на стенах храма жизни, и, поскольку мы бежим от смерти, в результате мы бежим и из храма жизни! Лишь приняв смерть, мы сможем принять эти стены. Если мы когда-нибудь сможем войти в смерть, мы сможем войти и в храм жизни. Божество жизни обитает в стенах смерти; образами смерти расписаны все стены храма жизни. Мы просто бежали, едва завидев их.

Если ты когда-нибудь видел Хаджурахо, то, наверное, заметил странную вещь - все его стены украшены скульптурами, изображающими сексуальные сцены. Изображения кажутся обнаженными и непристойными. Если, увидев их, человек бежит прочь, он не сможет добраться до божества внутри. Внутри образ Бога, а снаружи образы секса и страсти, барельефы, изображающие половой акт. Должно быть, те, кто построил храмы Хаджурахо, были прекрасными людьми. Они изобразили глубокую истину жизни: они сообщили, что секс находится на стене храма, на внешней стене храма, и если ты бежишь от него, то никогда не сможешь достичь брахмачарьи, целомудрия, - потому что брахмачарья внутри. Если ты когда-нибудь сможешь преодолеть эти стены, то тогда достигнешь брахмачарьи. Смертный мир, самсара, отражен на стенах, и бегство от него никогда не приведет тебя к Богу, потому что тот, кто восседает внутри, в стенах самсары, и есть сам Бог.

Я говорю тебе точно то же. Где-нибудь, в каком-то месте мы должны построить храм, на стенах которого показана была бы смерть, а божество жизни восседало внутри. Именно в этом заключается истина. Однако, поскольку мы продолжаем бежать от смерти, мы также упускаем и саму божественность жизни.

Я говорю одновременно и то и другое: медитация - это добровольное вхождение в смерть, а тот, кто добровольно входит в смерть, достигает жизни. Это значит: тот, кто сталкивается со смертью, в конце концов находит, что смерть исчезла и он пребывает в объятиях жизни. Это кажется очень противоречивым - ты отправляешься на поиски смерти, а сталкиваешься с жизнью, - но в этом нет противоречия.

Например, на мне одежда. Если ты пойдешь меня искать, сначала ты встретишь мою одежду - хотя я не одежда. И если ты испугаешься моей одежды и убежишь, тогда ты никогда не сможешь меня узнать. Однако если ты подходишь ко мне ближе и ближе, не пугаясь моей одежды, тогда под одеждой ты найдешь мое тело. Но и тело, в более глубоком смысле, является одеянием, и если ты убежишь от моего тела, то не сможешь найти того, кто находится внутри. А если бы ты не испугался тела и продолжал путешествие вовнутрь, зная, что и тело - это одежда, тогда, несомненно, ты встретил бы того, кто покоится внутри и кого хочет встретить каждый. Как интересно то, что стена состоит из тела, а Божественное изящно восседает внутри! Из материи состоит стена, а внутри Божественное сознание восседает во всей своей славе. Конечно, это противоречивые вещи - стена материи и божественность жизни. Если ты понимаешь правильно, стена состоит из смерти, а Божественное - из жизни.

Когда художник пишет картину, он обеспечивает темный фон, чтобы подчеркнуть белый цвет. Белые линии становятся явственно видимыми на темном фоне. Если бы человек пугался черного, то не смог бы достичь белого. Но он не знает, что именно черный подчеркивает белый.

Таким же образом шипы окружают цветущие розы. Если человек пугается шипов, он не сможет достичь и роз; если он продолжает избегать шипов, он будет лишен и цветов. Но тот, кто принимает шипы и приближается к ним без страха, находит, к своему удивлению, что шипы нужны лишь для того, чтобы защитить цветок; они просто служат внешней стеной, ограждающей цветок, - защитной стеной. Цветок цветет среди шипов; шипы не враги цветку. Цветы - это части шипов, а шипы - это части цветов, - и те и другие возникли из одного и того же жизненного источника растения.

То, что мы называем жизнью, и то, что мы называем смертью, – есть части большей жизни. Я дышу. Воздух выходит; воздух входит. Тот же воздух, который выходит, через некоторое время входит снова, а тот воздух, который выходит, через некоторое время снова входит. Вдох – это жизнь, выдох – это смерть. Но и то и другое – это части большей жизни – жизнь и смерть, идущие рука об руку. Рождение это один шаг, смерть это другой шаг. Но если бы мы могли видеть, если бы мы могли проникнуть вовнутрь, мы бы достигли видения большей жизни.

Эти три дня мы будем заниматься медитацией вхождения в смерть. И я буду говорить с вами о многих ее измерениях. Сегодня мы сделаем первую медитацию. Позвольте мне объяснить вам об этом некоторые вещи.

Теперь, наверное, вы уже поняли мою точку зрения: мы должны достичь точки внутри, глубоко внутри, где нет возможности смерти. Мы должны отбросить все внешнее, периферию, как это происходит в смерти. В смерти тело отпадает, чувства отпадают, мысли отпадают, дружба отпадает, вражда отпадает – отпадает все. Весь внешний мир уходит – остаемся лишь мы, остается лишь "я", лишь сознание остается отстраненным.

Так же и в медитации – мы должны отбросить все, оставив в живых только наблюдателя, внутреннего свидетеля. И эта смерть произойдет. За эти три дня медитации, если вы наберетесь храбрости умереть и отбросить самого себя, случится явление, называемое самадхи, Самадхи, помните, это прекрасное слово. Самадхи называется состояние тотальной медитации, и надгробная плита, которую ставят после смерти человека, тоже называется "самадхи". Думали ли вы когда-нибудь об этом? – и то и другое называется самадхи. Фактически, у них общий секрет, общая точка встречи.

Фактически, для человека, достигшего состояния самадхи, его тело остается точно могила – ничто иное. Тогда он осознает, что кто-то есть внутри; снаружи – только тьма.

По смерти человека мы делаем могилу и называем ее самадхи. Но это самадхи сделано другими. Если мы делаем собственное самадхи, прежде чем его сделают другие, мы создаем как раз то явление, которого жаждем. Конечно, у других будет возможность сделать нашу могилу, но мы, быть может, можем упустить возможность создать собственное самадхи. Если мы можем сделать собственное самадхи, тогда в смерти умрет лишь тело и речи не будет о том, чтобы умерло сознание. Мы никогда не умирали и никогда не можем умереть. Никто никогда не умирал, никто никогда не может умереть. Чтобы это знать, мы должны спуститься по всем ступенькам смерти.

Я хотел бы вам показать три шага, которым мы последуем. И кто знает, это явление может случиться и на этом берегу, и вы получите свое самадхи – не то, которое делают другие, но созданное по собственной воле.

Вот эти три шага. Первый шаг – расслабить тело. Тебе придется расслабить тело настолько, чтобы почувствовать, будто оно лежит на некотором расстоянии от тебя. Ты должен отозвать из тела всю энергию и собрать ее внутри. Вся энергия, которая есть в теле, дается ему нами. Тело получает то количество энергии, которым мы его кормим; то, что мы забираем, мы забираем.

Вы никогда не замечали? Когда ты с кем-то дерешься, откуда тело берет дополнительную энергию? В таком состоянии ты можешь поднять такой большой камень, который ты не мог бы даже сдвинуть с места в спокойном состоянии. Хотя это и было тело, ты никогда не задумывался о том, откуда берутся эти силы? Ты вкладываешь в него энергию – она была нужна, ты был в беде; была опасность; ты столкнулся с врагом. Ты знал, что твоя жизнь может быть в опасности, если ты не поднимешь этот камень, и ты вложил всю свою энергию в тело.

Это случилось однажды: один человек два года был парализован и прикован к постели. Он не мог встать; он не мог двигаться. Доктора отказались от него, объявив, что он останется парализованным до конца жизни. Затем однажды его дом загорелся и все выбежали наружу. Оказавшись снаружи, они поняли, что глава семьи оказался запертым внутри и не мог даже убежать;

что с ним будет? Кто-то принес факелы, и они увидели, что этот человек уже выбрался из дома. Они спросили:

- Как ты смог выйти? Как это случилось? Но он, несомненно, вышел; в этом не было сомнений.

Дом горел, все бежали, и на мгновение он забыл о своем параличе; он снова сложил всю свою энергию в тело. Но когда люди увидели его в свете светильников и спросили, как ему это удалось, он воскликнул:

- Ах, я же парализован! - и упал на землю. Он потерял свою энергию.

Теперь он и представить себе не мог, как случилось это явление. Теперь все стали ему объяснять, что он не был полностью парализован и что если он мог пройти столько, то мог бы ходить и всю оставшуюся жизнь. Этот человек продолжал говорить:

- Я не мог поднять руку; я не мог поднять ногу - как же тогда это случилось?

Он не мог ничего сказать; он даже не знал, кто вынес его из дома.

Никто не выносил его из дома; он вышел сам. Он не знал, однако, что перед лицом опасности душа влила всю энергию в тело. А затем, из-за его чувства, что он парализован, душа снова вобрала энергию вовнутрь и он снова стал парализованным.

Такие случаи происходили не с одним и не с двумя людьми; на земле были тысячи случаев, когда человек, разбитый параличом, выходил из этого состояния, когда он забывал свое состояние в случае пожара или перед лицом другой опасной ситуации.

Я хочу сказать, что мы вложили энергию в тело, но не имеем ни малейшего понятия о том, как ее отозвать. Ночью мы чувствуем себя отдохнувшими, потому что энергия привлечена вовнутрь и тело лежит в расслабленном состоянии, и утром мы снова свежи. Но некоторые люди не могут даже ночью привлечь энергию вовнутрь. Энергия остается запертой в теле, и тогда им становится трудно спать. Бессонница - это указание на то, что ранее вложенная в тело энергия не может найти пути вернуться к источнику. В первой стадии этой медитации вся энергия должна быть отозвана из тела. Еще одна интересная вещь в том, что просто чувствование энергии движет ее вовнутрь. Если кто-то некоторое время может чувствовать, что его энергия привлекается вовнутрь и тело расслабляется, он найдет, что его тело продолжает расслабляться все больше и больше. Тело достигнет такой точки, когда человек не смог бы поднять руку, даже если бы захотел, - все будет так расслаблено. Таким образом, чувствуя это, мы можем отозвать энергию из тела.

Поэтому первое, что нужно сделать, - это вернуть жизненную энергию, проку, к ее источнику. Это заставит тело лежать спокойно - точно скорлупа - и в этом можно будет наблюдать, что была создана дистанция между скорлупой и ядром внутри кокоса, что мы стали отдельными, и тело лежит снаружи, как скорлупа, как сброшенная одежда.

Следующее: расслабить дыхание. Глубоко внутри дыхания содержится жизненная энергия, прана, и именно поэтому человек умирает, когда дыхание прерывается. Глубоко внутри дыхание удерживает нас связанными с телом. Дыхание - это мост между атманом, душой, и телом; именно в этом связь. Поэтому мы называем дыхание пра-ной. Как только прекращается дыхание, прана уходит. На этом основаны некоторые техники.

Что происходит, когда человек расслабляет дыхание полностью, позволяет ему быть тихим и спокойным? Постепенно дыхание приходит к точке, когда человек не знает, дышит он внутри или нет. Часто он начинает недоумевать, жив ли он еще или умер, происходит дыхание или нет. Дыхание движется так тихо, что человек не знает, движется ли оно вообще.

Ты не должен контролировать дыхание. Если ты попытаешься это сделать, дыхание никогда не окажется под контролем, оно попытается вырваться наружу, оно попытается ворваться вовнутрь. Поэтому я говорю, что ты ничего не должен делать со своей стороны, просто позволь ему быть более и более расслабленным - более и более спокойным. Постепенно, в определенной точке, дыхание приходит к покою. Даже если оно приходит в покой на мгновение, тогда в это мгновение человек может увидеть безграничное

расстояние между сознанием и телом – в это самое мгновение видимо сознание. Как будто в это самое мгновение ударила молния, и в это мгновение я увидел все ваши лица. Впоследствии молнии может уже не быть, но я уже увидел ваши лица.

Когда дыхание на мгновение прерывается, точно посередине, то в это мгновение бьет молния внутри всего существа человека, и становится очевидно, что тело отдельно и ты отделен – что случилась смерть. Поэтому во второй стадии вы должны расслабить дыхание.

В третьей стадии нужно расслабить ум. Если даже дыхание расслаблено, но ум не расслаблен, молния, конечно, может ударить, но ты не сможешь узнать, что произошло, потому что ум будет оставаться занятым своими мыслями. Если бы молния ударила прямо сейчас и я остался со всеми моими мыслями, я узнал бы об этом лишь после того, как это случилось. Тем временем, однако, молния бьет, но я остаюсь занятым своими мыслями. Молния, конечно ударит, когда дыхание приостановлено, но она может быть замечена, лишь если прекратились мысли; иначе она не будет замечена и возможность будет утрачена. Поэтому третье, что нужно расслабить, это ум. Мы пройдем через эти три стадии, а затем, в четвертой стадии, мы будем сидеть в молчании. Как хотите, можете лежать или сидеть. Легче будет лечь – такой красивый пляж; его можно хорошо использовать. Каждый должен иметь вокруг себя пространство, чтобы лечь. Хорошо, если кто-то хочет сидеть, но он не должен контролировать себя, если тело хочет упасть, – потому что тело может упасть, если оно совершенно расслаблено, а ваш контроль не позволит ему полностью расслабиться.

Итак, мы пройдем эти три стадии, а затем в четвертой стадии десять минут останемся в молчании. В эти три дня, в эти десять минут это молчание будет вашим усилием увидеть смерть, позволить ей снизойти. Я буду говорить и предлагать вам чувствовать, что тело расслабляется, дыхание расслабляется, ум расслабляется – затем я умолкну, свет будет выключен и вы останетесь лежать в молчании десять минут. Вы останетесь в покое и тишине, наблюдая все, что происходит внутри.

Пусть вокруг вас будет достаточно места, чтобы, если тело упадет, оно не упало на кого-то другого. Те, кто хочет лечь, должны создать вокруг себя место. Никто не должен разговаривать... никто не должен уходить посередине.

Да, садитесь. Садитесь там, где вы стоите, или ложитесь. Закройте глаза... закройте глаза и расслабьте тело. Пусть оно будет свободным. Затем, по мере того как я даю рекомендации, начинайте чувствовать вместе со мной. И по мере того, как вы чувствуете, ваши тела будут становиться все более и более расслабленными – затем тело будет лежать совершенно расслабленное, как будто в нем вообще нет жизни.

Начинайте чувствовать. Тело расслабляется... продолжайте расслаблять его... Продолжайте расслаблять тело и чувствовать, что оно расслабляется. Тело расслабляется... почувствуйте это... расслабьте каждую часть тела. Чувствуйте внутри... тело расслабляется. Энергия возвращается вовнутрь... энергия отзывается из тела, обращается вовнутрь... энергия отзывается. Тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется. Полностью отпустите, как будто вы больше не живы. Пусть тело упадет как есть... пусть оно будет совершенно свободным. Тело стало расслабленным... тело стало расслабленным... тело стало расслабленным. Отпусти... отпусти.

Тело стало расслабленным. Тело стало совершенно расслабленным, как будто в нем нет жизни. Вся энергия тела оказалась внутри. Тело стало расслабленным... тело стало расслабленным... тело стало расслабленным... тело стало расслабленным... тело стало расслабленным. Отпустите, полностью отпустите, как будто тела больше нет.

Мы переместились вовнутрь. Тело стало расслабленным... тело стало расслабленным... тело стало расслабленным. Дыхание успокаивается... расслабьте и дыхание... расслабьте его полностью. Пусть оно входит и выходит само по себе... пусть оно будет свободным. Не нужно его останавливать или замедлять; просто пусть оно будет расслаблено. Пусть

дыхание входит вовнутрь, насколько может... пусть оно выходит наружу, насколько может. Дыхание становится расслабленным... дыхание становится спокойным...

Чувствуйте это: дыхание становится спокойным... дыхание становится спокойным и расслабленным... дыхание расслабляется... дыхание успокаивается. Дыхание успокоилось... дыхание успокоилось... дыхание успокоилось. Теперь пусть ум будет расслабленным, и почувствуйте, что мысли успокаиваются... мысли успокаиваются... ум успокоился... ум успокоился...

О ПРОШЛЫХ ЖИЗНЯХ. ЖИЗНЬ КАК СОН

Мои любимые,

Несколько вопросов было задано после вчерашней беседы. Один друг спросил: человек может умереть в полном сознании, но как он может быть в полном сознании при рождении?

Фактически, смерть и рождение – это не две разные вещи, но две стороны одного и того же явления – как две стороны одной монеты. Если человек может взять в руки одну сторону монеты, другая сторона окажется у него в руке автоматически. Не может быть, чтобы я держал в руках одну сторону монеты и раздумывал, как получить другую, – другая сторона становится доступной автоматически. Смерть и рождение – это две стороны одного и того же явления. Если смерть наступает в сознательном состоянии, тогда неизбежно в сознательном состоянии происходит и рождение. Если смерть происходит в бессознательном состоянии, в бессознательном состоянии случается и рождение. Если человек умирает в полном сознании в момент смерти, он будет наполнен сознанием и в момент следующего рождения. Поскольку все мы умираем в бессознательном состоянии, мы ничего не помним из своих прошлых жизней. Однако память наших прошлых жизней всегда остается присутствующей в каком-то уголке наших умов и может быть оживлена, если мы этого захотим.

С рождением мы ничего не можем сделать непосредственно; все, что мы можем сделать, касается только смерти.

После смерти ничего нельзя сделать; все, что нужно сделать, должно быть сделано до смерти. Человек, умерший в бессознательном состоянии, ничего не может, сделать, пока не родится снова, – невозможно, он будет продолжать оставаться бессознательным. Поэтому, если ты раньше умирал в бессознательном состоянии, тебе придется снова родиться в бессознательном состоянии. Все, что можно сделать, должно быть сделано до смерти, потому что до смерти у нас множество возможностей – возможности всей жизни. Со всеми этими возможностями мы можем приложить усилие к пробуждению. Поэтому, если кто-то будет ждать момента смерти, чтобы проснуться, это будет огромной ошибкой. Нельзя проснуться в момент смерти. Садхана, путешествие к пробуждению, должна начаться задолго до смерти; к ней должны быть сделаны приготовления. Без приготовлений человек обязательно останется бессознательным в смерти. Хотя, в определенном смысле, это бессознательное состояние для твоей же пользы, если ты еще не готов родиться в сознательном состоянии.

Около 1915 года правителю Каши сделали операцию на брюшной полости. Это была первая в мире операция такого рода, сделанная без использования наркоза. Ее выполняли три британских врача, и они отказывались оперировать без наркоза, говоря, что невозможно, чтобы человек полтора или два часа лежал со вскрытым животом и оставался в сознании. Это опасно – опасность в том, что пациент может кричать, двигаться, дергаться от невыносимой боли; произойти может все что угодно. Поэтому врачи не хотели делать этого.

Но правитель настаивал, что беспокоиться не о чем, если он находится в состоянии медитации; он говорил, что может легко находиться в состоянии медитации полтора или два часа. Он не хотел принимать анестетик; он говорил, что хочет, чтобы его оперировали в сознательном состоянии. Но врачи сомневались; они считали, что опасно подвергать кого-либо такой боли в сознательном состоянии. Однако, не видя другой альтернативы, врачи

попросили его ради эксперимента войти в медитацию. Они сделали на его руке разрез – он не шелохнулся. Лишь через два часа он пожаловался, что у него болит рука; два часа он ничего не чувствовал. И операция была сделана.

Это была первая в мире операция, в ходе которой врачи работали во вскрытом животе пациента полтора часа, не вводя его в состояние наркоза. И в ходе операции правитель оставался в полном сознании. Для такой осознанности требуется глубокая медитация. Медитация должна быть такой глубокой, чтобы человек осознавал без малейших сомнений, что "я" и тело отделены. Малейшее отождествление с телом может быть опасным.

Смерть – это величайшая из возможных хирургических операций. Ни один хирург никогда не проводил подобной операции, ведь смерть – это механизм, переносящий всю жизненную энергию, прану, из одного физического тела в другое физическое тело. Никто никогда не проводил такой феноменальной операции, и никто никогда не сможет. Мы можем отсечь ту или иную часть тела, пересадить ту или иную часть тела, но в случае смерти всю жизненную энергию нужно забрать из одного тела и перенести в другое.

Природа любезно позаботилась о том, чтобы мы полностью теряли сознание, когда происходит это явление. Это для нашего собственного блага; мы можем оказаться не в силах вынести такую боль. Возможно, что причина, по которой мы теряем сознание, именно в том, что боль смерти так невыносима. Именно в наших собственных интересах мы теряем сознание; природа не позволяет нам помнить прохождение через смерть.

В каждой жизни мы повторяем почти те же ошибки, что совершали в прошлых жизнях. Если бы мы могли вспомнить, что делали в прошлых жизнях, то могли бы не падать в те же ямы в этой жизни. Если бы мы могли помнить, что мы делали в наших предыдущих жизнях, то больше не могли бы оставаться такими, как мы есть сейчас. Невозможно было бы оставаться такими же, потому что снова и снова мы накапливали благосостояние и раз за разом смерть делала это благосостояние бессмысленным. Если бы мы могли это вспомнить, то не продолжали бы нести внутри то же прежнее помешательство на деньгах, как мы это делали раньше. Тысячи раз мы влюблялись, и раз за разом на поверку это оказывалось бессмысленным. Если бы мы могли это вспомнить, то наше помешательство на том, чтобы влюбляться и чтобы другие в нас влюблялись, исчезло бы. Тысячи и тысячи раз мы были эгоистичны и полны амбиций; достигали успеха, высоких постов, и в конце концов все это оказывалось бесполезным, все это обращалось в пыль. Если бы мы могли это вспомнить, может быть, это выпустило бы из наших амбиций пар, и тогда мы не оставались бы теми людьми, которыми являемся сейчас.

Но так как мы не помним прошлых жизней, то продолжаем двигаться почти по тому же самому кругу. Человек не сознает, что двигался по этому кругу много раз раньше и что он проходит через него снова с той же надеждой, которая раньше столько раз наполняла его. Затем смерть разрушает все надежды, и все начинается по новому кругу. Человек ходит кругами, как колодезный ослик.

От этого заблуждения можно спастись, но для этого требуется огромная осознанность и постоянные эксперименты. Человек не может вдруг начать ожидать смерти, потому что он не может сразу стать осознанным во время такой большой операции, такой серьезной травмы. Нам придется экспериментировать постепенно. Нам придется экспериментировать мало-помалу с небольшими страданиями, чтобы увидеть, как мы можем стать осознанными, проходя через них.

Например, у тебя болит голова. Однажды ты осознаешь и начинаешь чувствовать, что у тебя имеется головная боль, а не "болит голова". Поэтому человеку придется экспериментировать с небольшой головной болью и научиться чувствовать: "Боль находится в голове, а я это осознаю".

Когда Свами Рама был в Америке, поначалу людям было очень трудно его понимать. Когда президент Америки нанес ему визит, был озадачен и он. Он спросил:

– Что это за язык? -- потому что Рама говорил о себе в третьем лице. Он не говорил:

- Я голоден. Он говорил:

-- Рама голоден, Он не говорил:

- У меня болит голова. Он говорил:

- У Рама очень болит голова,

Поначалу людям было очень трудно его понимать. Например, однажды он сказал:

- Прошлой ночью Рама мерз,

Когда его спросили, о ком он говорит, он ответил, что имеет в виду Раму. Его спросили, какого Раму, и он ответил, показывая на себя:

- Вот этого Раму - бедного парня, который мерз прошлой ночью, а мы смеялись и спрашивали: "Ну, как тебе холод, Рама?"

Он говорил:

- Рама шел по улице, и какие-то люди стали его ругать. Мы рассмеялись и сказали: "Как тебе ругательства, Рама? Если ты ищешь почета, то обязательно столкнешься с оскорблениями". Когда люди спрашивали, о ком он говорит, о каком Рама, он показывал на себя. Тебе придется начать экспериментировать с небольшими страданиями. Ты сталкиваешься с ними в жизни каждый день; они присутствуют каждый день - и не только несчастья, тебе придется включить в эксперимент и счастье, потому что труднее быть осознанным в счастье, чем в несчастье. Нетрудно испытать на опыте, что у тебя болит голова и ты отделен от нее, труднее испытать на опыте: "Тело отдельно, и радость здоровья тоже отдельно от меня - я даже не это". Трудно поддерживать эту дистанцию, когда мы счастливы, потому что в счастье мы хотим быть как можно ближе к счастью. А когда приходит несчастье, мы, очевидно, хотим чувствовать себя отдельными, отдаленными от него. Если нам сказать, что боль отдельно от нас, мы захотим, чтобы так и было, чтобы мы могли от нее освободиться.

Тебе придется экспериментировать с тем, как оставаться осознанным и в несчастье, и в счастье. Человек, который выполняет подобные эксперименты, часто по собственной воле подвергает себя страданию, чтобы пережить его. Это основной секрет всего аскетизма: это эксперимент, в котором человек претерпевает добровольную боль. Например, человек постится. Оставаясь голодным, он пытается установить, какой эффект голод оказывает на его сознание. Условно человек, который постится, не имеет ни малейшего понятия о том, что делает, - он знает только, что он голоден и с нетерпением ждет завтрашнего обеда. фундаментальная цель поста в том, чтобы испытать опыт: "Голод есть, но он далеко от меня. Тело голодно, а я нет". Поэтому, добровольно вызывая голод, человек пытается понять изнутри, есть ли там голод. "Рама голоден - я не голоден. Я знаю, что есть голод, и это должно стать постоянным знанием, пока я не достигну точки, в которой между мною и голодом возникнет дистанция - где я больше не буду оставаться голодным - даже в голоде я больше не буду оставаться голодным. Лишь тело остается голодным, и я знаю это. Я просто остаюсь знающим". Тогда значение поста становится очень глубоким; тогда это не значит просто оставаться голодным.

Обычно тот, кто соблюдает пост, повторяет двадцать четыре часа в сутки, что он голоден, что он целый день ничего не ел. Его ум уходит в фантазии о пище, которую он съест на следующий день, планирует это. Такого рода пост бессмыслен. Тогда это просто лишение себя пищи. Вот в чем разница между лишением себя пищи и постом, упавас: пост означает быть ближе и ближе. Ближе к чему? Ближе к "я" - ближе к "я" и дальше от тела. Тогда также возможно и то, что человек ест и все же остается в состоянии поста. Если, пока он ест, он знает внутри, что где-то в теле происходит прием пищи, а его сознание совершенно отдельно от этого действия, это упавас. Точно так же возможно и то, что человек на самом деле не постится, хотя и отказывает себе в пище; он может слишком осознавать свой голод, чувствовать, что он умирает от голода. Упавас - это психологическая осознанность отделенности "я" от физического состояния голода.

Другую боль подобного рода тоже можно создать добровольно, но создание такой добровольной боли - очень глубокий эксперимент. Человек может лежать на колючках, только чтобы испытать на опыте, что колючки

прокалывают лишь его тело, не "я". Таким образом можно подвергнуть себя страданиям, чтобы испытать опыт отсоединения сознания от физического плана.

Но в мире достаточно незваных страданий – не нужно ничего больше изобретать. Уже доступно множество страдания – человек должен начать экспериментировать с ним, Незваные несчастья приходят в любом случае. Если человек может поддерживать осознанность: "Я отделен от своего несчастья" во время незваного несчастья, тогда несчастье становится садханой, духовной дисциплиной,

Ему придется продолжать эту садхану даже в счастье, которое приходит само собой. В страдании мы можем обманывать самих себя, потому что человек хочет верить:

"Я – не эта боль". Но когда дело касается счастья, человеку хочется отождествить себя с ним, потому что он уже верит: "Я счастлив". Поэтому в счастье садхана еще труднее.

Ничто, фактически, не приносит больше боли, чем ощущение, что мы отделены от нашего счастья. На самом деле человеку хочется утопить себя в счастье и забыть, что он от него отделен. Счастье топит нас; несчастье отсоединяет нас и отделяет от "я". Каким-то образом мы начинаем верить, что отождествляемся со страданием только потому, что у нас нет другого выбора, но счастье мы приветствуем всем своим существом, Осознавай в боли, которая встречается тебе на пути; осознавай в счастье, которое встречается тебе на пути, – и время от времени в качестве эксперимента вызывай и боль, потому что в ней все немного по-другому. Мы никогда не можем полностью отождествиться с тем, что навлекаем на себя сами. Само знание того, что эта вещь вызвана нами, создает дистанцию. Гость, который к тебе приходит, не принадлежит твоему дому – он гость. Поэтому, когда мы приглашаем в гости страдание, это уже нечто отдельное от нас.

Когда ты идешь босиком, тебе в ногу впивается колючка. Это случайность, и боль ошеломит тебя. Несчастливая случайность отличается от ситуации, в которой ты нашел бы колючку и специально наступил на нее – зная в каждое мгновение, что ты наступаешь на колючку и наблюдаешь боль. Но я не прошу вас мучить себя, потому что и так уже есть достаточно страдания. Вот что я имею в виду: сначала будь бдителен, проходя и через страдание, и через счастье; затем, впоследствии, однажды вызови какое-нибудь страдание и посмотри, как далеко от него ты можешь вести свое сознание.

Помни, эксперимент по преднамеренной боли имеет огромную важность, потому что все хотя бы испытывать счастье и никто не хочет испытывать страдание. И любопытно то, что страдание, которого мы не хотим, приходит само, а счастье, которого мы ищем, никогда не приходит. Даже если оно случайно приходит, оно остается стоять за дверью. Счастье, которое мы подманиваем, никогда не приходит, а приходит как раз то счастье, которого мы никогда не звали. Когда человек накапливает достаточно сил, чтобы пригласить страдание, это значит, что теперь он так счастлив, что может пригласить страдание. Теперь несчастью можно предложить прийти и остаться.

Но это очень глубокий эксперимент. Пока мы не готовы предпринять такой эксперимент, мы должны попытаться осознавать все то страдание, которое встречается на нашем пути само собой. Если мы будем продолжать становиться более и более осознающими каждый раз, когда сталкиваемся со страданием, то достаточно соберемся с духом для того, чтобы оставаться сознательными, даже когда придет смерть. Тогда природа позволит нам продолжать бодрствовать и в смерти. Природа знает, что если человек может оставаться сознательным в боли, то он может оставаться сознательным и в смерти. Никто не может оставаться сознательным в смерти ни с того ни с сего, не имея предыдущего опыта подобного рода.

Человек по имени П. Д. Успенский умер несколько лет назад. Он был великим математиком из России. Он был единственным человеком в этом веке, который проделал такие обширные эксперименты в области смерти. За три месяца до смерти он тяжело заболел. Врачи посоветовали ему оставаться в постели, но вопреки этому он совершил невероятное, невообразимое усилие. Он не спал ночами; он путешествовал, ходил, бегал, постоянно находился в движении.

Врачи были в ужасе; они говорили, что ему нужен полный покой. Успенский собрал всех своих близких друзей, но ничего им не сказал. Друзья, которые оставались с ним в последние три месяца, говорили, что впервые они видели, как прямо у них на глазах человек принимал смерть в сознательном состоянии. Они спрашивали его, почему он не следовал советам врачей. Успенский объяснил:

- Я хочу испытать весь возможный опыт боли, чтобы великая боль смерти не сделала меня бессознательным. Я хочу пройти через всю боль и создать в себе такую стойкость, чтобы я мог оставаться в полном сознании, когда придет смерть.

Поэтому три месяца он совершал исключительные усилия, проходя через все возможные виды боли.

Его друзья писали, что уставали самые сильные и здоровые, но не Успенский. Доктора настаивали, что ему необходим полный покой, иначе это принесет ему огромный вред, - но тщетно. В ту ночь, когда Успенский умер, он продолжал расхаживать по комнате. Доктора, которые его осматривали, объявили, что в его ногах не осталось сил, чтобы ходить, - и тем не менее он продолжал ходить всю ночь. Он говорил: Я хочу умереть на ходу, потому что если я буду сидеть, то могу потерять сознание или умереть во сне, в бессознательном состоянии.

Продолжая ходить, он говорил своим друзьям:

- Еще совсем немного - еще десять шагов, и все будет кончено. Я умираю, но буду продолжать ходить до последнего шага. Я хочу продолжать что-то делать до самого конца, иначе смерть застанет меня врасплох. Я могу расслабиться и уснуть - а я не хочу, чтобы это случилось в момент смерти. Успенский умер, совершая последний шаг. Очень немногие люди на Земле умерли подобным образом, на ходу. Он упал, когда шел; то есть он упал лишь тогда, когда случилась смерть. Совершая последний шаг, он сказал: - Вот и все; это мой последний шаг. Я почти падаю. Но прежде чем вас покинуть, я хочу сказать, что давно отбросил тело. Сейчас вы увидите, как мое тело освобождается, но я видел долгое время, что мое тело отпало, а я продолжаю существовать. Связи с телом давно были разрушены, и все же внутри я по-прежнему существую. Упадет только тело - но никоим образом не я.

Во время смерти друзья увидели некий огонь в его глазах. Мир, радость и свет, которые сияют, когда человек стоит на пороге мира запредельного. Но для этого человеку нужны приготовления, постоянные приготовления. Если человек полностью подготовлен, смерть становится прекрасным опытом. Нет явления более ценного, чем это, потому что то, что открывается со смертью, нельзя узнать никаким другим образом. Тогда смерть выглядит как друг, потому что при наступлении смерти мы можем пережить опыт того, что мы живой организм, - не раньше. Помни, чем темнее ночь, тем ярче звезды. Вспышка молнии выделяется как серебряная нить, - и тем темнее тучи.

Похожим образом, когда смерть представ перед нами во всеоружии и окружает нас со всех сторон, это мгновение самый центр жизни проявляет себя во всей своей славе - никогда не ранее. Смерть окружает нас, как тьма, а в сердце тьмы самый центр жизни - назови его атманом, душой, - сияет во всем великолепии; окружающая тьма делает его сияющим. Но в это мгновение мы теряем сознание. В само мгновение смерти, которое иначе могло бы стать мгновением познания нашего существа, мы теряем сознание. Поэтому человек должен совершить приготовления и поднять уровень своего сознания. Эти приготовления - медитация.

Медитация - это эксперимент по достижению постепенной, добровольной смерти. Это эксперимент, в котором человек движется вовнутрь и покидает тело. Если человек медитирует всю жизнь, в мгновение смерти он достигнет тотальной медитации.

Когда смерть происходит в полном сознании, душа человека рождается в полном сознании. Тогда самый первый день его новой жизни - это не день невежества, но день полного знания. Даже в утробе матери он остается в полном сознании. Лишь одно рождение возможно для того, кто умер в сознательном состоянии. После этого он больше не может родиться - потому

что человек, который испытал опыт рождения, смерти и жизни, достигает освобождения.

Человека, совершившего рождение осознанно, мы называем аватарой, тиртханкарой, Буддой, Иисусом, Кришной. И то, что выделяет их среди нас, — это осознанность. Они пробуждены, а мы спим. Они совершают сознательное рождение, и эта жизнь становится их последним путешествием на Земле. У них есть нечто, чего нет у нас; у них есть нечто, что они неустанно пытаются до нас донести. Разница между пробужденными и нами просто вот в чем: их предыдущая смерть и последовавшее за нею рождение произошли в сознательном состоянии — поэтому они живут в осознанности всю жизнь. Люди Тибета совершают небольшой эксперимент под названием Бардо. Это очень ценный эксперимент, выполняемый только во время смерти. Когда кто-то при смерти, люди, которые знают, собираются вокруг него и заставляют его делать Бардо. Но лишь тот, кто медитировал в этой жизни, допускается пройти через Бардо — не иначе. В эксперименте Бардо человек умирает, и извне ему даются инструкции, что он должен оставаться полностью бодрствующим. Ему предлагают продолжать наблюдать все, что последует дальше, потому что в этом состоянии происходит многое, чего умирающий человек никогда не сможет понять. Новые явления не так просто понять сразу же.

Если человек может оставаться сознательным после смерти, некоторое время он не будет знать, что мертв. Лишь когда люди понесут его тело и сожгут его в крематории, он узнает наверняка, что мертв — потому что внутри на самом деле ничто не умирает, лишь создается расстояние. В жизни никогда раньше не испытывался опыт этого расстояния. Этот опыт так нов, что его нельзя постичь традиционным определением. Человек просто чувствует, что что-то отделилось. Но это что-то умерло, и это он понимает лишь тогда, когда люди вокруг него начинают рыдать и плакать, падать на его тело в отчаянии, готовясь унести тело для кремации. Есть причина, по которой тело уносят на кремацию так скоро. Причина того, что тело сжигают как можно скорее, в том, чтобы убедить душу, что тело мертво и сожжено дотла. Но это человек может узнать, лишь если он умер в осознанности; человек, умерший бессознательно, не может этого знать. Поэтому, чтобы человек увидел свое горящее тело, в Бардо ему предлагают:

— Хорошо рассмотри свое горящее тело. Не беги и не удаляйся поспешно.

Когда люди понесут твоё тело на кремацию, обязательно сопровождай их и присутствуй там. Наблюдай, как кремируют твоё тело с полным вниманием, чтобы в следующий раз ты не стал привязанным к физическому телу.

Когда ты видишь, как что-то сгорает дотла, твоё привязанность к нему исчезает. Другие, конечно, увидят, как кремируется твоё тело, но если это увидишь и ты, то утратишь всю свою привязанность к нему. Обычно, в девятиста девяноста девяти случаях из тысячи, человек в момент смерти находится без сознания; он не знает о ней. В том одном случае, когда он сознателен, он движется прочь, видя горящее тело; он бежит из крематория. Поэтому в Бардо ему говорят:

— Смотри же, не уппусти этой возможности. Наблюдай, как твоё тело предаётся огню; просто увидь это раз и навсегда. Наблюдай, как полностью уничтожается то, с чем ты отождествлял своё "я". Наблюдай, как оно превращается в пепел, чтобы в следующем рождении ты мог помнить, кто ты такой. Как только человек умирает, он входит в новый мир, о котором мы ничего не знаем. Этот мир для нас может быть страшным и пугающим, потому что он не имеет никаких аналогов ни с каким нашим прошлым опытом. Фактически, он вообще никак не связан с жизнью на земле. Оказаться в этом новом мире страшнее, чем если бы человек оказался в незнакомой стране, в которой он никого не знает, не знает языка, образа жизни. Он был бы, очевидно, очень обеспокоен и в большом замешательстве.

Мир, в котором мы живём, — это мир физических тел. Когда мы покидаем этот мир, начинается бестелесный мир — мир, которого мы никогда не переживали. И этот мир может нас испугать, потому что он отличается от всех наших опытов прошлого. В нашем мире, вне зависимости от того, насколько незнакомо место, насколько отличаются люди и их обычаи, между нами всеми

все же есть связь: это царство человеческих существ. Вхождение в мир бестелесных духов может быть пугающим за пределами всякого воображения. Обычно мы проходим через него в бессознательном состоянии и не замечаем его. Но тот, кто его проходит в сознательном состоянии, оказывается в большом затруднении. Поэтому Бардо пытается разъяснить человеку, что это за мир, что в нем случится и с какими существами он столкнется. Лишь те, кто был в глубокой медитации, могут быть проведены через этот опыт - не иначе.

В последнее время я часто чувствовал, что друзья, которые практикуют медитацию, могут быть допущены к эксперименту Бардо в той или иной форме. Но это возможно, лишь когда они пройдут очень глубокую медитацию, иначе они не смогут даже услышать, что им говорят. Они не смогут услышать, что им говорят в мгновение смерти, или понимать, что им говорят. Чтобы понимать это, нужен очень молчаливый и пустой ум. Когда сознание начинает слабеть и исчезает, когда земные узы перерезаются, лишь очень молчаливый ум может слышать послания из этого мира; иначе их услышать нельзя. Помни, это можно сделать только в отношении смерти; в отношении рождения нельзя сделать ничего. Но что бы мы ни делали со смертью, это соответственно влияет и на наше рождение. Мы рождаемся в том же самом состоянии, в котором и умираем.

Пробужденный упражняется, чтобы не ошибиться в выборе матки. Это показывает, что он никогда ничего не выбирает слепо, несознательно. Он выбирает родителей, как богач выбирает дом. Бедняк не может купить дом по своему выбору. Тебе нужна определенная способность выбирать. Человек должен быть в состоянии купить дом. Бедный человек никогда не выбирает дом. Можно сказать, что на самом деле дом выбирает бедного человека; миллионер решает, где ему поселиться, как должен выглядеть сад, где должны быть установлены окна и двери, - с запада или востока должен приходить солнечный свет; какой должна быть вентиляция, насколько просторным должен быть дом - он выбирает во всем.

Пробужденный выбирает себе матку; это его выбор. Индивидуальности, подобные Будде и Махавире, не рождаются везде и всюду. Они совершают рождение, рассмотрев все возможности: каким будет тело и какие родители его зачнут; какой будет его энергия и насколько оно будет сильным; какие возможности будут ему доступны. Они совершают рождения, рассмотрев все это. Перед ними есть ясный выбор, куда пойти. С самого первого дня своего рождения они проживают жизнь по собственному выбору.

Радость жизни по собственному выбору совершенно иная, потому что свобода начинается с жизни собственного выбора. В жизни, которая тебе дана, не может быть такой радости, потому что тогда она становится порабощением. В таких случаях человека просто выталкивают в жизнь и все, что происходит, происходит - человек не играет в этом никакой роли.

Если становится возможным такое пробуждение, тогда определенно можно сделать выбор. Если само рождение происходит по нашему выбору, тогда мы можем жить, выбирая всю оставшуюся жизнь. Тогда мы можем жить как дживан-мукта. Тот, кто умирает в сознательном состоянии, рождается в сознательном состоянии и затем живет свою жизнь в освобожденном состоянии.

Мы часто слышим слово дживан-мукта, но, возможно, мы не знаем, что оно значит. Дживан-мукта значит "тот, кто родился в пробужденном состоянии"; лишь такой человек - дживан-мукта. Иначе человек может работать над освобождением всю жизнь и все же достичь свободы лишь в следующей жизни - в этой жизни он не освободится. Чтобы быть дживан-муктой в этой жизни, этот человек должен был иметь свободу выбора с самого первого дня своего рождения. А это возможно, лишь если человек достиг полного сознания в мгновение смерти в своей предыдущей жизни.

Но сейчас вопрос не в этом. Есть жизнь, смерть еще не наступила. Она несомненно придет; нет ничего более определенного, чем смерть. В других вещах можно сомневаться, но в смерти нет чего бы то ни было сомнительного. Есть люди, которые сомневаются в Боге, другие люди сомневаются в существовании души, но тебе никогда не найти человека,

который сомневался бы в смерти. Она неизбежна – она несомненно придет; она уже в пути. С каждым мгновением она ближе и ближе. Мы можем использовать мгновения, оставшиеся до смерти, для пробуждения. Медитация – это техника, достигающая такого эффекта. В эти три дня я попытаюсь помочь вам понять, что медитация – это техника этого самого пробуждения. Друг спросил:

В чем связь между медитацией и джати-смаран, памятью прошлых жизней? Джати-смаран значит "метод вспоминания прошлых жизней". Это форма медитации. Это специфическое применение медитации. Например, можно спросить: "Что такое река и что такое канал?" Мы ответим, что канал – это специфическое применение самой реки – хорошо спланированное, но подконтрольное и систематическое. Река хаотична, необузданна; она тоже к чему-то придет, но точка ее назначения неизвестна. Точка назначения канала строго определена. Медитация подобна большой реке – она достигнет океана; в этом нет сомнений. Медитация несомненно приводит тебя к Богу. Есть, тем не менее, и некоторые промежуточные применения медитации. Как небольшие притоки, они могут быть направлены в каналы медитации. Джати-смаран – это один из таких вспомогательных методов медитации. Мы можем направить мощь медитации и на наши прошлые жизни; медитация просто означает фокусировку внимания. Могут быть прикладные применения, когда внимание человека сконцентрировано на определенном объекте, и одно из таких применений – джати-смаран, фокусировка на спящих воспоминаниях прошлых жизней.

Помни, память никогда не стирается; память либо остается в бездействии, либо поднимается. Но бездействующая память кажется стертой. Если я тебя спрошу, что ты делал 1 января 1950 года, ты не сможешь ответить – что не значит, что в тот день ты ничего не делал. Но внезапно 1 января 1950 года кажется совершенно пустым. Этот день мог быть пустым; в то время он был наполнен деятельностью. Но сегодня он ощущается пустым. Похожим образом сегодня покажется пустым завтра. Через десять лет от сегодня не останется и следа.

Поэтому дело не в том, что 1 января 1950 года не существовало или что ты тогда не существовал, – я хочу сказать, если ты не можешь вспомнить этот день, как ты можешь верить, что он вообще был? Но он был, и есть способ узнать об этом. Медитацию можно сфокусировать и в этом направлении. Как только свет медитации падет на этот день, к своему удивлению, ты найдешь в нем больше жизни, чем в чем-либо другом.

Например, человек входит в темную комнату и перемещается по ней с фонариком. Когда он поворачивается влево, правая сторона погружается в темноту – но справа ничего не исчезает. Когда он поворачивает луч вправо, правая сторона снова возвращается к жизни, но левая сторона скрывается во мраке.

У медитации есть фокус, и если человек хочет направить ее в определенном направлении, то ему нужно пользоваться как фонариком. Если, однако, человек хочет повернуться к Божественному, медитацию нужно использовать как светильник. Пожалуйста, пойми это со всем вниманием.

У светильника нет собственного фокуса; он не сфокусирован. Он просто горит, и свет распространяется во все стороны. Светильник не заинтересован в том, чтобы светить в том или ином направлении; освещается все, что попадает в радиус его света. Но форма фонарика подобна сфокусированному светильнику.

В фонарике мы удерживаем весь свет и сияние в одном направлении. Поэтому возможно, что при свете горящего светильника вещи будут видимыми, но расплывчатыми, и, чтобы увидеть их яснее, мы концентрируем свет в одном месте – он становится фонариком. Тогда эта вещь становится ясно видимой; остальные объекты, однако, теряются из виду. Фактически, если человек хочет что-то увидеть ясно, он должен сфокусировать всю свою медитацию только в дном направлении и погрузить всю остальную область во тьму. Человек, который хочет непосредственно узнать истину жизни, будет развивать медитацию, подобную светильнику; – это будет его единственной целью. И, фактически, единственная цель светильника – видеть себя; если

он может так сиять, этого достаточно – вот и все. Но если необходимо какое-либо специальное применение светильника, – такое, как воспоминание прошлых жизней, – тогда медитацию нужно будет направить в одном направлении. Я поделюсь с вами двумя или тремя ключами к тому, как направить медитацию в этом направлении. Я не дам вам всех ключей, потому что едва ли кто-нибудь из вас намеревается ими воспользоваться, а если да, то эти люди могут увидеться со мной лично. Поэтому я дам вам два или три ключа, которые на самом деле не позволят вам экспериментировать с воспоминанием прошлых жизней, но просто дадут вам представление. Я не буду это обсуждать, потому что никому не рекомендуется экспериментировать с этой идеей. К тому же часто такие эксперименты могут подвергнуть вас опасности.

Позвольте мне рассказать об одном случае, чтобы пояснить то, что я говорю. Дама-профессор два или три года поддерживала со мной связь на почве медитации. Она очень настаивала на том, чтобы экспериментировать с джати-смарш, узнать о прошлых жизнях. Я помог ей в этом эксперименте; однако я не советовал ей экспериментировать, пока ее медитация не развита полностью, потому что иначе это может быть опасным.

Воспоминания даже одной жизни, какие они есть, трудно нести – и если воспоминания трех или четырех прошлых жизней проломают преграду и ворвутся в память, человек сойдет с ума. Вот почему природа распорядилась так, что мы продолжаем забывать прошлое. Природа снабдила нас великой способностью – забывать больше, чем мы можем помнить, чтобы ум не получал ноши, которую не в силах нести. Тяжкую ношу можно взвалить, лишь если увеличена грузоподъемность ума, и если тяжесть этих воспоминаний валится на вас, когда эта грузоподъемность еще не возникла, начинаются проблемы. Но она продолжала настаивать. Она не обратила внимания на мой совет и стала экспериментировать.

Когда в конце концов в ней взорвалось наводнение воспоминаний, она вбежала ко мне домой в два часа ночи. Она действительно была в замешательстве; она была в ужасном стрессе. Она сказала:

– Это нужно как-то остановить. Я и смотреть не хочу на эту сторону вещей. Но было нелегко остановить прилив воспоминаний, когда он уже вырвался на свободу. Трудно закрыть дверь, если она выбита, – дверь не просто открывается, она взламывается. На это ушло пятнадцать дней – лишь тогда поток воспоминаний прекратился. В чем была проблема?

Эта дама обычно заявляла, что она очень добродетельна, что она женщина безупречного характера. Когда она столкнулась с воспоминаниями своей прошлой жизни, в которой она была проституткой, и в памяти стали возникать сцены проституции, все ее существо было потрясено. Вся ее мораль этой жизни была взбодорена.

Такого рода откровения – это не видения о ком-то Другом. Та же самая женщина, которая претендовала на праведность, увидела себя проституткой. Часто случается так, что тот, кто был проституткой в прошлой жизни становится очень добродетельным в следующей; это реакция на страдания прошлой жизни. Именно воспоминания боли и обиды прошлой жизни превратили ее в праведную женщину.

Часто бывает так, что люди, которые были грешниками в прошлой жизни, в этой становятся святыми. Поэтому есть глубокая связь между грешниками и святыми. Такая реакция случается часто, и причина в том, что то, что мы знаем причиняет нам боль и мы бросаемся в противоположную крайность.

Маятник нашего ума продолжает двигаться в противоположном направлении. Стоит маятнику достигнуть крайней точки слева, как он начинает двигаться вправо. Едва коснувшись правой точки, он начинает двигаться влево. Видя маятник часов, движущийся влево, не сомневайся, что он набирает энергию для движения вправо – и вправо он пойдет так же далеко, как и влево. Поэтому в жизни часто бывает, что добродетельный человек становится грешником, а грешник становится добродетельным.

Так бывает часто; такого рода колебание случается в жизни каждого. Не думай, что есть общее правило, согласно которому человек, который в этой жизни святой, был святым и в прошлой жизни. Это не обязательно так. Что

происходит обязательно, так это обращение в противоположность – человек полон боли того, через что он прошел в прошлой жизни, и обращается к противоположному.

Я слышал:

Святой и проститутка жили напротив друг друга. Оба они умерли в один день. Душа проститутки, однако, попала в небеса, а душу святого привели в ад. Посланцы, которые пришли их проводить, были очень озадачены. Они все время спрашивали друг друга:

– Что случилось? Какая-то ошибка? Почему мы ведем святого в ад? Разве он не был святым?

Самый мудрый из них сказал:

– Он действительно был святым, но завидовал проститутке. Он все время думал о вечеринках и удовольствиях, которые происходили в ее доме. Отголоски музыки, доносившиеся до его дома, волновали его до глубины души. Ни один поклонник проститутки, сидя рядом с нею, не был так тронут, как он – слушая звуки, доносящиеся из ее жилища, звуки колокольчиков, которые она носила на щиколотках. Все его внимание постоянно было сосредоточено на ее доме. Даже поклоняясь Богу, ушами он был обращен к звукам, доносящимся из ее дома.

А проститутка? Ползая в луже страдания, она всегда гадала, что за неведомое блаженство испытывает святой. Каждый раз, видя, как он несет цветы для утреннего поклонения, она думала:

– Когда я буду достойной того, чтобы принести в храм цветы поклонения? Я так нечиста, что не могу даже набраться храбрости войти в храм.

Проститутка часто бывала зачарована запахом благовоний, сиянием светильников, звуками поклонения и некоей медитации, в которую никогда не мог войти святой. Проститутка всегда жаждала жизни святого, а святой всегда жаждал удовольствий проститутки.

Их интересы и подходы, полностью противоположные друг другу, совершенно изменились. Так часто бывает – и за этим стоит работа определенных законов.

Поэтому, когда к этой даме вернулась память прошлой жизни, это было очень больно. Ей было больно, потому что ее это было разбито. То, что она узнала о своей прошлой жизни, потрясло ее, и теперь она хотела об этом забыть. Прежде всего, я предупредил ее, что она не должна вспоминать прошлые жизни без достаточной подготовки.

Поскольку ты спросил, я дам тебе несколько основ понимания джати-смаран. Но они не помогут тебе экспериментировать с ним. Те, кто хочет экспериментировать должны уделить этому особое внимание.

Первое: если цель джати-смаран. просто в том, чтобы узнать свою прошлую жизнь, человек должен увести ум из будущего. Наш ум ориентирован на будущее, не прошлое. Обычно центр тяжести нашего ума находится будущем; он движется в будущее. Поток наших мыслей ориентирован на будущее, не на прошлое. Зачем заботиться о прошлом? Оно прошло, и с ним покончено – и вот нас интересует то, что вот-вот наступит. Вот почему мы про должаем спрашивать астрологов, что готовит нам будущее | Мы заинтересованы в том, чтобы узнать, что случится с нами в будущем. Человек, который хочет знать прошлые жизни, должен полностью, абсолютно прекратить интересоваться будущим. Ведь если фонарик ума сфокусирован на будущем, если поток мыслей начал двигаться в сторону будущего, он не может развернуться к прошлому. Поэтому первое, что человек должен сделать, это! совершенно отрезать себя от будущего на несколько месяцев, на определенный период времени. Человек должен решить, что он не будет думать о будущем следующие шесть месяцев. Если придет мысль о будущем, он просто приветствует ее и отпустит; он не отождествится, и чувство будущего не унесет его. Поэтому первое, что нужно сделать: на шесть месяцев предположить, что будущего нет, и течь по направлению к прошлому. И поэтому, как только отброшено будущее, поток мыслей обращается к прошлому.

Сначала тебе придется вернуться назад в этой жизни; невозможно вернуться ко всему прошлому сразу. Есть техники, направленные на то, чтобы

вернуться назад в этой жизни. Например, как я сказал ранее, ты не помнишь, что ты делал 1 января 1950 года.

Есть техника, чтобы это установить. Если ты погружаешься в медитацию, которую я предложил, через десять минут – когда медитация становится глубже, тело расслаблено, дыхание расслаблено, ум успокоился, – пусть у тебя в уме останется только одно: "Что происходило 1 января 1950 года?" Пусть на этом сфокусируется весь твой ум. Если это останется единственным, что резонирует у тебя в уме, через несколько дней внезапно ты обнаружишь, что пелена упала: появляется первое января, и ты начинаешь переживать заново каждое событие от рассвета до сумерек. Ты увидишь первое января гораздо более подробно, чем видел, фактически, в тот самый день – потому что в тот день, возможно, ты не был настолько осознанным. Поэтому сначала ты должен экспериментировать с регрессией в эту жизнь. Очень легко регрессировать до возраста пяти лет; пойти дальше этого возраста становится очень трудно. Обычно мы не можем вспомнить, что происходило до пяти лет; это самая дальняя точка, до которой мы можем продвинуться. Очень немногие люди могут вспомнить себя в три года, но дальше это становится чрезвычайно трудным – как будто вход преграждает барьер и все остальное отгорожено. Человек, который приобретает способность вспоминать, сможет полностью пробудить воспоминания о любом дне до возраста пяти лет. Память начинает полностью оживать.

Тогда человек должен ее испытать. Например, запиши сегодняшние события на листе бумаги и спрячь эту запись. Через два года вспомни этот день: открой запись и сравни ее со своими воспоминаниями. Ты будешь изумлен, увидев что ты можешь вспомнить больше, чем записано на листе. Тогда события наверняка вернутся к тебе в память. Будда назвал это алая-вигьян. В наших умах существует уголок который Будда назвал алая-вигьян. Алая-вигьян значит "кладовая сознания". Точно так же, как мы храним вся хлам в подвале дома, есть кладовая и в сознании, накапливаются воспоминания. В ней хранится все, рождение за рождением. Ничто оттуда не удаляется, потому человек не знает, когда и что может ему пригодиться. Физическое тело меняется, но в нашем продолжающемся существовании кладовая сохраняется и остается с нами. Никогда не знаешь, когда она может понадобиться. И все что мы сделали в наших жизнях, все, что мы испытали познали, прожили, – все это хранится там.

Человек, который может вспомнить себя до пяти лет, может пойти и дальше – это будет не очень трудно. По своей природе эксперимент будет таким же. За пятилетний возраст есть еще одна дверь, которая ведет тебя к точке твоего рождения, к тому моменту, когда ты появился на земле. Тогда человек сталкивается еще с одной трудностью, потому что никуда не деваются и воспоминания о пребывании в материнской матке. Человек может проникнуть и в эти воспоминания, достичь момента зачатия, того момента, когда гены матери и отца объединяются и входит душа. Человек может войти в прошлую жизнь, лишь достигнув этой точки; он не может двигаться в прошлые жизни непосредственно. Человек должен предпринять такое путешествие в обратную сторону, и лишь тогда возможно двигаться в прошлые жизни.

Когда тыходишь в прошлую жизнь, первым всплывает воспоминание о последнем событии, происшедшем в этой жизни. Помни, однако, что это вызовет некоторые трудности и будет иметь очень мало смысла. Это будет похоже на фильм который просматривается в обратную сторону, или книгу, написанную задом наперед, – мы чувствуем растерянность. Первое вхождение в прошлую жизнь вызовет некоторое замешательство, потому что последовательность событий будет обратной.

По мере того как ты двигаешься в прошлую жизнь, сначала ты столкнешься со смертью, со старостью, молодостью, детством и затем рождением. Все будет в обратном порядке, а в обратном порядке очень трудно сообразить, что к чему. Поэтому, когда воспоминание всплывает впервые, ты чувствуешь огромную тревогу и обеспокоенность, потому что в этом трудно разобраться; ты будто бы смотришь фильм задом наперед или читаешь книгу с конца. Может быть, ты сможешь разобраться в том или ином событии, лишь несколько раз

пересмотрев его в обратном порядке. Поэтому величайшее усилие, связанное с возвращением воспоминаний о прошлых жизнях, связано с тем, чтобы увидеть в обратном порядке события, которые обычно происходят в прямом порядке. Но, в конце концов, что такое прямой или обратный порядок? Вопрос только в том, как мы вошли в мир и как мы его покинули.

Вначале мы сеем семя, а цветок появляется в конце. Однако если бы человек смотрел в обратном порядке, первым он увидел бы цветок, за которым следовал бы бутон, листья, побег и в конце концов семя. Поскольку у нас нет предыдущего знания обратного порядка, много времени уходит на то, чтобы привести воспоминания в связную форму и ясно понять природу события. Самое странное то, что сначала приходит смерть, за ней следует старость, болезнь и затем юность; вещи будут случаться в обратном порядке. Или, если ты был женат и развелся, сначала появится развод, затем любовь и затем свадьба.

Будет чрезвычайно трудно понимать события в регрессивной форме, потому что обычно мы понимаем все одномерно. Наши умы одномерны. Смотреть на вещи; в обратном порядке очень трудно - мы не привыкли к такому опыту; мы привыкли двигаться линейно. С некоторым усилием, однако, человек может понять события прошлой жизни, следуя обратному порядку. Несомненно, это будет невероятный опыт.

Проходить воспоминания в обратном порядке будет потрясающим опытом, потому что, когда ты видишь сначала развод, потом брак, это сделает очевидным, что развод бы неизбежен - развод подразумевался в случившемся виде любви; развод был единственным возможным исходом происшедшего брака. Но во время прошлой жизни мы не имели ни малейшего понятия о том, что постепенно этот брак окончится разводом - что развод был результатом брака. Если бы мы могли увидеть это во всей полноте, тогда сегодня мы влюблялись бы совершенно по-другому - потому что теперь мы могли бы предвидеть развод заранее, теперь мы могли бы увидеть за углом вражду, даже становясь друзьями.

Воспоминания о прошлой жизни совершенно перевернут вверх дном эту жизнь, потому что теперь ты не сможешь жить таким образом, как жил в прошлой жизни. В прошлой жизни ты чувствовал - и то же самое чувство существует и теперь, - что найдешь успех и счастье, составив состояние. В прошлой жизни сначала ты увидишь именно свое состояние несчастья, а лишь потом - как ты заработал это состояние. Это ясно покажет, что вместо того, чтобы быть источником счастья, состояние привело, фактически, к несчастью - Дружба привела к вражде, любовь превратилась в ненависть, а то, что ты считал воссоединением, привело к расставанию. Тогда, впервые ты увидишь вещи в их истинном свете, в их подлинном смысле. и этот смысл полностью изменит твою жизнь, полностью изменит образ жизни, который ты вел до сих пор, - ситуация станет совершенно другой.

Я слышал, что один человек пришел к монаху и сказал:

- Я был бы очень признателен, если бы ты принял меня в ученики.

Монах отказался. Человек спросил о причине отказа.

- В прошлой жизни у меня были ученики, которые впоследствии превратились во врагов, - ответил монах. - Я теперь все это увидел и знаю, что принимать учеников - значит принимать врагов, а заводить друзей - значит сеять семена для вражды. Теперь я не хочу никаких врагов, поэтому не заводжу друзей. Я узнал, что быть одному достаточно. Приближать кого-то к себе означает - в каком-то смысле - отталкивать этого человека от себя. Будда говорил, что встреча с тем, что тебе нравится, приносит радость, и расставание с тем, что тебе не нравится, тоже приносит радость; однако расставание с любимыми приносит горе, и встреча с нелюбимыми тоже приносит горе. Именно так это воспринимается; именно так это понимается. Тем не менее позднее мы понимаем, что любимый человек может стать нелюбимым, а тот, кого мы считали нелюбимым, может стать любимым. И таким образом воспоминание прошлых жизней радикально меняет существующие ситуации; они видятся в совершенно ином свете.

Такие воспоминания возможны, хотя не необходимы и не неизбежны, и иногда такие воспоминания могут прорваться и неожиданно, в медитации. Если

воспоминания прошлых жизней приходят внезапно, - вне какого-либо эксперимента, - не обращай на них слишком много внимания. Просто посмотри на них, свидетельствуй их - потому, что обычный ум не может вынести сразу такое потрясена В попытках с ними справиться есть отчетливая возможность сойти с ума.

Однажды ко мне привели одну девочку. Ей было одиннадцать лет. Неожиданно она вспомнила три прошлые жизни. Она ни с чем не экспериментировала, но иногда случаются ошибки. Это было ошибкой со стороны природы, а не ее милостью к этой девочке; в ее случае природа в чем-то заблудилась. Это то же самое, что и дети, рождающиеся в тремя глазами или четырьмя руками, - ошибка. Четыре руки будут гораздо слабее двух; четыре руки не смогут работать так эффективно, как обычные две, - четыре руки сделают тело слабее, не сильнее.

Итак, эта девочка одиннадцати лет вспомнила три прошлые жизни, и этот случай был подвергнут множеству исследований. В предыдущей жизни она жила неподалеку от моей нынешней резиденции и умерла в возрасте шестидесяти лет. Люди, с которыми она она жила, теперь живут в моем городе, и она смогла их всех узнать. Даже в многотысячной толпе она могла узнать своих бывших родственников - своего брата, дочерей, внуков - от дочерей, от зятьев. Она смогла узнать дальних родственников и рассказать о них много такого, что они сами забыли.

Ее старший брат все еще жив. У него на голове шрам от небольшой травмы. Я спросил девочку, знает ли она что-нибудь об этом шраме. Она рассмеялась и сказала:

- В день свадьбы мой брат упал, взбираясь на свадебную лошадь. Пусть он расскажет, где и когда он получил эту рану.

Старшие люди города подтвердили эту историю, говоря, что да, действительно, он упал с лошади. А сам человек ничего об этом не помнил. Тогда девочка показала сокровище, которое она спрятала в доме, в котором жила в прошлой жизни.

В прошлом рождении она умерла в возрасте шестидесяти лет, а в предыдущем она родилась в деревне где-то в Ассаме. Тогда она умерла в возрасте семи лет. Она не могла сказать ни названия деревни, ни адреса, но говорила на ассамском языке, насколько это может семилетний ребенок. Также она умела петь и танцевать как семилетний ребенок. Было наведено множество справок, но ее семью из той жизни отыскать не удалось.

У этой девочки есть опыт шестидесяти лет прошлой жизни плюс одиннадцати лет этой. В ее глазах можно увидеть сходство с семидесятипятилетней или восьмидесятилетней женщиной, хотя на самом деле ей одиннадцать лет. Она не может играть с детьми своего возраста, потому что чувствует себя слишком старой. Внутри она носит воспоминания семидесяти восьми лет; она видит себя семидесятивосьмилетней женщиной. Она не может ходить в школу, потому что, хотя ей и одиннадцать лет, учитель годится ей в сыновья.

Поэтому, хотя ее телу и одиннадцать лет, у нее ум и личность семидесятивосьмилетней женщины. Она не может играть и резвиться как ребенок; она интересуется только теми серьезными вещами, о которых говорят семидесятилетние женщины. Она находится в агонии; она полна напряжения. Ее тело и ум не в гармонии. Она находится в очень плачевном и болезненном состоянии.

Я посоветовал родителям привести ее ко мне и позволить мне помочь ей забыть эти прошлые жизни. Точно так же, как есть метод, чтобы вспомнить прошлые жизни, есть и метод, чтобы забыть их. Но ее родители наслаждались всей этой историей! Толпы людей приходили смотреть на девочку; люди стали ей поклоняться. Родители не были заинтересованы в том, чтобы помочь ей забыть прошлое. Я предупредил их, что девочка сойдет с ума, но они закрыли уши. Сегодня она на грани безумия, потому что она не может выносить стольких воспоминаний. Другая проблема: как выйти замуж? Ей, кажется, трудно и помыслить о браке, потому что она уже чувствует себя женщиной семидесяти лет. У нее внутри нет никакой гармонии; ее тело молодо, а ум стар. Это очень трудная ситуация.

Но это был несчастный случай. Вы тоже можете взломать этот проход путем эксперимента. Но идти в этом направлении нет необходимости; однако те из вас, кто все же хочет продолжать, могут экспериментировать. Но прежде, чем двигаться в этот эксперимент, очень важно, чтобы они прошли глубокую медитацию, чтобы их умы стали такими молчаливыми и такими сильными, чтобы, когда на них обрушится поток воспоминаний, они могли принять его как свидетельство. Когда человек растет в свидетельствовании, прошлые жизни кажутся ему не более чем снами. Тогда его не мучат воспоминания; теперь они значат для него не больше, чем сны.

Когда человек добивается успеха и вспоминает прошлые жизни, тотчас же начинает выглядеть как сон и его настоящая жизнь. Те, кто назвал этот мир майей, сделали это не просто для того, чтобы предложить философскую доктрину. В основе этого лежит джати-смаран – вспоминание прошлых жизней. Кто бы ни вспомнил прошлые жизни, для него все внезапно превращается в сон, иллюзию. Где его друзья из прошлых жизней? Где его родственники, где его жена и дети, дома, в которых он жил? Где этот мир? Где все то, что выглядело таким реальным? Где проблемы, из-за которых он не спал ночами? Где та боль и страдание, которые казались невыносимыми и которые тяжким бременем лежали у него на плечах? Куда подевалось счастье, которого он жаждал? Куда подевалось все то, за что он столько боролся и страдал? Если ты когда-нибудь вспомнишь свою прошлую жизнь, в которой ты прожил семьдесят лет, будут ли эти семьдесят лет казаться сном или реальностью? Конечно, они покажутся сном, который приснился и потускнел. Я слышал: Сын короля лежал в постели при смерти. Восемь дней он оставался в коме – его не могли спасти, но и смерть не могла предъявить на него свои права. С одной стороны, король молился о его спасении, тогда как с другой стороны, зная о том, что вокруг столько боли и страдания, он в то же время чувствовал и тщетность жизни. Король не мог спать эти семь ночей, но на восьмую около четырех часов утра он задремал и ему приснился сон. Обычно нам снятся те вещи, которые не удовлетворены в жизни, и вот королю, сидящему у постели сына, умирающего сына, приснилось, что у него двенадцать сильных и здоровых сыновей. Он увидел себя императором большой страны, правителем всей земли, владельцем больших красивых дворцов. Он увидел себя безмерно счастливым. Все это ему снилось...

Во сне время бежит быстрее; в снах время совсем не такое, как в нашей повседневной жизни. В одно мгновение сон может охватить промежуток во много лет, а проснувшись, тебе трудно сообразить, как сон, длившийся лишь несколько мгновений, охватил столько лет! Во сне время действительно течет быстрее; многие годы могут уместиться в одно мгновение.

И вот, пока король снился двенадцать сыновей и красивые жены, дворцы и великое королевство, большой двенадцатилетний принц умер. Королева вскрикнула, и сон короля был резко прерван.

Он проснулся в шоке. Королева спросила его встревоженно:

– Почему ты выглядишь таким испуганным? Почему ты не плачешь? Почему ты ничего не говоришь?

– Нет, я не испуган, а растерян, – ответил король. – Я в большом замешательстве. Я думаю, кого мне оплакивать? Оплакивать ли мне двенадцать сыновей, которые у меня были секунду назад, или того сына, которого я только что потерял? Вот что меня беспокоит: кто умер? И странно то, что когда я был с этими двенадцатью сыновьями, то не знал об этом сыне. Его вообще не было; не было ни следа ни его, ни тебя. Теперь, когда я вышел из сна, ты здесь и здесь мой сын – но те дворцы и сыновья исчезли. Что правда? Это ли правда, или правдой было то? Я не могу понять.

Когда ты помнишь прошлые жизни, тебе трудно сообразить, правда ли то, что ты видишь в этой жизни. Ты осознаешь, что то же самое ты видел раньше много раз и ничто из этого не продлилось навсегда – все было потеряно. Тогда возникнет вопрос: "Может быть, в том, что я вижу сейчас, не больше правды, чем в том, что я видел раньше?.. Потому что эта жизнь будет идти своим чередом и померкнет так же, как это случалось раньше".

Когда мы смотрим талантливый фильм, он кажется реальностью. Когда фильм кончается, нужно несколько мгновений, чтобы вернуться к реальности, чтобы признать, что все, что мы видели в кинотеатре, было просто иллюзией. Фактически, многие люди, которые обычно не способны дать выход своим чувствам, могут быть тронуты фильмом до слез. Они чувствуют огромное облегчение, потому что иначе им пришлось бы искать другой контекст, чтобы высвободить свои чувства. Они позволяют себе плакать или смеяться в театре. Когда мы выходим из кино, вот первое, что приходит нам в голову: как глубоко мы позволили себе отождествиться с событиями на экране! Если смотреть один и тот же фильм каждый день, постепенно иллюзия начинает рассеиваться. Но затем мы снова забываем, что случилось в последнем фильме, и когда мы идем смотреть новый фильм, то снова начинаем верить в эти события.

Если бы мы могли восстановить воспоминания о прошлых жизнях, наше нынешнее рождение тоже стало бы выглядеть как сон. Сколько раз раньше дули эти ветры! Сколько раз раньше эти облака плыли по небу! Все они появлялись и исчезали, и так же исчезнут те, что есть сейчас, – они уже в процессе исчезновения! Если мы можем прийти к этому осознанию, мы испытаем опыт того, что называется майей. Вместе с этим мы также испытаем опыт, показывающий, что все происшествя, все события совершенно нереальны – они никогда не идентичны, но всегда преходящи. Приходит один сон, за ним следует другой, за ним – еще один. Паломник начинает с одного мгновения, затем входит в другое. Одно за другим мгновения продолжают исчезать, и паломник продолжает двигаться дальше.

Эти два опыта происходят одновременно: один объективный мир является иллюзией, майей, – реален только наблюдатель – второй; то, что кажется реальным, ложно – истинен только видящий, только свидетель. Видимости меняются каждый день, – и менялись всегда, – только свидетель, только наблюдатель остается прежним, неизменным. И помни, пока видимости кажутся реальными, твое внимание не сфокусируется на зрителе, свидетеле. Лишь когда видимости оказываются нереальными, человек осознает свидетеля. Поэтому я говорю, что вспоминание прошлых жизней полезно, но лишь после того, как ты глубоко вошел в медитацию. Иди глубоко в медитацию, чтобы ты мог приобрести способность видеть жизнь как сон. Стать Махатмой, святым человеком, это настолько же сон, как и стать вором, – тебе могут сниться хорошие сны и плохие сны. И интересно то, что сон, в котором ты становишься скорее всего, вскоре рассеется, тогда как сон о том, становишься Махатмой, рассеивается немного дольше, потому что он доставляет столько наслаждения. Поэтому сон о Махатме опаснее, чем сон о воре. Мы хотим, чтобы сны которыми мы наслаждаемся, продолжались, тогда как болезненные сны растворяются сами собой. Именно поэтому так часто бывает так, что грешник добивается успеха достигает Бога, а святой – нет. Я рассказал вам некоторые вещи о вспоминании прошлых жизней, но для этого вам понадобится идти в медитацию. Давайте начнем двигаться вовнутрь с этого само дня; лишь тогда мы можем подготовиться к тому, последует. Без этой подготовки трудно войти в прошлые жизни.

Например, есть большой дом с обширными погреба Если человек, стоящий снаружи, хочет войти в погреб сначала ему придется шагнуть в дом, потому что вход погреба находится внутри дома. Наши прошлые жизни похожи на погреба. Однажды мы там жили, затем оставили их – теперь мы живем где-то в другом месте. Тем не менее в этой точке мы стоим снаружи дома. Чтобы раскрыть воспоминания о прошлых жизнях, мы должны войти в дом. В этом нет ничего трудного, скучного или опасного.

Другой друг спросил:

Мой друг, йоги, утверждает, что в прошлой жизни он был воробьем. Возможно ли. это?

Возможно, что в ходе эволюции человек когда-то был животным, но он не может родиться животным снова. В процессе эволюции человек не может вернуться назад; регрессия невозможна. Возможно пойти вперед из предыдущей формы рождения, но невозможно вернуться обратно из продвинутой формы рождения. В этом мире нет пути назад; нет никаких шансов. Есть лишь

два пути – либо мы движемся вперед, либо остаемся, где мы есть; но назад мы идти не можем.

Точно так же ребенок, закончив первый класс, переходит во второй – но если он учится плохо, он остается в первом классе. Тем не менее нельзя спустить его ниже первого класса. Подобным образом, если он не справляется со вторым классом, мы можем оставить его там, но никак не можем снова перевести его в первый класс. Мы можем оставаться тем видом, которым являемся сейчас, или двигаться вперед, но не можем вернуться к видам низшим, чем мы сами.

Конечно, возможно, что кто-то раньше был животным или птицей; должно быть, так и было. Если нырнуть в наши прошлые жизни, мы сможем вспомнить все виды, через которые мы проходили до сих пор. Может быть, мы были животным, птицей, маленьким воробьем... ниже и ниже. Однажды, наверное, мы были в такой точке инертности, где было трудно обнаружить какие-либо признаки сознания.

Горы тоже живые; тем не менее в них почти нет сознания. Они содержат девяносто девять процентов инертности и один процент сознания. По мере того как жизнь эволюционирует, сознание продолжает расти, а инертность продолжает уменьшаться. Божественность – это сто процентов сознания. Разница между Божественностью и материей – процентная. Разница между материей и Божественным в количестве, не в качестве. Именно поэтому материя может в конце концов стать Богом.

В том, чтобы принять, что человек в прошлой жизни был животным, нет ничего странного или трудного. На самом деле потрясает то, что мы, люди, ведем себя как животные! Совершенно не удивительно, что в прошлых жизнях мы были животными, но даже в качестве и наше сознание может быть таким низким, что мы кажемся людьми только на физическом уровне. Если посмотрев наши склонности, может показаться, что, хотя мы больше не животные, не стали мы еще и человеческими существами; кажется, мы застряли где-то посередине. Как ТОЛЬКО возникнет возможность, мы, недолго думая, снова возвращаемся к уровню животных.

Например, ты идешь по дороге как джентльмен, и тебе подходит какой-то парень, бьет и оскорбляет тебя. В то же мгновение джентльмен отходит на второй план и ты проявляешься как животное, которым ты, наверное, был одной из прошлых жизней. Стоит немного оцарапать поверхность, и внутри появляется зверь – и он врывается так насильственно, что вообще удивительно, как этот человек вообще был человеческим существом.

Ныне состояние нашего существа включает в себя ВСЕ чем мы когда-либо были раньше. Внутри находятся многие слои тех состояний, через которые мы проходили в прошлом. Если мы зароемся еще немного глубже вовнутрь, можем достичь внутренних слоев своего существа – даже состояния, в котором мы были камнем; и это тоже составляет внутренний слой. Глубоко внутри мы все еще камни поэтому, когда кто-то толкает нас к этому слою, мы ведем себя как камни, мы можем действовать как камни. Еще мы можем действовать как животные – собственно, что мы И делаем то, что лежит впереди нас, это просто наш потенциал – это не слои. Хотя иногда мы подпрыгиваем и касаемся этого потенциала, но затем снова падаем на землю.

Когда-то мы сможем быть богами, но в настоящем мы не боги. Мы обладаем потенциалом стать богами; но то, из чего мы сейчас состоим, это то, чем мы были в прошлом.

Поэтому есть эти две вещи: если мы копаем вовнутрь, мы столкнемся с разнообразными прошлыми состояниями существа; а если нас бросить вперед в цепи рождений, мы испытаем состояния, которые нам предстоят. Однако в точности, как человек совершает прыжок – на мгновение он отрывается от земли и взлетает в воздух, но в следующее мгновение возвращается на землю, – временами мы выпрыгиваем из своего животного состояния и становимся человеческими существами, но затем снова возвращаемся в прежнее состояние. Если наблюдать пристально, ты найдешь, что в период двадцати четырех часов лишь иногда только в определенные мгновения мы действительно человеческие существа. И все мы слишком хорошо это знаем.

Должно быть, ты наблюдал нищих. Они всегда приходят просить милостыню по утрам. Вечером они никогда не приходят, потому что к вечеру возможности того, что кто-то останется человеческим существом, почти не существует. Утром, когда человек встает, - освеженный хорошим ночным отдыхом, свежий и веселый, - нищий надеется, что тот будет немного гуманнее. Он не ожидает никакого подаяния вечером, потому что знает, что человек прошел через весь день - офис, рынок, восстания и протесты, газеты и политики, - и все это, должно быть, создало в нем сутолоку. Все это, должно быть, активизировало и обострило животные слои у него внутри. К вечеру человек устал; он превратился в зверя. Именно поэтому в ночных клубах можно увидеть зверей, проявляющих звериные склонности. Человек, устав целый день быть человеческим существом, жаждет алкоголя, шума, игры, танцев, стриптиза - он хочет быть среди других зверей. Ночные клубы обслуживают зверя в человеке. Поэтому для молитвы всего подходит утро; а вечер подходит плохо. Во храмах колокола звонят утром; ночью открываются ночных клубов, казино, баров. Проститутки никого могут пригласить утром, они приглашают клиентов только вечером.

После дня тяжелой работы человек превращается в животное; поэтому ночной мир отличается от дневного мира. Мечеть сзывает на молитву утром, в храме звонят колокола утром. Есть надежда, что человек, только проснувшись утром, обратится к Богу; гораздо меньше надежды, что это сделает человек, который устал к вечеру.

По той же причине есть большая надежда, что к Богу обратятся дети, но у старых людей надежды меньше - они в сумерках жизни; к этому времени жизнь, должно быть отобрала у них все. Поэтому человек должен начать путешествие как можно раньше, как можно более ранним утром. Вечер придет сам по себе. Но перед этим, если мы начали путешествие утром, больше вероятности, что окажемся в храме и вечером.

Поэтому наш друг прав, спрашивая, возможно ли, человек был в прошлой жизни животным или птицей. Хотя, вот что нам нужно осознавать: не стоит продолжать быть птицей или животным в этой жизни.

Прежде чем двинуться в медитацию, давайте поймем несколько вещей. Прежде всего, вы должны полностью отпустить себя. Если вы сдерживаете себя хоть немного, это будет преградой для медитации. Отпусти себя настолько, будто ты мертв, как будто ты действительно умер. Смерть нужно принять, как будто она уже произошла, как будто все остальное умерло, а мы просачиваемся глубже и глубже вовнутрь. Теперь выживет лишь то, что выживает всегда.

Мы отбросим все остальное, все то, что может умереть. Вот почему я сказал, что это эксперимент со смертью.

В этом эксперименте есть три части. Первая - расслабление тела; вторая - расслабление дыхания; третья - расслабление мыслей. Тело, дыхание и мысли - все это нужно постепенно отпустить.

Пожалуйста, сядьте на некотором расстоянии друг от друга. Возможно, кто-то упадет, поэтому пусть между вами будет некоторое расстояние.

Подвиньтесь немного назад или немного вперед, просто чтобы позаботиться о том, чтобы не быть слишком близко друг к другу; иначе вы все время будете заняты тем, как бы на кого-нибудь не упасть.

Когда тело расслабляется, оно может упасть вперед или назад, это неизвестно. Это можно знать в точности, только если ты держишь его. Как только ты отпускаешь тело, оно автоматически падает. Как только ты отпускаешь хватку изнутри, кто будет держать тело? - оно обязательно упадет. А если ты занят тем, чтобы удержать его от падения, ты останешься на прежнем месте - и не сможешь двигаться в медитацию. Поэтому, если ты чувствуешь, что тело вот-вот упадет, считай это благословением. Тут же отпусти его. Не сдерживай его, потому что если ты это делаешь, ты не даешь себе идти вовнутрь. И не огорчайся, если кто-то упадет на тебя; пусть будет так. Если чья-то голова некоторое время полежит у тебя на коленях, пусть так и будет; пусть тебя это не беспокоит.

А теперь закройте глаза. Закройте их мягко. Расслабьте тело. Пусть оно будет совершенно свободно, как будто в нем нет жизни. Отзовите всю

энергию из тела; соберите ее внутри. По мере того как энергия движется внутрь, тело будет расслабляться.

Теперь я начну мои предложения: тело становится свободным" мы становимся молчаливыми... Почувствуй, что тело становится свободным. Отпусти. Двигайся вовнутрь в точности как человек входит в дом. Двигайся вовнутрь... двигайся вовнутрь. Тело расслабляется... Полностью отпусти... пусть тело будет безжизненным, как будто оно мертво Тело расслабляется, тело расслабляется, тело совершенно расслаблено...

Я предполагаю, что вы совершенно расслабили что вы совершенно распустили хватку. Если тело падает, пусть падает; если оно склоняется вперед, пусть склоняется Позвольте произойти всему, что произойдет, - расслабитесь. Ничего не сдерживайте. Посмотрите вовнутрь, чтобы убедиться, что вы ничего не сдерживаете. Вы должны быть способны сказать:

- Я ничего не сдерживаю. Я совершенно отпустил себя.

Тело расслаблено, тело свободно. Дыхание успокаивается, дыхание замедляется. Чувствуй это... дыхание замедлилось. Полностью отпусти. Отпусти и свое дыхание, просто перестань его сдерживать. Дыхание замедляется, дыхание успокаивается... Дыхание успокоилось, дыхание замедлилось...

Дыхание успокоилось... мысли тоже успокаиваются. Чувствуй это. Мысли становятся молчаливыми... отпусти...!. Ты отпустил тело, отпустил дыхание, теперь отпусти и мысли. Отодвинься... полностью войди вовнутрь, отодвинься и от мыслей.

Все стало молчаливым, как будто все снаружи мертво. Все мертво... все стало молчаливым... внутри осталось только сознание... пылающий светильник сознания - все остальное мертво. Отпусти... полностью отпусти - как будто тебя больше нет. Полностью отпусти... как будто твое тело умерло, как будто тела больше нет. Твое дыхание спокойно, мысли спокойны - как будто произошла смерть.

И двигайся внутрь, полностью двигайся внутрь. Отпусти... отпусти все. Отпусти полностью, ничего не держи. Ты умер.

Чувствуй, будто бы все умерло, будто бы все умерло - внутри остался лишь горящий светильник; все остальное умерло. Все остальное мертво, стерто. Потеряйся в этой пустоте на десять минут. Будь свидетелем. Продолжай наблюдать эту смерть. Все остальное у тебя внутри исчезло. Тело тоже осталось далеко позади, далеко - мы просто наблюдаем его. Продолжай наблюдать, оставайся свидетелем. Десять минут продолжай смотреть внутрь. Продолжай смотреть внутрь... снаружи все будет мертвым. Отпусти... будь полностью мертвым. Продолжай наблюдать, оставайся свидетелем... Полностью отпусти все, как будто ты мертв, и тело снаружи мертво. Тело спокойно, мысли спокойны, остается лишь наблюдающий светильник сознания, остается лишь видящий, остается лишь свидетель. Отпусти... отпусти... отпусти полностью...

Пусть происходит все, что происходит. Полностью отпусти, просто продолжай наблюдать внутри и отпусти все остальное. Полностью распусти свою хватку. Ум стал молчаливым и пустым, ум стал совершенно пустым... Ум стал совершенно пустым, ум стал совершенно пустым. Вы все еще немного сдерживаете, отпустите и это. Отпустите полностью, исчезните - вас больше нет. Ум стал совершенно пустым... ум стал молчаливым и пустым... УМ стал совершенно пустым...

Продолжай смотреть внутрь, продолжай смотреть внутрь с осознанностью - все стало молчаливым. Тело осталось позади, далеко позади; ум остался далеко позади, лишь горящий светильник, светильник сознания, остался лишь горящий свет...

Теперь медленно сделайте несколько вдохов. Продолжайте наблюдать дыхание... С каждым дыханием молчание будет становиться глубже. Сделай медленно несколько вдохов и продолжай смотреть внутрь; оставайся свидетелем дыхания. Ум станет еще более молчаливым... Сделай медленно несколько вдохов и мягко открой глаза. Если кто-то упал, сначала сделайте глубокий вдох, затем медленно поднимитесь. Не торопитесь, если не можете встать не торопитесь, если вам трудно открыть глаза... Сначала сделайте

глубокий вдох, затем медленно открывайте глаза поднимайтесь очень мягко. Не делайте никаких движений –ни поднимаясь, ни открывая глаза... Наша утренняя медитация окончена.

ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ ЕСТЬ ХРАМ

Мои любимые,
Друг спросил:

Ты показал нам метод достижения истины, или Божественного, через отрицание – метод исключения всего несущественного, чтобы познать себя. Нельзя ли достичь того же результата противоположным путем? Не можем ли мы пытаться видеть Бога во всем? Не можем ли мы чувствовать Его во всем? Это будет полезно понять.

Человек, который не способен осознать Бога в себе, никогда не сможет и осознать Его во всем. Человек, который еще не узнал Бога в себе, никогда не может узнать Его в других. "Я" означает то, что к тебе ближе всего; тогда нужно считать, что любой другой, кто находится хотя бы на некотором расстоянии, далеко. Если ты не умеешь видеть Бога в самом себе, то есть в самом близком, невозможно видеть его в тех, кто далеко. Сначала тебе придется познать Бога в себе; сначала знающий должен познать Божественное – это ближайшая дверь.

Но помни, удивительно, что индивидуальность, которая входит в "себя", одновременно находит вход и во все. Дверь в самого себя – это дверь во все. Как только человек входит в себя, он находит, что вошел и во все, потому что снаружи мы различны – но не внутри.

Снаружи листья отличаются друг от друга. Но если человек может проникнуть хотя бы в один лист, то достигнет источника дерева, где все листья в созвучии. Если листья рассматривать индивидуально, каждый лист имеет отличия – но однажды познав лист внутри, ты достигнешь источника, из которого эмануруют все листья и в котором все листья растворяются. Тот, кто входит в себя, одновременно входит и во все сущее.

Различие между "ты" и "я" сохраняется, лишь пока мы не вошли в себя. В тот день, когда мы входим в самих себя, "я" исчезает вместе с "ты", – а что остается тогда, это и есть все.

Фактически, "все" не значит сумму "ты" и "я". "Все" означает, что ты и я растворились, и то, что остается вследствие этого, – и есть всё. Если "я" еще не растворено, человек, несомненно, может сложить "я" и "ты", но полученная сумма не будет равна истине. Даже если человек сложит вместе все листья, это не даст существования дереву – хотя в нем и суммируются все листья. Дерево больше, чем полная сумма всех его листьев. Фактически, оно не имеет ничего общего со сложением; это ошибочное сложение.

Прибавляя один лист к другому, мы предполагаем, что листья отделены друг от друга. Дерево совершенно не состоит из отдельных листьев.

Поэтому, как только мы входим в "я", оно прекращает существовать. Первое, что исчезает, когда мы входим внутрь, это ощущение отдельной сущности. И когда исчезает это чувство "я", с ним вместе исчезает и чувство "ты", "другого". То, что остается, это и есть все.

Неправильно даже называть это всем, потому что "все" подразумевает существование прежнего старого "я". Поэтому те, кто знает, не назовут это даже "всем", они спросят:

"Сумма чего? Что мы складываем?" Более того, они объявят, что остается лишь одно. Хотя, возможно, они скажут даже это не без колебаний, потому что утверждение об "одном" создает впечатление, что есть два, –дает идею о том, что одно не имеет смысла без двух, без соответственного понятия двух. Одно существует только в контексте двух. Поэтому обладающие более глубоким пониманием не скажут даже, что остается одно, они скажут, что остается адвайпга, не-двойственность.

Это очень интересно. Люди говорят: "Двух не осталось". Они не говорят: "Осталось одно". Они говорят: "Двух не осталось". Адвайта означает, что двух нет.

Можно задать вопрос: "Почему вы говорите такими обвиняками? Скажите просто, что есть одно!" Опасность в том, что, если говорить об одном, это поднимает вопрос о двух. А когда мы говорим, что двух нет, из этого следует, что нет и трех; это подразумевает, что нет ни одного, ни множества, ни всего. Фактически, это восприятие основано на существовании "я". Поэтому с прекращением "я" остается целое, неделимое.

Но чтобы это осознать, можем ли сделать то, что предлагает наш друг – можем ли мы визуализировать Бога в каждом? Если мы это сделаем, это будет не более чем фантазией, а фантазировать и воспринимать истину – это не одно и то же.

Много лет назад ко мне привели святого. Мне сказали, что он везде видит Бога и что последние тридцать лет он видит Бога во всем: в цветах, в растениях, в камнях – во всем. Я спросил этого человека, стал ли он видеть Бога во всем в результате практики, потому что, если так, все это видение было бы ложным. Он не понял меня. Я снова спросил его:

– Фантазировал ли ты об этом, желал ли ты видеть Бога во всем?

– Конечно! – сказал он. – Тридцать лет назад я начал эту садхану. пытался видеть Бога в камнях, растениях, горах – во всем. И я стал видеть Бога во всем.

Я попросил его остаться со мной на три дня и на это время перестать видеть Бога во всем.

Он согласился. Но на следующий день он сказал:

– Ты причинил мне огромный вред. Лишь двенадцать часов прошло с тех пор, как я прекратил свою обычную практику, и я уже начал видеть скалу скалой, а гору горой. Ты украл у меня моего Бога. Что ты за человек?

– Если этого Бога можно было утратить, прекратив практику всего на двенадцать часов, то, что ты видел, было не Богом, а результатом твоих постоянных упражнений.

Подобным образом человек непрерывно что-то повторяет, и это создает иллюзию. Нет, Бога нельзя увидеть в скале; скорее, человек должен достичь состояния, в котором в скале больше нельзя увидеть ничего, кроме Бога. Это две разные вещи.

Ты начнешь видеть Бога в скале в результате усилия, приложенного к тому, чтобы его увидеть, но этот Бог будет не более чем умственной проекцией. Этот Бог будет силой наложен тобой на скалу; это будет работой твоего воображения. Этот Бог будет в чистом виде твоим порождением; он будет полностью плодом твоего воображения. Такой Бог – это не более чем твоя мечта, – мечта, которую объединяет постоянное усиливание. Такого Бога можно увидеть без больших трудностей, но это значит жить в иллюзии, это значит не войти в истину.

Однажды, конечно, случается так, что сама индивидуальность исчезает и вследствие этого она не видит ничего, кроме Бога. Тогда человек не чувствует, что Бог в скале, тогда возникает ощущение: "Где эта скала? Есть лишь Бог!" Понимаете ли вы различие, о котором я говорю? Тогда вы не чувствуете, что Бог существует в растении, в скале; что растение существует и в растении существует Бог, – нет, ничего подобного. Вот что человек начинает чувствовать:

"Где растение? Где скала? Где гора?"... ведь все вокруг, все, что только можно увидеть, все сущее есть только Бог. Тогда видение Бога не зависит от того, выполняешь ли ты упражнение, оно зависит лишь от опыта.

Величайшая опасность в мире садханы, духовных практик, – это опасность воображения. Мы можем вообразить истины, тогда как они должны стать нашим собственным опытом. Человек, который целый день был голоден, ест ночью во сне и чувствует огромное удовлетворение. Возможно, когда он ест наяву, он не находит в еде такой радости, как во сне, – во сне он может съесть любое блюдо, какое только пожелает. Тем не менее его желудок утром остается по-прежнему пустым, и пища, съеденная во сне, не дает ему никакого питания. Если человек решает оставаться в живых, питаясь только едой, которую он ест во сне, рано или поздно он умрет. Не важно, насколько вкусной будет приснившаяся еда, в реальности это не еда. Она не может стать ни частью крови, ни частью плоти, ни костями, ни мозгом. Сон

может повлечь за собой только обман. И не только обман состоит из снов, состоит из снов и Бог. Состоит из снов и мокша, освобождение. Бывает молчание, состоящее из снов, бывают истины, состоящие из снов. Величайшая способность человеческого ума – это способность к самообману. Но, как бы то ни было, никто не может достичь радости и освобождения, впадая в обман такого рода.

Поэтому я не прошу вас начинать видеть Бога во всем. Я прошу только начать смотреть внутрь и увидеть, что там. Когда вы начинаете смотреть внутрь, чтобы увидеть, что внутри, первым, кто исчезнет, будешь ты – ты перестанешь существовать внутри. Впервые ты обнаружишь, что твое "я" было иллюзией, и она испарилась, исчезла. Как только ты заглядываешь внутрь, уходит "я", эго. Фактически, ощущение "я есть" сохраняется только до тех пор, пока мы не заглянем в самих себя. И, возможно, причина того, что мы не заглядываем в самих себя, в этом страхе, – если мы это сделаем, то можем потеряться..

Может быть, вы видели, как человек вращает факел и создает огненный круг. В реальности такого круга нет, только когда факел вращается с большой скоростью, издали он создает видимость круга. Увидев его с близкого расстояния, вы поймете, что быстро движущийся факел, что огненный круг – это только обман зрения. Подобным образом, если мы пойдем внутрь и пристально посмотрим, то найдем, что "я" абсолютно ложно. В точности как быстро вращаемый факел создает иллюзию огненного круга, быстро движущееся сознание создает иллюзию "я". Это научная истина, и ее нужно понять. Может быть, ты не замечал, но все иллюзии в жизни создаются вещами, вращающимися с большой скоростью. Стена кажется очень твердой, камень у тебя под ногами кажется явственно твердым, но ученые говорят, что нет такой вещи, как твердый камень. Сейчас это хорошо известный факт: чем ближе ученые наблюдают материю, тем более она исчезает. Пока ученый находился на расстоянии от материи, он верил в нее. В основном это были те ученые, которые заявляли, что истинна лишь материя, но теперь тот же самый ученый говорит, что никакой материи нет. Ученые говорят, что быстрое движение электрических частиц создает иллюзию плотности. Плотности как таковой нигде нет.

Например, когда электрический вентилятор движется с большой скоростью, мы не можем увидеть, что вращаются три лопасти; человек на самом деле не может сосчитать, сколько вращается лопастей. А если он движется еще быстрее, то кажется, что крутится круглый лист металла. Его можно заставить крутиться так быстро, что даже если бы ты сел на него, то не почувствовал бы промежутков между лопастями; ты бы чувствовал, что сидишь на целом куске металла.

Частицы в материи движутся с такой же скоростью, а частицы – это не материя, это быстро движущаяся электрическая энергия. Материя кажется плотной из-за быстро движущихся электрических частиц. Вся материя – это продукт быстро движущейся энергии, – хотя она и кажется существующей, на самом деле она не существует. Подобным образом, энергия сознания движется так быстро, что из-за этого создается иллюзия "я".

В этом мире есть два вида иллюзий: первый – иллюзия материи и второй – иллюзия "я", эго. Оба явления в своей основе ложны, но человек осознает, что они не существуют, лишь подходя к ним очень близко. Когда наука приближается к материи, материя исчезает; когда религия приближается к "я", "я" исчезает. Религия обнаружила, что "я" не существует, а наука обнаружила, что материя не существует. Чем ближе мы подходим, тем более избавляемся от иллюзий.

Вот почему я говорю: иди внутрь, смотри пристально – есть ли внутри какое-нибудь "я"? Я не прошу верить, что "я" нет. Если ты будешь верить, это превратится в ложное верование. Если ты согласишься мне на слово и начнешь думать: "Меня нет, эго ложно, я атман, я Брахман; эго ложно", ты приведешь себя в замешательство. Если это станет просто повторением, тогда ты будешь просто повторять ложь. Я не прошу от тебя такого повторения. Я говорю: иди внутрь, смотри, узнай, кто ты такой. Человек, который смотрит внутрь и узнает себя, находит:

"Меня нет". Тогда кто внутри? Если меня нет, должен быть кто-то другой. Просто то, что меня нет, не значит, что нет никого вообще, потому что кто-то нужен даже для того, чтобы признать эту иллюзию.

Если меня нет, кто же есть? Опыт, который остается после исчезновения "я", есть опыт Бога. Опыт сразу распространяется - когда отпадает "я", отпадает и "ты", и "он", и остается лишь океан сознания. В этом состоянии ты увидишь, что есть лишь Бог. Тогда может показаться ошибочным говорить, что Бог есть, потому что это излишне.

Излишне говорить, что Бог есть, потому что Бог - это другое имя для Того-Что-Есть. "Есть-ность" и есть Бог - поэтому слова "Бог есть" были бы тавтологией; это неправильно. Что значит "Бог есть"? Мы связываем с "есть" нечто, чего может "не быть". Мы говорим: "Стол есть", потому что очень возможно, что этот стол не будет существовать завтра или что этот стол не существовал вчера. Что-то, чего не существовало раньше, может снова перестать существовать; тогда какой смысл говорить, что "это есть"? Бог - это не нечто, чего не существовало раньше, невозможно и то, что он перестанет существовать снова; поэтому говорить "Бог есть" бессмысленно. Он есть. Фактически, другое имя Бога - То-Что-Есть. Бог значит существование.

На мой взгляд, если мы навязываем нашего Бога на То-Что-Есть, мы таким образом заталкиваем себя в обман и ложь. И помни, боги, которых мы создали, созданы по-разному; каждый из них имеет соответствующую торговую марку. Индуист сделал своего бога, мусульманин - своего. Христианин, джайн, буддист - у каждого свой бог. Каждый отчеканил собственную монету; каждый создал соответствующего бога. Эта великая индустрия по производству богов процветает! В своих домах люди производят соответствующих им богов; каждый вырабатывает собственного бога. А затем эти производители богов дерутся друг с другом за рынок точно так же, как это делают производители товаров. Бог каждого отличается от бога Другого. Фактически, пока "я есть", все, что бы я ни создал, будет отличаться от "твоего". Пока "я есть", моя религия, мой бог будет отличаться от богов и религий других людей, потому что они будут созданы "я", это. Поскольку мы считаем себя отдельными сущностями, все, что бы мы ни создавали, будет иметь характер отделенное. Если бы была свобода создания религии, в мире было бы столько же религий, сколько людей, - не меньше. В мире так мало религий именно из-за отсутствия правильного рода свободы.

Индуистский отец принимает все меры, чтобы его сын стал индуистом, пока он не независим. Мусульманский отец делает своего сына мусульманином, пока он еще не разумен, потому что, достигнув разума, человек не захочет становиться индуистом или мусульманином. Поэтому есть необходимость наполнить ребенка всеми видами глупости прежде, чем он станет разумным. Все родители изо всех сил стремятся научить своих детей религии с самого детства, потому что, когда ребенок вырастет, он начнет думать и создавать проблемы. Он будет поднимать всевозможные вопросы - и, не находя удовлетворительных ответов, он начнет делать вещи, которые родителям будет тяжело воспринять. Поэтому родители так хотят учить детей религии прямо с колыбели - когда ребенок многое не осознает, когда он уязвим и его можно научить любой глупости. Именно так люди становятся мусульманами, индуистами, джайнами, буддистами, христианами - чему их ни научи, тем они и станут.

Поэтому те, кого мы называем религиозными людьми, часто оказываются неразумными. Им не хватает разума, потому что религией мы называем то, что отравило нас еще до того, как возник разум, - и даже впоследствии продолжается его внутренняя хватка. Не удивительно, что индуисты и мусульмане сражаются друг с другом во имя бога, во имя своих храмов и мечетей.

Имеет ли Бог много разновидностей? Относится ли Бог, которому поклоняются индуисты, к одному типу, а Бог, которому поклоняются мусульмане, - к другому? Потому ли индуисты чувствуют, что их бог оскорблен, если разрушен идол... или мусульмане чувствуют, что бог обесчещен, если сожжена или разрушена мечеть?

Фактически, Бог - это То-Что-Есть. В мечети он существует настолько же, насколько и в храме. Он существует настолько же в святотатственном месте, как и в местах поклонения. Он существует настолько же в кабаке, как и в мечети. Он присутствует и в воре, и в святом - ни на йоту меньше, иначе и быть не может. Кто еще может жить в воре, если не Божественное? Он присутствует как в Раме, так и в Раване - и в Раване его ни на йоту не меньше. Он существует в мусульманине так же, как и в индуисте. Но проблема в том, что, если мы начнем верить, что одна и та же божественность существует в каждом, это нанесет тяжкий удар по богопроизводящей индустрии. Поэтому, чтобы это предотвратить, мы продолжаем навязывать себе соответствующих богов. Если индуист посмотрит на цветок, он спроецирует на него своего бога, увидит в нем своего бога, тогда как мусульманин будет проецировать, визуализировать своего бога. Они могут даже из-за этого подражаться, хотя, возможно, такой индуистско-мусульманский конфликт несколько притяннут за уши.

Их учреждения находятся на небольшом расстоянии друг от друга - но ссоры возникают даже из-за тесно связанных "магазинов божественности". Например, между Варанаси и Меккой довольно большое расстояние, но в самом Варанаси между храмами Кришны и Рамы расстояние очень мало. Однако и там возникают такого же рода проблемы.

Я слышал об одном великом святом... Я называю его великим, потому что его называли великим люди, и святым, потому что его называли святым люди. Он был преданным Рамы. Однажды его привели в храм Кришны. Когда он увидел изображение Кришны с флейтой в руках, он отказался поклониться его изображению. Стоя перед изображением, он сказал: "Лишь если ты возьмешь лук и стрелы, тогда я тебе поклонюсь. Тогда ты будешь моим Господом". Как странно! Мы выставляем условия даже Богу - как, в каком виде и в какой позе он должен себя представить. Мы предписываем распорядок, предъявляем требования - и лишь тогда мы готовы поклоняться.

Это так странно - мы определяем, каким должен быть наш Бог. Но именно так всегда и было. То, что мы до сих пор отождествляли как "Бога", было продуктом наших собственных описаний. Пока этот сделанный человеком Бог стоит на дороге, мы не сможем узнать того Бога, который не определен нами. Мы никогда не сможем узнать того, кто определяет нас. А поэтому нам нужно избавиться от сделанного человеком Бога, если мы хотим узнать того Бога, который есть. Но это тяжело; это трудно даже самому храброму человеку. Избавиться от сделанного человеком Бога трудно даже тому, кого мы считаем человеком понимания. Он настолько же цепляется за эту основную глупость, что и глупец. Глупцу это простительно, но непростительно человеку понимания.

Хан Абдул Дхаффар Хан недавно прибыл в Индию. Он проповедует во всей стране индуистско-мусульманское единство, но сам он непоколебимый мусульманин; на этот счет нет ни малейших сомнений. Его не смущает то, что он молится, в мечети как правоверный мусульманин и все же проповедует индуистско-мусульманское единство. Ганди был непоколебимым индуистом и тоже учил индуистско-мусульманскому единству. Каков гуру, таков и ученик: гуру был признанным индуистом; ученик - признанный мусульманин. А пока в мире есть признанные индуисты и признанные мусульмане, как может возникнуть какое-либо единство? Им нужно немного расслабиться, лишь тогда возможно какое-то единство. Эти рьяные индуисты и мусульмане являются коренной причиной всех трений между этими двумя религиями, хотя причины этих трений на самом деле и не видны. Те, кто проповедуют индуистско-мусульманское единство, не имеют ни малейшего понятия о том, как претворить его в жизнь.

Пока Бог - это разные вещи для разных людей, пока у разных людей разные места поклонения, пока различны молитвы и писания - для кого-то отец Коран, а для кого-то мать Гита, - досадные проблемы между религиями никогда не подойдут к концу. Мы цепляемся за Коран и за Гиту. Мы говорим: "Читай Коран и учи людей отбросить вражду и стать одним. Читай Гиту и учи людей отбросить вражду и стать одним". Мы не понимаем, однако, что сами слова Гиты и Корана являются коренной причиной всех проблем.

Если корове отрезают хвост, вспыхивает индуистско-мусульманское восстание, а в драке мы обвиняем хулиганов. Забавно то, что ни один хулиган не проповедовал, что корова – это наша священная мать. На самом деле, этому учат наши Махатмы, наши святые, которые обвиняют "хулиганов"... Потому что когда корове отрезают хвост, согласно замыслу Махатм, это не хвост коровы, это хвост священной матери! Когда они обращают на это внимание людей, начинаются беспорядки, в которые вовлекаются хулиганы, а затем их обвиняют в том, что они их начали. Таким образом, люди, которых мы называем Махатмами, на самом деле являются коренной причиной всех подобных проблем. Отойди они в сторону, хулиганы были бы безобидными, у них не было бы сил драться. Они черпают силы у Махатм. Но Махатмы спрятаны так глубоко под землей, что мы так никогда и не понимаем, кто является коренной причиной проблемы. А в чем, действительно, коренная причина? Коренной причиной всех ваших проблем является ваш бог – бог, которого вы производите в своих домах. Попытайтесь спастись от богов, которых вы производите в своих домах. Нельзя произвести Бога дома; существование такого Бога будет чистым обманом.

Я не прошу вас проецировать Бога. В конце концов, что вы будете проецировать под именем Бога? Преданный Кришны скажет, что он видит Бога, прячущегося за кустом с флейтой в руках, а преданный Рамы увидит Бога, который держит в руках лук и стрелы. Каждый увидит Бога по-своему. Такого рода видение есть не что иное, как проецирование наших желаний и концепций. Бог не такой. Мы не можем его найти, проецируя наши желания и концепции, – чтобы его найти, мы должны полностью исчезнуть. Нам придется исчезнуть – вместе со всеми нашими концепциями и проекциями. Обе эти вещи не могут идти рука об руку. Пока ты существуешь как эго, опыт Бога абсолютно невозможен. Как эго, ты должен исчезнуть; лишь тогда будет возможным пережить его. Я не могу открыть двери в Божественное, пока я, это, существует.

Я слышал историю о человеке, который отрекся от всего и достиг дверей в Божественное. Он отрекся от богатства, жены, дома, детей, общества, от всего, и, отрекшись от всего, он оказался у дверей Божественного. Но страж остановил его и сказал:

– Ты еще не можешь войти. Сначала пойд и оставь все.

– Очевидно, ты принес с собой свое "я". Нас не интересует ничто другое, нас интересует только твое "я". Нас не заботит, что, по твоим словам, ты оставил, нас заботит только твое "я", – объяснил страж. – Иди и отбрось его, а тоща возвращайся.

Человек сказал:

– У меня ничего нет. Сумка пуста – в ней нет ни денег, ни жены, ни детей. Я ничем не владею.

– В сумке по-прежнему есть твое "я" – иди и отбрось его. Эти двери закрыты для тех, кто приносит с собой свое "я"; для них двери были закрыты всегца, – сказал страж.

Но как нам отбросить "я"? "Я" никогда не отпадет в результате наших попыток его отбросить. Как я могу отбросить само "я"? Это невозможно. Это все равно что пытаться поднять самого себя за шнурки. Как мне отбросить "я"? Даже если я отброшу все, "я" по-прежнему останется. Самое большее, человек может сказать: "Я отбросил эго", и даже это показывает, что он по-прежнему носит с собой свое "я". Человек становится эгоистичным даже в отбрасывании эго. Что тогда человек должен сделать? Это довольно трудная ситуация.

Я говорю вам: в этом нет ничего трудного, потому что я не прошу вас ничего отбрасывать. Фактически, я вообще не прошу вас ничего делать. "Я", эго, становится сильнее из-за всего этого "делания". Я просто прошу вас идти внутрь и искать "я". Если вы его найдете, отбросить его невозможно. Если оно существует там всегда, что остается отбрасывать? А если вы его не найдете, то и тогда нет способа его отбросить. Как можно отбросить то, что не существует? Поэтому идите внутрь и посмотрите, есть ли там "я". Я просто говорю, что человек, который смотрит внутрь себя, начинает громко

смеяться, потому что нигде внутри он не может его найти. Что же тогда остается? То, что остается, и есть Бог. То, что остается с исчезновением "я", - может ли оно быть отдельным от вас? Когда само "я" прекращает существовать, кто может создать разделение? Лишь только одно "я" отделяет меня от вас, а вас от меня.

Вот стена этого дома. Стены пребывают в иллюзии, что они делят пространство надвое - хотя пространство никогда не делится надвое, пространство неделимо. Какую бы толстую стену ты ни построил, пространство внутри дома и пространство снаружи дома - это не две разные вещи; это одно. Как бы высока ни была стена, пространство внутри и снаружи дома никогда не разделено. Человек, живущий в доме, однако, чувствует, что разделил пространство надвое - на пространство внутри дома и пространство снаружи. Но если стена упала, как этому человеку разделить пространство снаружи дома и внутри дома? Как ему это вычислить? Тогда останется лишь пространство.

Таким же образом мы разделили сознание на фрагменты, возводя ложные стены "я". Когда падает эта стена "я", я не начинаю видеть в тебе Бога, нет. Тогда я не буду видеть тебя, я буду видеть только Бога. Пожалуйста, хорошенько пойми это тонкое различие.

Было бы неправильно сказать, что я начинаю видеть в тебе Бога, - я больше не буду видеть тебя, я буду видеть только Божественное. Я не буду видеть Бога в дереве - я больше не буду видеть дерево, только Божественное. Когда кто-то говорит, что видит Бога в каждом атоме, он абсолютно не прав, потому что тогда он видит и Бога, и атомы. Их нельзя увидеть одновременно. Истина материи в том, что каждый атом есть Бог, а не в том, что Бог существует в каждом атоме. Дело не в том, что какой-то Бог сидит, скорчившись, в каждом атоме, - все, что есть, есть Бог.

Бог - это имя, данное из любви Тому-Что-Есть. То-Что-Есть - это истина; влюбившись в нее, мы называем ее Богом. Но не имеет значения, каким именем мы ее назовем. Поэтому я не прошу тебя видеть Бога в каждом, я говорю: начни смотреть внутрь. Как только ты начнешь смотреть внутрь, ты исчезнешь. А то, что ты видишь после исчезновения тебя, - и есть Бог. Другой друг спросил:

Если медитация ведет к самадхи, а самадхи ведет к Богу, какая необходимость ходить в храмы? Не стоит ли нам с ними разделаться? Бесплезно ходить в храмы, но настолько же бесполезно и разделяться с ними. Зачем человеку брать на себя труд уничтожить что-то, в чем Бог все равно существует? Пусть храмы останутся на своих местах. Зачем избавляться от них? Но очень часто возникает эта проблема.

Например, Мухаммед сказал, что Бога нельзя найти в идолах, и мусульмане решили, что идолы должны быть уничтожены. И тогда в мире стала происходить очень забавная вещь: уже были сумасшедшие, которые создавали идолов, а теперь появилась еще одна кучка сумасшедших, которые помешались на почве уничтожения идолов. Теперь идолопоклонники рьяно производят идолов, тогда как идолоненавистники днем и ночью вынашивают планы, как уничтожить этих идолов. Кто-то должен задаться вопросом, говорил ли Мухаммед, что Бог может быть найден в уничтожении идолов. Может быть, Бог не присутствует в идолах, но кто сказал, что Бог присутствует в уничтожении идолов? А если Бог присутствует в уничтожении идолов, почему он не может присутствовать в самих идолах? Бог может присутствовать и в идоле. А если его нет в идоле, как он может быть в его разрушении.

Я не говорю, что мы должны разделаться с храмами. Я говорю, что мы должны осознать ту истину, что Бог везде. Когда мы осознали эту истину, все становится его храмом - тогда трудно различить, где храм, а где - нет. Где бы мы тогда ни стояли, это место будет его храмом; на что бы мы ни смотрели, это будет его храмом, где бы мы ни сидели, это будет его храмом. Тогда больше не будет никаких святых мест паломничества - весь мир будет святым местом. Тогда бессмысленно будет создавать отдельных идолов, потому что тогда все, что есть, будет его образом.

Я не убеждаю тебя заняться уничтожением храмов или начать убеждать людей не ходить в храмы. Я никогда не говорил, что Бог не присутствует в храме.

Я просто говорю то, что, если человек видит Бога в храме и больше нигде, он совершенно ничего не знает о Боге.

Человек, осознавший божественность, почувствует присутствие Бога везде – как в храме, так и в любом другом месте. Как ему тогда определить, что является храмом, а что нет? Мы определяем храм как место, в котором присутствует Бог, но если человек чувствует его присутствие везде, тогда любое место становится его храмом. Тогда больше нет никакой необходимости строить отдельные храмы – равно как и разрушать храмы.

Я заметил, что вместо того, чтобы понять, что я говорю, люди часто делают ошибку и могут понять нечто противоположное тому, что я сказал.

Людей больше интересует, с чем нужно разделаться, что нужно разрушить, что нужно уничтожить, – они не пытаются понять, что есть. Такие ошибки происходят постоянно.

Одна из самых фундаментальных ошибок человека в том, что он слышит нечто совершенно другое, чем то, что ему говорили. Теперь некоторые из вас могут воспринять меня как врага храмов, тогда как редко можно встретить человека, который больше меня любил бы храмы. Почему я говорю об этом? По той простой причине, что я хочу, чтобы всю землю видели как храм; я хотел бы, чтобы все превратилось в храм. Но слушая меня, кто-то может понять, что было бы лучше, если бы мы разделались с храмами. Если мы избавимся от этих храмов, это не послужит никакой цели. Все сложится к лучшему лишь тогда, когда вся жизнь будет переделана в храм.

Те, кто видит Бога в храмах, и те, кто разрушает храмы, – и те и другие не правы. Тот, кто видит Бога только в храмах, ошибается. Вот его ошибка: кого еще он видит снаружи храма? Очевидно, его ошибка в том, что он не видит Бога нигде, кроме как в храме. Твой храм так ничтожен; высочайшее так безгранично – нельзя заключить Бога в ваши ничтожные маленькие храмы. Вот ошибка другого человека: он хочет разделаться с храмами, разрушить храмы – только тогда, как он думает, сможет он увидеть Бога. Ваши храмы слишком малы, чтобы быть жилищем Бога, равно как и для того, чтобы кому-то помешать увидеть Бога. Помните, ваши храмы так смехотворно малы, что не могут быть обиталищем Бога, как не могут быть и его тюрьмой, которая, если ее разрушить, предположительно выпустит его на свободу. Ты должен в точности понять, что я говорю.

Вот что я говорю: лишь входя в медитацию, тыходишь в храм. Медитация – это единственный храм без стен; медитация – это единственный храм, входя в который ты действительноходишь в храм. И человек, который начинает жить в медитации, начинает жить в храме двадцать четыре часа в сутки. Какой смысл человеку посещать храм, если он не живет в медитации? Какой смысл ему ходить в место, которое мы обычно называем "храмом"? Не так легко, сидя у себя в лавке, внезапно найти путь к храму. Конечно, легко привести в храм свое тело; тело – это такая несчастная вещь, что ты можешь таскать ее за собой, куда ни пожелаешь.

Ум не так прост. Лавочник, считающий в лавке деньги, фактически, может внезапно встать и, если захочет, привести свое тело в храм. И только потому, что его тело в храме, этот человек может по глупости подумать, что в храме и он. Однако если бы он заглянул в свой ум, то, к своему изумлению, обнаружил бы, что тот по-прежнему сидит в лавке и считает деньги.

Я слышал:

Одного человека обижала жена. Всех обижают жены, но его она обижала особенно сильно. Он был религиозным человеком, а жена совсем не была религиозной. Обычно бывает наоборот – жена религиозна, а муж нет, – но все бывает! Насколько я понимаю, только один из двоих может быть религиозным. Оба не могут быть религиозными; один всегда будет противоположным другому. В этом случае сначала стал религиозным муж, а жена не хотела; однако каждый день муж пытался сделать ее религиозной. В религиозном человеке есть одна фундаментальная слабость: он хочет сделать всех остальных такими же, как он. Это очень опасно; это насилие. Уродливо пытаться сделать Других такими, как ты сам. Достаточно сообщить другим нашу точку зрения, но ловить кого-то и заставлять верить в то, во что

верим мы, равнозначно угнетению, пытке – это своего рода духовное насилие.

Все гуру увлеченно занимаются деятельностью такого рода. Редко можно найти человека более насильственного, чем гуру. Схватив ученика за горло, гуру пытается диктовать, какую одежду носить, как причесываться, что есть, что пить, когда спать, когда вставать, – делай это, делай то, ему навязываются всевозможные вещи. Таким насилием гуру почти убивает людей. Так и этот муж очень стремился сделать свою жену религиозной. Фактически, люди находят море удовольствия в том, чтобы делать религиозными других. Чтобы стать религиозным, нужна великая революция, но люди находят чрезвычайное удовлетворение в том, чтобы заставлять становиться религиозными других, потому что, делая это, они подразумевают, что сами они уже религиозны. Но жена не слушала мужа. В отчаянии муж пошел к своему гуру и уговорил его прийти к нему домой и переубедить жену. Рано утром, около пяти, прибыл гуру. Муж был уже в комнате поклонения. Жена подметала двор. Гуру остановил ее прямо там и сказал:

– Я слышал от твоего мужа, что ты не религиозный человек. Никола не поклоняешься Богу, не молишься, никогда не ходишь в храм, который твой муж сделал прямо в доме. Посмотри на своего мужа – только пять часов, а он уже в храме.

– Не помню, чтобы мой муж когда-нибудь ходил в храм, – ответила жена. Муж, сидя в храме, услышал, что сказала жена, и побагровел от ярости. Религиозный человек злится очень легко, а сидящий в храме и подавно. Представить себе нельзя, как легко воспламенить их гнев, – Бог знает, сидят ли они в храме, чтобы скрыть пламя своего гнева или для чего-то еще. Если один человек становится религиозным, он создает ад для всей своей семьи.

Муж был в полном бешенстве. Он услышал слова жены на середине молитвы. Он не мог поверить своим ушам – это была полная чепуха. Вот он сидит в храме, а она говорит гуру, что не знает, что он туда ходит! Он поспешил окончить молитву, чтобы выйти и разделаться с такой ложью.

Гуру стал бранить жену:

– Что ты говоришь? Твой муж регулярно ходит в храм.

Слыша это, муж стал читать молитвы еще громче. Гуру сказал:

– Смотри, как ревностно он молится! Смеясь, жена ответила:

– Трудно поверить, что и вы поддались на эти громкие молитвы! Конечно, он распевает имя Бога, но, насколько я вижу, на самом деле он не в храме, а в лавке башмачника и препирается с ним о цене!

Это было уж слишком! Муж больше не мог сдерживаться. Он бросил поклонение и выбежал из храма.

– Что это за вранье? Разве ты не видела, что я молился в храме? – закричал он.

– Посмотри внутрь себя немного пристальнее, – сказала жена. – Действительно ли ты молился? Разве ты не торговался с башмачником? Разве ты с ним не ссорился?

Муж был ошарашен, потому что жена говорила правду

– Но как ты узнала?

– Вчера вечером, прежде чем лечь спать, ты сказал мне, что первым делом утром пойдешь к башмачнику и купишь пару туфель, которые тебе очень нужны. Еще ты сказал, что считаешь, что башмачник попросил за туфли слишком дорого. По своему опыту я знаю, что последняя мысль, когда ты засыпаешь, становится первой на следующее утро. Поэтому я просто предположила, что ты в лавке у башмачника, – ответила жена.

– Мне ничего не остается сказать, потому что ты права. Я действительно был в лавке башмачника, и мы ссорились из-за цены. И чем горячее становился спор, тем громче я повторял имя Бога. Может быть, снаружи. Я повторял имя Бога, но внутри ссорился с башмачником. Ты права; может быть, я никогда по-настоящему не был в храме.

Войти в храм не так легко – дело не в том, чтобы войти в любое место и сказать, что вошел в храм. Твое тело может войти в храм, но как насчет ума? Можешь ли ты сказать с уверенностью, где твой ум будет в следующее

мгновение? А если твой ум вошел в храм, стоит ли заботиться о том, в храме ли тело? Ум, нашедший вход в храм, внезапно открывает, что со всех сторон окружен храмом;

теперь невозможно выйти из храма. Куда бы ты ни пошел, все же ты останешься по-прежнему в храме. Можешь отправиться на Луну... Недавно на Луне приземлился Армстронг. Значит ли это, что он покинул храм Бога? Нет способа выйти из храма Бога. Можешь ли ты представить себе место, в котором человек мог бы быть вне его храма?

Поэтому те, кто думает, что созданный ими храм - это единственный храм Бога и вне его храма Бога не существует, ошибаются. Те, кто думает, что храмы должны быть разрушены, потому что Бога там нет, - они настолько же заблуждаются.

Зачем винить бедные храмы? Если мы можем выйти из иллюзии, что Бог существует только в храмах, наши храмы могли бы стать очень красивыми, любящими, блаженными. Деревня, фактически, выглядит незаконченной без храма. Храм может приносить много радости. Но индуистский храм никогда не может быть источником радости, равно как и в этом смысле не может им быть ни мусульманский, ни христианский храм. Лишь храм Бога может быть источником радости.

Но индуистская, мусульманская или христианская политика настолько глубока, что никогда не позволит храму представлять божественное существо. Именно по этой причине индуистские алтари и мусульманские мечети выглядят так уродливо. Честный человек даже колеблется, стоит ли на них смотреть. Они превратились в рассадники негодяев; там планируется всевозможный вред. И те, кто планирует этот вред, не всегда знают, что они делают. Насколько я понимаю, никто не планирует вред с полным пониманием; вред всегда замышляется в неосознанности. И в этой путанице барахтается вся земля. Если храмы действительно исчезнут с лица земли, это произойдет не из-за атеистов, а из-за так называемых теистов. Храмы уже исчезают; они почти исчезли. Если мы хотим сохранить на земле храмы, мы должны увидеть безграничный храм, который нас окружает, - само существование. Тогда менее крупные храмы автоматически будут спасены; тогда они выживут как символы Божественного Присутствия. Как если бы я дал тебе в подарок платок... подарок может стоить несколько пайсов, но ты хранишь его в надежном сейфе.

Однажды я посетил одну деревню. Люди пошли проводить меня до железнодорожной станции, и кто-то повесил мне на шею гирлянду. Я снял ее и передал девушке, стоящей рядом. Через шесть лет я посетил ту же деревню, и та же самая девушка вышла ко мне и сказала:

- Я сохранила гирлянду, которую ты дал мне в прошлый раз. Хотя цветы и увяли, и люди говорят, что в них больше нет аромата, все же они свежи и ароматны, как в тот самый день. Ведь их дал мне ты. Я зашел к ней в гости, и она достала прелестную деревянную шкатулку, в которую была бережно уложена гирлянда. Цветы сморщились и совершенно засохли; они утратили свой аромат. Всякий, увидев их, спросил бы:

"Зачем ты кладешь этот мусор в такую красивую шкатулку? Для чего?"

Шкатулка драгоценна, а этот мусор ничего не стоит". Эта девушка могла бы выбросить шкатулку, но не мусор. Она видела в этом мусоре что-то другое - для нее он был символом; он содержал любовно лелеемые воспоминания. Это могло быть мусором для всего остального мира, но не для нее.

Если бы храмы, мечети, церкви могли бы сохраниться просто как напоминание о человеческой жажде к восхождению к Богу... И это правда. Взгляни на поднимающиеся ввысь купола церкви, минареты мечети, уходящий в небо свод храма. Это не что иное, как символы человеческого желания подняться, символы путешествия в поисках Бога. Они символизируют тот факт, что человек несчастлив в одном только доме, он хочет построить и храм. Человек несчастлив, живя лишь на земле, он хочет и подняться в небо.

Видел ли ты когда-нибудь стоящие на земле светильники, горящие в храмах? Думал ли ты когда-нибудь, почему в храме в этих светильниках, содержащих гхи, поддерживают огонь? Не приходило ли тебе когда-нибудь в голову, что эти светильники - это единственные на земле вещи, пламя которых никогда

не устремлено в сторону или вниз? - оно всегда движется вверх. Даже если лампу перевернуть, пламя все равно движется вверх. Пламя, которое всегда движется вверх, - это символ человеческих стремлений. Мы можем жить на земле, но нам хочется сделать своим обиталищем также и небо. Мы можем быть привязанными к земле внизу, но так же мы жаждем и двигаться свободно в открытые небеса.

Замечал ли ты когда-нибудь, как быстро пламя поднимается и исчезает? Обращал ли ты внимание на то, что, когда пламя поднялось и исчезло, от него не остается и следа? Символично и это - тот факт, что человек, который поднимается, исчезает. Земляной светильник - это плотная материя, тогда как пламя очень текуче - оно исчезает, не успев подняться. Таким образом, пламя светильника содержит послание. Оно символизирует тот факт, что каждый, кто поднялся над грубым, исчезает.

Из чистой любви человек выбирает для сжигания в своем светильнике гхи. Хотя в светильнике можно использовать и керосин - Бог не помешает тебе это сделать, - мы чувствуем, что лишь тот, кто стал чистым, как гхи, может двигаться вверх. Пламя керосиновой лампы тоже будет двигаться вверх, - керосин не ниже гхи, - но гхи символизирует наше ощущение, что тот, кто стал чистым, способен подняться выше.

Храмы, мечети и церкви - это тоже символы подобного типа. Они могут быть очаровательны. Это красивые символы - невероятные иллюстрации, созданные человеком. Но они стали уродливыми, потому что в них вошло столько чепухи. Теперь храм больше не остается храмом - он стал храмом индуистов. И не только индуистов, но и вайшнавов - преданных бога Вишну. И не только вайшнавов, но и такого-то и такого-то человека. И в результате такого постоянного разъединения все храмы превратились в рассадники политики. Они лелеют сектанство и фанатизм, которые ведут каждого к катастрофе. Мало-помалу они превратились в учреждения, которые продолжают эксплуатацию и поддерживают круговую поруку.

Я не прошу вас разделаться с храмами, я прошу вас избавиться от всей той чепухи, которая стала частью храмов. Их круговая порука должна быть низложена. Храмы нужно спасти, чтобы они не превратились в учреждения; их нужно спасти от сектанства и фанатизма. Храм - это очень красивое место, если он остается напоминанием о божественном, о Боге, если он остается его символом, если он отражает явление восхождения в небо.

Вот что я говорю: пока храмы остаются движущей пружиной политики, они будут продолжать приносить несчастье. И конечно, сейчас храмы - это не что иное, как движущая пружина политики. Если храм построен для индуиста, автоматически он становится рассадником политики, потому что политика означает сектанство. Всегда помни, что религию можно связать с садханой, но она совершенно никак не связана с сектанством. Политика выживает благодаря сектанству, ненависти, крови - и все это заблуждение продолжается...

В качестве символа Бога храм стал нечистым. Грязь должна быть удалена; тогда он будет символом великой красоты. Если в деревне есть храм, который не принадлежит ни индуистам, ни мусульманам, ни христианам, деревня выглядит красиво. Этот храм станет украшением деревни. Этот храм станет напоминанием о бесконечном. Тогда те, кто войдет в храм, не будут чувствовать, что, делая это, они приближаются к Богу, что снаружи храма они были от него далеко; люди будут просто чувствовать, что храм - это место, в котором легко войти в самих себя, что храм просто предназначен быть местом, в котором испытывают опыт красоты, покоя, уединения. Храм будет просто специальным местом для медитации. А медитация - это путь, ведущий к Божественному.

Не каждому легко сделать свой дом настолько мирным, чтобы в нем можно было медитировать, но вся деревня сообразно несомненно может построить такой спокойный дом. Не каждый может позволить себе нанять детям преподавателя и обеспечить их отдельной школой, площадкой для игр и садом. Если бы это стал делать каждый, это создало бы проблемы - лишь ограниченное число детей смогло бы получить образование, - поэтому мы строим в деревне школу и обеспечиваем ее всем необходимым, чтобы в ней учились все дети деревни.

Похожим образом каждая деревня должна иметь место для садханы, медитации. Именно для этого предназначены храмы и мечети – ни для чего больше. В настоящее время это больше не места для садханы, они стали эпицентрами проблем и вреда.

Поэтому нам не нужно разделяться с храмами. Мы должны, однако, позаботиться о том, чтобы храм не продолжал оставаться эпицентром проблем. Мы должны позаботиться также и о том, чтобы храм вернулся в руки религии и не оставался в руках индуистов и мусульман.

Если в городе дети могут свободно ходить как в храм, так и в мечеть, как в церковь, так и в храм Шивы, этот город действительно религиозен. А люди этого города – хорошие люди. Тогда родители в этом городе не враги своим детям. Очевидно, родители в этом городе любят своих детей и закладывают основы того, чтобы дети не боролись друг с другом. Родители в этом городе говорят своим детям:

"Мечеть – ваш дом настолько же, насколько и храм. Идите туда, где вы находите покой. Сидите здесь, ищите Бога там. Все дома – это дома Бога, но важно получить его проблеск. А для этого идите внутрь самих себя. Или идите куда хотите". В тот день, когда это станет реальностью, в мире будет создан правильный храм. До сих пор мы так и не смогли его построить.

Я не из тех, кто хочет разрушить храмы. Напротив, я говорю, что храмы уже разрушены теми самыми людьми, которые выдают себя за их охранников. Но когда мы сможем это увидеть, трудно сказать. А люди понимают неправильно, они воспринимают это так, что я из разрушителей храмов. Что я выиграю, разрушив храмы? Все, что не похоже на храм, все то, что собралось вокруг храма, должно быть, конечно, удалено. И совершенно правильно было бы этим заняться.

Еще один вопрос, и мы начнем медитацию. Друг спросил после утренней беседы:

Получается ли. иногда так, что атман – душа – или сознание – бродит, оставив тело?

Некоторым душам, некоторым существам действительно трудно принять новое тело сразу после смерти. Тому есть причина, хотя, может быть, ты и не подумал бы, что причина в этом. Все души, если их разделить, окажутся в трех категориях. Одна из них низшая – люди с самым низким типом сознания; другая – высшая, превосходящая остальные, это чистейшее сознание; и третья категория – промежуточная – сочетания первых двух.

Возьмем для примера домру, небольшой барабан. Он широк по краям и сужается к центру. Если мы вывернем его наизнанку и он станет широким в центре и узким по краям, мы поймем ситуацию развоплощенных существ. В узких концах очень немного существ. Самым низким существам так же трудно найти новое тело, как и высшим. Те, кто посередине, не задерживаются ни на мгновение – они получают новое тело, как только покидают старое. Причина в том, что для посредственных, средних душ всегда доступна подходящая матка.

Как только человек умирает, душа, существо, видит сотни людей, сотни пар, совершающих половой акт, – и он входит в матку той пары, которая его привлекает. Многие высшие души, однако, не могут войти в обычные матки; им нужны необычные. Высшей душе нужен союз пары с исключительно высоким уровнем сознания, чтобы с их рождением открылась высшая степень возможностей. И поэтому высшие души должны ждать появления правильной матки. Подобным же образом, низшие души тоже должны ждать, потому что им тоже нелегко найти пару, матку низшего типа. Поэтому и высшие, и низшие не рождаются легко, тогда как у обычных нет никаких проблем. Множество маток постоянно готово их принять – посредственные души немедленно привлекает одна из них.

Однажды утром я говорил о Бардо. В этом методе умирающему говорят: "Ты увидишь сотни пар в половом акте. Не торопись. Подумай немного, ненадолго задержись, помедли некоторое время, прежде чем войти в матку. Не входи немедленно в ту матку, которая тебя привлекает". Это все равно что отправиться в центр города и купить первое, что попадется на глаза. Какой

магазин попадет в поле зрения первым, в тот ты тотчас же и войдешь. Но разумный покупатель заходит в несколько магазинов, проверяет и перепроверяет товары, наводит справки, узнает цены и тогда уж принимает решение. Поэтому в методе Бардо умирающего предупреждают:

"Остерегайся! Не торопись, не спеши, продолжай искать; подумай, прими во внимание все". Ему это говорят, потому что сотни людей постоянно совершают половой акт. Человек ясно видит сотни пар, занимающихся любовью, и среди них его привлекает пара, способная дать ему подходящую матку. И высшие, и низшие души должны ждать, пока они не найдут подходящую матку. Низшим душам нелегко найти матку такого низкого характера, чтобы через нее получить нужные возможности. И высшие души тоже не слишком быстро находят матку высшего характера. Низшие души, оставшись без тел, являются тем, что мы называем злыми духами, а высшие души, ожидающие рождения, мы называем девами, богами. Высшие души, ожидающие рождения, - это боги. Привидения и злые духи - это низший тип душ - остановившиеся из-за своего низкого качества. Для обычного существа матка всегда доступна. Как только происходит смерть, душа немедленно входит в другое тело.

Тот же друг спросил:

Могут ли существа, ожидающие рождения, войти в тело кого-то другого и причинять ему вред?

Возможно и это - потому что низшие души, у которых еще нет тел, испытывают страдания; высшие души счастливы без тел. Нужно принимать во внимание это различие.

Высшие души всегда смотрят на тело как на своего рода рабство; они хотят оставаться такими легкими, что предпочитают не носить тяжесть тела. И в конце концов они хотят быть свободными от тела, потому что находят, что даже тело - это не что иное, как тюрьма. Постепенно они начинают чувствовать, что тело заставляет их делать некоторые вещи, которых делать не стоит, поэтому для этих душ тело не очень привлекательно. Низшие же души не могут жить без тела ни мгновения; их интерес, их счастье прикованы к телу.

Определенные удовольствия можно получить, не находясь в теле. Например, есть душа мыслителя. Человек может получать удовольствие от мышления, не находясь в теле, потому что мысль не имеет ничего общего с телом. Поэтому, если душа мыслителя начинает бродить и не получает тела, она никогда не торопится снова оказаться в теле, потому что может наслаждаться удовольствием мышления даже в том состоянии, в котором она пребывает. Но предположим, кто-то страстно наслаждается едой. Это удовольствие невозможно без тела, поэтому в таком случае душа становится очень беспокойной и пытается поскорее попасть в тело. И если ей не удастся найти подходящую матку, тогда она входит в тело, в котором слабая душа. Слабая душа не хозяйин своего тела. И это происходит, когда слабая душа находится в состоянии страха.

Помни, страх имеет очень глубокий смысл. Страх - это то, что заставляет тебя сжиматься. Когда ты в страхе, ты сжимаешься; когда ты счастлив, ты расширяешься. Когда человек находится в страхе, его душа сжимается, и вследствие этого в его теле остается много свободного места, в которое может войти и занять его Другая душа. И не только одна, войти и занять это пространство может множество душ одновременно. Поэтому, когда человек в состоянии страха, в его тело может войти душа. И единственная причина, по которой душа может это сделать, в том, что все ее стремления прикованы к телу; она пытается реализовать свои стремления, войдя в чье-то тело. Это вполне возможно. Это подтверждается множеством фактов и основано на реальности.

Это значит, что боящийся человек всегда в опасности; он всегда в сжатом состоянии. Он будто бы живет в одной комнате своего дома, тогда как остальные комнаты остаются свободными и могут быть заняты другими гостями.

Иногда и высшие души входят в человеческое тело, но они делают это по другим причинам. Некоторые акты сострадания не могут быть исполнены без

тела. Скажем, например, загорелся дом, и нет никого, кто выступил бы вперед и спас кого-то от огня. Вокруг стоит бессильная толпа; никто не смеет войти в горящий дом. Внезапно один человек выходит вперед, гасит огонь и спасает ребенка, который оказался запертым внутри. Позднее, когда все уже кончилось, человек сам не может понять, как он это сделал. Он чувствует с большой уверенностью, что он двигался и действовал под влиянием какой-то неведомой силы – что это не было его действием, что это сделал кто-то другой. В таких случаях, когда человек не способен набраться храбрости и сделать добрый поступок, высшая душа может войти в человеческое тело и выполнить задачу. Но это происходит редко. Поскольку высшим существам трудно найти подходящую матку, иногда им приходится ждать следующего рождения сотни лет. И, что достаточно удивительно, эти души появляются на земле почти в одно и то же время. Например, Будда и Махавира родились в Индии две тысячи пятьсот лет назад. Оба они родились в штате Бихар, и в то же самое время еще шесть просветленных существ находилось в том же штате Бихар. Их имена нам не известны, потому что они не посвящали никаких учеников, у них не было последователей – это единственная причина, – но они были такого же калибра, что и Будда и Махавира. Они провели очень дерзкий эксперимент – ни один из них не посвящал никаких последователей. Один из этих людей был Прабудда Катайана, другой Аджит Кешкамбал, третий Санджай Ви-летипутра. Еще были Макхали Гасал и другие. Восемь людей одинаковой гениальности и одинакового потенциала родились в этот промежуток времени и в одном и том же штате Бихар. Им был доступен весь мир, но эти восемь человек долго ждали, чтобы родиться на небольшой территории Бихара. А когда появилась возможность, она пришла для всех.

Часто бывает так – как и для злых душ, – что случается цепь рождений. В то же время, когда родились Будда и Махавира, в Греции родился Сократ, за которым через некоторое время последовали Платон и Аристотель. Примерно в это же время в Китае родились Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы и Мин-цзы. Невероятные люди предприняли рождение одновременно в разных частях мира примерно в одно и то же время. Весь мир был заполнен какими-то сказочными людьми. Кажется, души всех этих людей ждали какого-то времени, пока не придет их возможность; они нашли нужные матки.

Когда как бы случайно матки стали доступны, их стало доступно одновременно много. Это как цветение цветов. Когда приходит нужное время года, ты видишь, что распустился один цветок, затем другой цветок, затем третий. Цветы просто ждали времени, чтобы расцвести. Приходит рассвет, и цветы ждут лишь, чтобы солнце поднялось над горизонтом, и распускаются. Бутон взрывается, и цветок расцветает. Цветы ждали всю ночь, взошло солнце – и они распустились.

Точно то же самое происходит с низшими душами. Когда на Земле развивается подходящая среда, они совершают рождение цепью. Например, в наше время Гитлер, Сталин и Мао родились в один и тот же период. Такие ужасные люди, должно быть, ждали тысячи лет, чтобы родиться; им не так легко найти матку. Один Сталин убил шесть миллионов человек в Советском Союзе, а Гитлер сам по себе убил десять миллионов человек. Приспособления для убийства, изобретенные Гитлером, были уникальны в истории человечества. Он совершал массовые убийства таким образом, как этого не делал до него никто другой; перед ним Чингисхан и Тамерлан кажутся новичками. Гитлер изобрел газовые камеры для массовых убийств. Он находил, что слишком обременительно и дорого убивать людей одного за другим и выбрасывать их тела, и изобрел хитроумные методы массового убийства. Есть и другие методы массового убийства – например, как случилось недавно во время беспорядков в Ахмедабаде или других местах, – но это очень дорогие методы. Кроме того, столько усилий стоит убивать людей одного за другим – и на это требуется много времени. Метод убийства одного за другим не работает – убей одного здесь, и он родится где-то еще. Поэтому Гитлер отправлял в газовые камеры пять тысяч человек разом, и с нажатием кнопки эти пять тысяч человек просто испарялись. Не проливалось ни капли крови, не копалось ни одной могилы. Все было очень аккуратно.

Никто не может обвинить Гитлера в кровопролитии. Если Бог все еще судит о справедливости по старым стандартам, он признает Гитлера абсолютно невиновным. Он не пролил ни капли крови, он не вонзал меч ни в чью грудь, он просто изобрел хитроумные методы убийства, средства за пределами описания. Он помещал людей в газовую камеру, включал высокое напряжение, и люди просто испарялись. От их существования не оставалось и следа. У Гитлера первого получилось избавляться от людей подобно тому, как человек кипятит воду и она превращается в пар. Он превратил в дым десять миллионов человек!

Такой душе, как Гитлер, очень трудно быстро найти новое тело. И хорошо, что трудно, иначе земля была бы в большой беде. Гитлеру придется ждать очень долго, потому что зачатие такого низкого качества очень трудно случиться снова.

Что значит родиться через низшее зачатие? Это значит, что поколения предшественников родителей имеют на своем счету много злых дел. За одну жизнь человек не может накопить на своем счету достаточно зла для зачатия такого человека, как Гитлер. Чтобы родить такого сына, как Гитлер, сколько убийств нужно совершить за одну жизнь? Такому сыну, как Гитлер, чтобы выбрать родителей, нужна долгая цепь злых поступков, поступков, совершенных родителями за сотни, тысячи, миллионы лет. Это значит, что человек должен был тысячи лет постоянно работать на бойне, чтобы его порода, его гены смогли привлечь такую душу, как Гитлер. То же самое верно и о хорошей душе. Обычной, средней душе нетрудно родиться; повсюду есть матки, способные принять такие души. И кроме того, их запросы очень обычны. Одни и те же стремления: есть, пить, зарабатывать деньги, наслаждаться сексом, искать почета и положения – такие обычные стремления. Этого хочет каждый, поэтому такой душе нетрудно найти себе матку. Любые родители могут дать любой душе возможность достичь всех этих обычных вещей. Однако если душа хочет жить в человеческом теле такой чистой жизнью, что даже не поставит ногу на землю без колебания, если она хочет жить в такой тотальной любви и не хочет, чтобы ее любовь кого-то беспокоила или стала для кого-то бременем, – чтобы родилась такая душа, придется ждать очень долгое время.

Я теперь давайте приготовимся к вечерней медитации. Позвольте мне кое-что объяснить. Я заметил, что вы сидите очень близко друг к другу, а это не позволяет вам сидеть, не беспокоясь о том, чтобы на кого-то не упасть. Такая ситуация не позволит вам идти глубоко. Вот первое, что вам нужно сделать: будьте на некотором расстоянии друг от друга. Те, кому хочется лечь, могут это сделать. Даже потом, во время медитации, если вы чувствуете, что тело вот-вот упадет на землю, не сдерживайте себя. Полностью расслабьтесь; позвольте телу упасть.

А теперь выключите свет.

Первое: закройте глаза. Расслабьте тело... Расслабьте тело полностью, как будто тела больше нет. Чувствуйте, что вся энергия тела движется внутрь... чувствуйте, что движется внутри тела. Вы должны привлечь всю свою энергию внутрь.

Три минуты я буду предлагать вам расслабиться, и вы должны почувствовать это. Вы должны продолжать чувствовать свое тело и расслаблять его. Постепенно вы почувствуете, что теряете контроль над телом – если тело начнет падать, пусть падает; не держите его. Если оно падает вперед, пусть падает; если оно падает назад, пусть падает. Со своей стороны никак не контролируйте тело. Отпустите весь контроль над телом. Это первая стадия. Теперь предложения на следующие три минуты. Таким же образом я даю предложения о дыхании и о мыслях. В конце на десять минут мы потеряемся в молчании.

Твое тело расслабляется. Почувствуй это: тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... Отпусти, как будто тела больше нет. Расслабь свою хватку. Тело расслабляется... отбрось весь контроль над телом, как будто тело мертво.

Ты переместился внутрь; энергия всосалась внутрь – теперь тело осталось снаружи, как скорлупа. Тело расслабляется... тело совершенно

расслаблено... Отпусти себя. Ты почувствуешь, что его больше нет, нет, нет. Если оно упадет, пусть падает. Тело расслаблено, как будто ты мертв, как будто тела больше нет, как будто тело исчезло-Расслабь и свое дыхание. Дыхание расслабляется-чувствуй, что дыхание расслабляется... дыхание совершенно расслаблено... Отпусти себя... отпусти тело; отпусти и дыхание. Дыхание расслаблено.

Мысли тоже становятся молчаливыми... мысли становятся молчаливыми... Почувствуй, что мысли стали совершенно молчаливыми... почувствуй внутри, что мысли успокаиваются. Тело расслаблено, дыхание расслаблено, мысли расслаблены

Все у тебя внутри молчит. Мы погружаемся в это молчание; мы погружаемся, мы падаем глубже и глубже, как человек падает в колодезь, продолжает падать глубже и глубже... вот так, мы падаем глубже и глубже в пустоту, в шунью. Отпусти себя, совершенно расслабь свою хватку- Продолжай тонуть в пустоте, продолжай тонуть... Внутри остается только сознание, горящее, как пламя, наблюдающее, свидетельствующее.

Просто оставайся свидетелем. Продолжай наблюдать внутри... Снаружи все мертво; тело стало совершенно инертным. Дыхание замедлилось, мысли замедлились; внутри мы падаем в молчание. Продолжай наблюдать, продолжай наблюдать, постоянно наблюдать - вырастет гораздо более глубокое молчание, гораздо более проникновенное молчание. В этом состоянии наблюдения я тоже исчезну - останется лишь сияющий свет, горящее пламя. Теперь я буду молчать десять минут, а ты продолжай исчезать внутри, глубже и глубже. Расслабь свою хватку, отпусти. Просто продолжай наблюдать. Десять минут будь просто зрителем, свидетелем.

Все в молчании... Смотри внутрь, продолжай смотреть внутрь... Внутри пусть останется просто наблюдение. Ум становится более и более молчаливым... Ты увидишь, что твое тело лежит на некотором расстоянии - как будто это тело кого-то другого. Ты отодвинешься от тела, как будто оставишь тело. Кажется, что дышит кто-то другой...

Иди еще дальше внутрь, глубоко внутрь... Продолжай наблюдать, продолжай смотреть внутрь, и ум совершенно погрузится в ничто. Иди глубже, иди глубже внутрь... продолжай наблюдать... ум стал совершенно молчаливым. Тело осталось позади, тело будто мертвое. Мы отодвинулись от тела. Отпусти себя, отпусти себя полностью; ничего не сдерживай, как будто внутри ты мертв. Ум становится более и более молчаливым... тело лежит вдалеке; мы отделились от тела... Ум стал совершенно молчаливым... Смотри внутрь. "Я" полностью исчезло, осталось лишь сознание, осталось лишь знание. Все остальное исчезло...

Медленно сделай несколько глубоких вдохов. Затем медленно открой глаза. Не нужно торопиться вставать. Если не можешь открыть глаза, не нужно спешить. Открой глаза медленно и мягко и на мгновение выгляни наружу... Наша вечерняя медитация окончена.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОЧНИКУ

Друг спросил:

По твоим словам, человек может восторжествовать над смертью посредством медитации или садханы. Но разве не то же самое состояние возникает, когда мы спим? А если это так, почему нельзя победить смерть при помощи сна? Первое, что нужно понять: торжество над смертью не значит, что есть такая вещь, как смерть, которую нужно победить. Восторжествовать над смертью означает просто узнать, что смерти нет. Познать, что смерти нет, - значит победить ее. Нет такой вещи, как смерть, которую можно победить. Как только человек узнает, что смерти нет, наши постоянно проигрываемые битвы со смертью прекращаются. В реальности есть некоторые враги; но есть и такие, которые не существуют, а только кажутся существующими. Смерть - это один из таких врагов, не имеющих реального существования; она только кажется существующей.

Поэтому не понимай торжество так, что где-то есть смерть и мы ее победим. Тогда ты будешь подобен человеку, который сходит с ума, борясь с собственной тенью, пока кто-то не укажет ему: "Посмотри повнимательнее, тень бесплотна. Это только видимость". Если бы человек посмотрел на тень и понял, что делает, он рассмеялся бы над собой; лишь тогда он мог бы узнать, что победил тень. Победа над тенью просто означает, что не было ни малейшего следа тени, с которой можно было бы сражаться; каждый, кто попытается это сделать, сойдет с ума. Человек, который сражается со смертью, проиграет; тот, кто познает смерть, восторжествует над нею. Это значит также, что если смерти нет, то в действительности мы никогда не умираем – осознаем мы это или нет. Мир не состоит из тех, кто умирает, и тех, кто не умирает – нет, все это не так. В этом мире никто никогда не умирает. Однако есть два типа людей: те, кто знает об этом, и те, кто не знает, – вот единственная разница.

Во сне мы достигаем того же места, что и в медитации. Единственная разница в том, что во сне мы бессознательны, а в медитации – совершенно сознательны. Бели бы кто-то пришел в сон в полном осознании, то получил бы тот же опыт, что и в медитации.

Например, если мы подвергнем человека действию наркоза и в бессознательном состоянии вынесем его в шезлонге в сад, где цветут цветы, воздух наполнен ароматом, светит солнце и поют птицы, этот человек совершенно не будет всего этого осознавать. Если принести его обратно, вывести из-под наркоза и спросить, как ему понравился сад, он не сможет ничего нам ответить. Но если бы его привели в тот же сад в полном сознании, он пережил бы на опыте все то, что было в саду, когда его принесли туда в прошлый раз. Хотя в обоих случаях человек и был в одном и том же месте, в первом случае он не осознавал красоты вокруг, тогда как во втором он полностью осознавал цветы, аромат, пение птиц, восходящее солнце. Поэтому, хотя ты в бессознательном состоянии можешь достичь того же места, что и в сознательном, это будет равносильно тому, чтобы вообще никуда не идти.

Во сне мы достигаем того же рая, что и в медитации, но не осознаем этого. Каждую ночь мы путешествуем в этот рай и затем возвращаемся – в неосознанности. Хотя свежий ветерок и очаровательный аромат этого места касается нас и песни птиц звенят у нас в ушах, мы никогда не осознаем этого. И все же, вернувшись из рая в полной неосознанности, человек может сказать: "Сегодня утром я чувствую себя очень хорошо. Мне спокойно. Прошлой ночью я хорошо спал".

Почему мы так хорошо себя чувствуем? Что хорошего происходит, когда мы хорошо спим? Не может быть, чтобы дело было только в сне – конечно, ты должен был где-то побывать; наверное, с тобой что-то случилось. Но утром ты ничего не знаешь, кроме туманной идеи о хорошем самочувствии. Человек, который ночью глубоко спал, утром просыпается освеженным. Это значит, что во сне этот человек достиг омолаживающего источника – но в бессознательном состоянии.

Человек, который не может крепко спать ночью, оказывается утром еще более усталым, чем был вечером. А если человек не спит хорошо несколько дней, ему становится трудно выжить, потому что его связь с источником жизни разрушена. Он не способен достичь места, в которое ему так важно попасть. Худшее наказание в мире – это не смерть; наказание смертью легко – оно длится всего несколько мгновений. Худшее наказание, когда-либо изобретенное на Земле, – это не позволять человеку спать. Даже в наши дни есть такие страны, как Китай и Россия, где заключенных заставляют обходиться без сна. Муки, которые переживает заключенный, когда ему не дают спать пятнадцать дней, невообразимы – он почти сходит с ума. Он начинает выдавать всю информацию, которую иначе он не рассказал бы врагу. Он начинает болтать ерунду, совершенно не осознавая смысла того, что говорит.

В Китае были изобретены систематические методы. Заключенным не дают спать шесть месяцев. Вследствие этого они становятся совершенно ненормальными. Они совершенно забывают, кто они, как их зовут, какая у них религия, из

какого они города, из какой страны, - они забывают все. Недостаток сна приводит их сознание в полный беспорядок, в хаос. В этом состоянии их можно обучить чему угодно.

Когда американские солдаты, взятые в плен в Корее, возвращались из тюремных лагерей в России или в Китае, пытка бессонницей привела их в такое ужасное состояние, что когда они вышли оттуда, то стали открытыми противниками Америки и сторонниками коммунизма. Сначала этим солдатам не давали спать, а когда их сознание пришло в беспорядок, они были обращены в коммунизм. Когда их личности были повергнуты в хаос, посредством постоянного повторения им внушили, что они коммунисты. Таким образом, перед освобождением они подверглись полной промывке мозгов. Глядя на этих солдат, американские психологи совершенно лишились дара речи.

Если человек лишен сна, он становится отрезанным от самого источника жизни. Атеизм будет продолжать расти в мире по мере того, как сон будет становиться все менее глубоким. В странах, где люди спят неглубоко, атеизм будет занимать все более сильные позиции. А в тех странах, где люди спят глубоко, будет все более расти теизм. Но эти теизмы и атеизмы совершенно чужды человеку, потому что они вырастают из бессознательного состояния. Человек, который хорошо выспался, проводит следующий день в покое, тогда как тот, кто спал плохо, весь последующий день обеспокоен. Как же может встревоженный и обеспокоенный ум быть восприимчивым к Богу? Ум, который обеспокоен, неудовлетворен, напряжен и зол, отказывается принимать Бога, отказывается признать его существование. Не наука стоит у истоков распространения атеизма на Западе; корнем его является хаотичный, беспорядочный сон. В Нью-Йорке по крайней мере тридцать процентов людей не может спать без транквилизаторов. Психологи считают, что так будет продолжаться еще сто лет - ни один человек не сможет спать без снотворного.

Люди совершенно лишились способности спать. Если человек, утративший способность спать, спросит тебя, как уснуть, и ты ответишь: "Все, что я делаю, это кладу голову на подушку и засыпаю", он тебе не поверит. Он найдет, что это невозможно, и решит, что, наверное, есть какой-то трюк, которого он не знает, - потому что он тоже кладет голову на подушку, но ничего не происходит. Через тысячу или две тысячи лет - Боже от этого сохрани - может наступить время, когда все утратят способность к естественному сну, и люди откажутся верить, что две тысячи лет назад люди просто клали головы на подушку и засыпали. Они будут считать это вымыслом, мифической историей из "Пуран". Они не поверят, что это правда. Они скажут: "Это невозможно, потому что, если это неправда о нас, как это может быть правдой о ком-то другом?"

Я обращаю на все это твое внимание, потому что три или четыре тысячи лет назад люди закрывали глаза и входили в медитацию так же легко, как сегодня ты засыпаешь. Через две тысячи лет в Нью-Йорке будет трудно спать - трудно даже сегодня. Становится трудно спать в Бомбее, а вскоре станет трудно и в Дварке - это просто вопрос времени. Сегодня трудно поверить в то, что когда-то человек закрывал глаза и входил в медитацию - потому что сейчас, когда ты сидишь с закрытыми глазами, ты никуда не попадаешь; внутри продолжают копошиться мысли, и ты остаешься на прежнем месте. Медитация была легка для тех, кто близок к природе;

так же сейчас сон легок для тех, кто живет близко к природе. Сначала исчезла медитация; теперь на пути к исчезновению и сон. Сначала теряются вещи, которые сознательны; затем теряются вещи, которые бессознательны. С исчезновением медитации мир почти стал нерелигиозным, а когда исчезнет сон, мир станет совершенно нерелигиозным. В мире, страдающем бессонницей, у религии нет надежды. Ты не поверишь, как тесно, как глубоко мы связаны со сном. То, как человек живет свою жизнь, полностью зависит от его сна. Если он спит плохо, вся его жизнь будет хаосом: все его отношения будут запутанными, все станет ядовитым, полным ярости. Если же, напротив, человек спит глубоко, в его жизни будет свежесть - в его жизни постоянно плывут покой и радость. Подводным течением его отношений, его любви и всего остального будет безмятежность. Если он теряет сон, все его

отношения будут подобны карточным домикам. Его жизнь будет перепутанными отношениями с семьей, женой, сыном, матерью, отцом, учителем, студентами – со всеми. Сон приводит нас в точку в нашем бессознательном, в которой мы погружаемся в Бога – хотя и ненадолго. Даже самый здоровый человек достигает глубочайшего уровня на десять минут из восьми часов своего ночного сна. На эти десять минут он совершенно теряется, тонет в сне, в котором нет даже сновидений.

Сон не тотален, пока снятся сны, – человек продолжает перемещаться между состояниями пробуждения и сна. Сновидения – это состояние, в котором человек наполовину спит, наполовину бодрствует. Видеть сон – значит бодрствовать, даже если твои глаза закрыты; внешние влияния все еще оказывают на тебя воздействие. Люди, с которыми ты встречался за день, – в ночном сновидении ты все еще с ними. Сновидения занимают промежуточное состояние между сном и бодрствованием. А есть многие люди, которые лишились сна – они просто остаются в состоянии сновидений, никогда не достигая состояния сна. А если утром ты не помнишь, что всю ночь тебе снились сны, это не важно. Большие исследования сна были проведены в Америке. Около десяти крупных лабораторий экспериментировали на тысячах людей в течение восьми или десяти лет.

Американцы проявляют интерес к медитации, потому что они лишились сна. Они думают, что, может быть, медитация вернет им сон, что она принесет в их жизни покой. Вот почему они смотрят на медитацию как на разновидность транквилизатора. Когда Вивекананда впервые представил медитацию в Америке, к нему пришел врач и сказал: "Я весьма наслаждался вашей медитацией. Это абсолютно не медикаментозный транквилизатор. Это не лекарство, и все же от нее человек засыпает – это великолепно". Сами йоги не являются причиной того, что их влияние растет в Америке, – настоящей причиной является недостаток сна. Их сон в беспорядке, а вследствие этого и жизнь в Америке наполнена тяжестью, депрессией, напряжением. Поэтому мы видим, как в Америке растет необходимость в транквилизаторах – чтобы хоть как-то заставить людей спать.

Каждый год в Америке миллионы долларов тратятся на транквилизаторы. Десять больших лабораторий производят исследования на людях, которым платят за ночи неудобного, болезненного сна. К их телам присоединены всевозможные электроды и тысячи проводов, их изучают под всеми возможными углами, чтобы выяснить, что происходит у них внутри.

Одно из невероятных открытий, выявленных в ходе этих исследований, – что человек видит сны почти всю ночь. Просыпаясь, некоторые люди говорят, что не видели снов, а некоторые говорят, что видели. Но фактически, все они видели сны. Единственная разница в том, что те, у кого лучше память, помнят сны, а те, у кого память слабее, ничего не помнят. Как бы то ни было, было открыто, что совершенно здоровый человек мог спать глубоким, лишенным сновидений сном десять минут. Сны могут сканироваться машинами. Нервы в мозгу остаются активными, пока мы находимся в состоянии сновидений, но когда сны прекращаются, прекращается и активность нервов, и машина показывает промежуток. Промежуток говорит о том, что в данное время человек не думает и не видит снов – он затерялся в неведомом. Интересно, что машины продолжают записывать движения внутри человека, пока он в состоянии сновидений, но как только он засыпает лишенным сновидений сном, машина показывает пустой промежуток. Никто не знает, куда девается человек в этом промежутке. Лишенный сновидений сон означает, что человек достиг места вне пределов досягаемости машины. Именно в этом промежутке человек входит в Божественное.

Машина не способна засечь это промежуточное пространство, этот промежуток. Машина регистрирует внутреннюю деятельность, пока человек видит сны, – затем наступает промежуток, и человек куда-то исчезает. А затем через десять минут машина снова начинает записывать. Трудно сказать, где был человек в этот десятиминутный интервал. Американских психологов очень интригует этот интервал; поэтому они считают сон величайшей тайной. Фактически, после Бога сон – это единственная тайна. Нет никакой другой тайны. Ты спишь каждый день и все же не имеешь ни

малейшего понятия о том, что такое сон. Человек спит всю жизнь, и все же ничего не меняется – он ничего не знает о сне. Причина того, что ты ничего не знаешь о сне, в том, что, когда есть сон, нет тебя. Поэтому ты узнаешь столько же, сколько и машина. Точно так же, как и машина останавливается, столкнувшись с этим промежутком, не может проникнуть туда, куда переносится человек, не можешь и ты, потому что и ты – это не более чем машина. Поскольку и ты никогда не сталкиваешься с этим промежутком, сон остается тайной, она остается за пределами нашей досягаемости. Это происходит потому, что человек засыпает глубоким сном лишь тогда, когда он прекращает существовать в своей "я-естности". И поэтому, по мере того как это продолжает расти, сон становится менее и менее глубоким. Эгоистичный человек теряет способность спать, потому что его эго, его "я" продолжает самоутверждаться двадцать четыре часа в сутки. Именно "я" просыпается, то же самое "я", которое идет по улице. Это "я" остается таким присутствующим двадцать четыре часа в сутки, что, когда приходит момент засыпания, когда приближается время отбросить "я", человек не способен от него избавиться. Очевидно, ему становится трудно заснуть. Пока существует "я", сон невозможен. И как я сказал вам вчера, пока существует "я", войти в Божественное невозможно. Вхождение в сон и вхождение в Божественное – это в точности одно и то же; единственная разница в том, что через сон человек входит в Бога в бессознательном состоянии, тогда как через медитацию он входит в Бога в сознательном состоянии. Но между этими состояниями очень большая разница. Можно входить в Бога через сон тысячи жизней и все же никогда не узнать Бога. Но войдя в медитацию хотя бы на мгновение, ты достигнешь того же места, которого достигал в глубоком сне тысячи и миллионы жизней, – всегда в бессознательном состоянии, – и это совершенно изменит твою жизнь. Интересно, что, когда человек входит в медитацию, входит в пустоту, в которую приводит его глубокий сон, он никогда не остается бессознательным – даже когда спит. Когда Кришна говорит в Гите, что йоги остается бодрствующим, когда все остальные спят, он не имеет в виду, что йоги вообще никогда не спит. Фактически, никто не спит так хорошо, как йоги. Но даже в глубочайшем сне та его часть, которая вошла в медитацию, остается бодрствующей. И каждую ночь Йоги входит в состояние сна в этом пробужденном состоянии. Тогда для него медитация и сон становятся одним и тем же – между ними не остается никакого различия. Но он всегда входит в сон в полном сознании. Когда человек движется вовнутрь через медитацию, он не может быть бессознательным во сне. Ананда жил с Буддой много лет. Много лет он спал рядом с Буддой. Однажды утром он спросил Будду:

– Годами я наблюдал твой сон. Ты никогда не переворачиваешься с боку на бок; всю ночь ты спишь в одном и том же положении. Твои конечности остаются на том же месте, где они были, когда ты лег спать; нет ни малейшего движения. Много раз ночью я вставал, чтобы посмотреть, не пошевелился ли ты. Я не спал ночами, наблюдая за тобой, – твои руки и ноги остаются в прежнем положении; ты никогда даже не переворачиваешься с боку на бок. Отмечаешь ли ты ночью свой сон?

– Мне не нужно ничего отмечать, – ответил Будда. – Я сплю в сознательном состоянии, поэтому не нахожу никакой необходимости переворачиваться. Я мог бы, если бы захотел. Сон не требует переворачиваться с бока на бок, этого требует беспокойный ум.

Беспокойный ум не может даже спокойно оставаться на одном и том же месте всю ночь, не говоря уже о дневном времени. Даже во время сна ночью тело все время проявляет признаки беспокойства.

Если ты понаблюдаешь ночью за спящим человеком, то увидишь, что он все время беспокоен. Ты найдешь, что он совершает движения руками, очень похожие на те, которые он делает днем, когда бодрствует. Ты найдешь, что во сне он бегаёт и задыхается таким же образом, как это происходит днем, – ему не хватает дыхания, он устает. Ночью во сне он борется почти таким же образом, как борется днем. Ночью он так же злится, как и днем. Днем он полон страстей; то же и ночью. Между днем и ночью такого человека нет

фундаментальной разницы, кроме того, что ночью он лежит утомленный, бессознательный; все остальное продолжает функционировать, как обычно. Поэтому Будда сказал: "Я могу переворачиваться, если захочу, но в этом нет необходимости".

Но мы не осознаем... Человек, сидящий на стуле, постоянно болтает ногой. Спроси его: "Почему вы болтаете ногами? Понятно, что они двигаются, когда вы идете, но почему они двигаются, когда вы сидите на стуле?" Как только ты это скажешь, он немедленно прекратит. Секунду он вообще не будет двигаться, но не сможет объяснить, почему он это делал раньше. Это показывает, как внутреннее беспокойство вызывает возбуждение всего тела. Внутри находится беспокойный ум; он не может быть в покое, в одном и том же положении, ни на мгновение. Он будет заставлять все тело ворочаться – нога будет двигаться, голова – трястись; даже сидя, тело будет менять положение.

Именно поэтому тебе так трудно просидеть в медитации даже десять минут. В сотнях различных мест телу хочется вертеться и переворачиваться. Мы этого не замечаем, пока осознанно не садимся медитировать. Тогда мы понимаем, что это за тело; оно не хочет оставаться в том же положении ни на секунду. Замешательство, напряжение, волнение ума будоражит все тело. На десять минут все исчезает в глубоком сне – хотя эти десять минут доступны не каждому, а лишь тем, кто совершенно здоров и в полном покое. Другие получают от одной до пяти минут такого сна; большинство людей получает одну или две минуты глубокого сна. Немного жизненного сока, который мы получаем за ту минуту, в которую находимся у источника жизни, мы тратим на то, чтобы выполнить работу следующих двадцати четырех часов. Как бы мало масла ни получал светильник за это время, мы утилизируем его и заставляем светильник поддерживать нас в следующие двадцать четыре часа. Светильник жизни человека продолжает гореть, сколько бы масла он ни получал. По этой причине светильник горит так медленно: не собирается достаточно масла для того, чтобы заставить лампу вспыхнуть ярко и стать пылающим факелом.

Медитация постепенно подводит тебя к источнику жизни. Тогда ты больше не продолжаешь черпать из нее питание частями; ты просто в самом источнике. Тогда ты не подливаешь масла в лампу – тогда тебе открывается доступ к целому океану масла. Тогда ты начинаешь жить в самом этом океане. В жизни такого рода сон исчезает – не в том смысле, что человек больше не спит, но в том смысле, что, даже когда он спит, кто-то внутри остается полностью пробужденным. Тогда снов больше не существует. Йоги остается пробужденным; он спит, но никогда не видит снов – его сны полностью исчезают. А когда исчезают сны, исчезают и мысли. То, что мы называем мыслями в пробужденном состоянии, и есть сновидения в состоянии сна. Между снами и мыслями только небольшая разница: мысли – это немного более цивилизованные сны, тогда как сны по своей природе немного примитивны. Одна из них – оригинальная мысль.

Фактически, дети в первобытных племенах могут думать только образами, не словами. Первые мысли человека всегда в образах. Например, если ребенок голоден, он не думает словами: "Я голоден". Ребенок просто визуализирует материнскую грудь; он может представить себе, что сосет грудь. Он может быть полон желания сосать грудь, но не может сформулировать этого в словах. Формирование слов происходит гораздо позже; сначала появляются образы. Когда мы не знаем какого-то языка, мы тоже используем образы для самовыражения. Если ты оказываешься в другой стране, языка которой ты не знаешь, и хочешь попить воды, ты можешь сложить руки в чашу, приложить ее к губам, и незнакомец поймет, что ты испытываешь жажду, – потому что, когда слов нет, возникает необходимость в образах. И интересно то, что словесные языки в разных местах разные, но язык жестов универсален – потому что у каждого человека один и тот же язык образов. Мы изобрели разные слова, но образы не изобретены. Образы – это универсальный язык человеческого ума. Потому что живопись понимают в любом месте мира. Нет необходимости знать язык, чтобы понять скульптуры Хад-журахо или картину Леонардо. Скульптуры Хаджурахо поймет китаец, француз или немец точно так

же, как и ты. Если ты посетишь Луврский музей во Франции, ты тоже без труда поймешь картины. Может быть, ты не поймешь названия, потому что они написаны по-французски, но без труда поймешь картины. Язык картин – это язык каждого. Язык слон полезен днем, но бесполезен ночью. Ночью мы снова становимся первобытными. Во сне мы -- такие, как мы есть, –исчезаем. Мы теряем наши ученые степени! университетское образование, теряем все. Мы переносимся в точку, в которой находился человек изначально. Именно поэтому в ночных снах возникают образы, а слова возникают днем. Если мы хотим заниматься любовью днем, мы можем думать в терминах слов" но ночью нет другого способа выразить любовь, кроме как через образы. Мысли не кажутся такими живыми, как сны. В снах перед тобой появляется весь образ. Именно поэтому мы более наслаждаемся просмотром экранизации романа, чем чтением самого романа. Единственная причина этого в том, что роман написан на языке слов, а фильм – на языке образов. Таким же образом, ты чувствуешь больше радости, находясь здесь и слушая меня "живого". Ты не почувствуешь то же самое, слушая кассету с записью этой беседы, потому что здесь присутствует образ, а на кассете записаны только слова. Язык образов ближе и естественней для нас. Ночью слова превращаются в образы; вот и вся разница.

Дневные сны исчезают, исчезают и мысли; в тот день, когда исчезают мысли, исчезают и сны. Если день пуст и в нем нет мыслей, ночь будет пустой и в ней не будет снов. И помни, сны не позволяют тебе спать, а мысли не позволяют тебе проснуться. Обязательно пойми это: сны не дают тебе спать, а мысли не дают тебе проснуться. Если. сны исчезнут, ст. будет тотальным; если. исчезнут мысли, пробуждение будет тотальным. Если пробуждение тотально и сон тотален, разница между ними очень невелика. Единственная разница в том" чтобы держать глаза открытыми или закрытыми, а тело работающим или отдыхающим. Человек, который полностью пробужден, спит тотально, но в обоих состояниях его сознание остается в точности одним и тем же. Сознание едино, неизменно; меняется только тело. Проснись – и тело работает; усни – и тело отдыхает. Вот мой ответ другу, который спросил, почему Бога нельзя достичь во сне: его можно достичь, если ты остаешься пробужденным даже во сне. Поэтому мой метод медитации – это метод сна: спать в осознанности, засыпать с осознанностью. Именно поэтому я прошу вас расслабить тело, расслабить дыхание, успокоить мысли. Все это подготовка ко сну. Поэтому часто бывает так, что кто-то из друзей засыпает во время медитации – очевидно, это подготовка ко сну. И, готовясь к нему, они сами не замечают, как засыпают. Именно поэтому я повторяю третье предложение: внутри оставайся бодрствующим, внутри оставайся сознательным; пусть тело будет тотально расслаблено, более расслаблено, чем обычно во время сна. Но внутри продолжай бодрствовать. Внутри пусть твое сознание горит, как светильник, чтобы ты не уснул. Начальные условия медитации и сна одни и те же, но есть разница в последнем условии. Первое условие в том, что тело должно быть расслаблено. Если ты страдаешь бессонницей, первое, чему научит тебя врач, – это расслабление. Он попросит тебя делать то же самое, что говорю я: расслабить тело, не позволять ни малейшему напряжению оставаться в теле; пусть тело будет совершенно свободным, как тополиный пух. Наблюдал ли ты когда-нибудь, как спит собака или кошка? Они спят так, будто их нет. Наблюдал ли ты когда-нибудь, как спит ребенок? Нигде нет никакого напряжения –его руки и ноги остаются невероятно свободными. Посмотри на юношу или старика – в них все напряжено. Поэтому врач попросит тебя полностью расслабиться. То же самое применяется для сна: дыхание должно быть расслабленным, глубоким и медленным. Должно быть, ты замечал, что, если ты бежишь, дыхание ускоряется. Таким же образом, когда тело напрягается в работе, дыхание становится быстрее и циркуляция крови увеличивается. Для сна циркуляция крови должна уменьшиться – ситуация должна быть противоположной бегу – и тогда расслабится дыхание. Поэтому вот второе условие: расслабь дыхание. Когда мысли бегут быстрее, кровь должна быстрее циркулировать в мозге – а когда это происходит, сон становится невозможным. Условия для сна подразумевают меньший приток

крови в мозг. Вот почему мы используем подушки – чтобы уменьшить приток крови к мозгу. Без подушки голова лежит на том же уровне, что и тело, и кровь течет в одном и том же количестве от головы до кончиков пальцев ног. Когда голова поднята, крови трудно двигаться вверх; ее приток в мозг уменьшается и увеличивается во всем остальном теле. Поэтому чем труднее человеку уснуть, тем больше подушек он должен положить под голову, чтобы ее приподнять. Когда приток крови уменьшается, мозг расслабляется и человеку легко уснуть.

Когда мысли движутся быстро, должна двигаться быстрее и кровь – потому что в своих движениях мысль зависит от потока крови. Вены в мозге начинают работать быстрее. Должно быть, ты замечал, что, когда человек злится, его вены вздуваются. Это происходит потому, что вены должны создать дополнительное пространство, чтобы по ним текло большее количество крови. Когда голова успокаивается, уменьшается и кровяное давление. В гневе лицо и глаза становятся красными. Это происходит из-за того, что больше крови течет по сосудам. В этом состоянии мысли движутся так быстро, что и кровь должна течь быстрее. Быстрее становится и дыхание. Когда умом овладевает секс, дыхание становится очень тяжелым и кровь течет быстрее – потому что мысли движутся с такой скоростью, ум начинает действовать так быстро, что кровь начинает нестись по венам с огромной скоростью. Поэтому условия для медитации в основе своей такие же, как и те, которые применяются ко сну: расслабь тело, расслабь дыхание, отпусти мысли. Как для сна, так и для медитации начальные условия одинаково верны. Разница в конечном условии. В прошлом ты был способен на глубокий сон; в будущем ты будешь способен оставаться полностью пробужденным в медитации – вот и все.

Поэтому друг, задавший этот вопрос, прав. Глубокая связь существует между сном и медитацией, между самадхи и сущупти, глубоким сном. Как бы то ни было, между ними есть одна очень существенная разница: разница между сознательным и бессознательным состоянием. Сон – это неосознанность, медитация – это пробуждение.

Другой друг спросил:

В чем разница между тем, что ты называешь медитацией, и самовнушением? Разница та же, что и между сном и медитацией. Это тоже нужно понять. Сон – это то, что приходит естественно, а самовнушением называется сон, вызванный в результате усилия. Это единственное различие. Слово гипноз тоже означает сон. Гипноз значит тандра, сонливость. Первое – это сон, который приходит сам по себе, а второй род сна – культивированный, вызванный искусственно. Если кому-то трудно уснуть, ему придется что-то предпринять. Если человек ложится и начинает непрерывно думать, что он засыпает, и если эта мысль войдет в его существо и охватит его ум, начнет соответствующим образом откликаться и тело. Тело начнет расслабляться, дыхание начнет успокаиваться, ум начнет стихать. Если внутри тела создана среда для сна, тело начинает функционировать соответственно. Тело не заботят факты, тело очень послушно. Если ты чувствуешь голод каждый день в одиннадцать и если часы остановились в одиннадцать вечером, ты посмотришь на часы и желудок скажет: "Время поесть" – хотя сейчас может быть восемь часов утра. Еще нет одиннадцати, – до одиннадцати еще три часа, – но если часы показывают одиннадцать, желудок пожалуется на голод, потому что желудок работает механически. Если ты обычно ложишься спать в полночь и случайно оказалось так, что часы идут на два часа вперед, ты начнешь чувствовать сонливость, как только часы покажут двенадцать, хотя на самом деле может быть только десять. Тело тотчас же скажет: "Двенадцать часов. Время ложиться спать!"

Тело очень послушно. Чем здоровее тело, тем более оно послушно. Здоровое тело – значит послушное тело. Больное тело – это тело, которое перестало подчиняться; ты хочешь спать, а тело отказывается спать; ты хочешь есть, а тело отказывается есть. Тело, которое перестает подчиняться, нездорово, а тело, которое подчиняется, здорово – ведь тело следует за нами, как тень. Трудности начинаются, когда тело перестает быть послушным. Гипноз просто означает, что телу нужно приказывать, его нужно заставить выполнять

команды. Большинство болезней ложны. Почти пятьдесят процентов наших заболеваний ложны. Причина роста болезней в мире в том, что увеличивается человеческое притворство. Попробуйте хорошо это понять. С подъемом экономики и улучшением экономических условий количество болезней должно было бы снизиться. Но этого не произошло, потому что человеческая способность лгать продолжает расти. Человек лжет не только другим, но и себе. Он создает и новые болезни.

Например, если у человека крупные неприятности в бизнесе или он на грани банкротства, он может не хотеть принимать банкротство и бояться выходить на рынок; он знает, что ему предстоит столкнуться со своими кредиторами. Внезапно оказывается, что он прикован к постели одолевшей его болезнью. Но эта болезнь создана его умом. В этом есть двойное преимущество. Теперь он может всем говорить, что именно болезнь мешает ему заботиться о бизнесе, – себя он в этом уже убедил, а теперь убедит и других, – и теперь эта болезнь неизлечима. Прежде всего, это вообще не болезнь, поэтому чем больше его будут лечить, тем хуже он будет себя чувствовать. Если лекарство не может тебя вылечить, твердо знай, что эта болезнь не лечится лекарствами, – причина болезни в чем-то другом; она не имеет ничего общего с лекарствами. Ты можешь проклинать лекарства и называть докторов дураками, потому что они не могут найти для тебя правильного лечения; ты можешь попробовать аюрведическое или натуропатическое лечение; ты можешь попробовать аллопатию или гомеопатию – ничто не поможет. Ни один доктор ничем не сможет тебе помочь просто потому, что доктор может лечить только подлинные болезни – у него нет власти над чем-то ложным. И интереснее всего то, что вы продолжаете заниматься созданием такого рода болезней, вы хотите, чтобы они сохранились. Более пятидесяти процентов женских болезней ложны. Женщины с детства запоминают эту формулу: они получают любовь, только когда больны, иначе это невозможно. Когда жена больна, муж берет на работе отгул, ставит стул у ее кровати и сидит у ее изголовья. Он может проклинать себя за то, что это делает, но все равно он это делает. Поэтому всякий раз, когда женщина хочет внимания от своего мужчины, она вскоре заболевает. Вот почему получается, что женщины болеют почти все время. Они знают, что при помощи болезни могут заставить весь дом плясать под свою дудку.

Больной становится диктатором, тираном. Если этот человек говорит: "Выключите радио!", радио тут же выключают. Если человек говорит: "Выключите свет и ложитесь спать" или: "Все сидят дома; никто никуда не выходит", – члены семьи делают, как он говорит. Чем больше в этом человеке диктаторских тенденций, тем больше он болеет – кто захочет обидеть чувства больного? Но это опасно. Таким образом мы на самом деле вносим вклад в его болезнь. Хорошо, если муж сидит с женой, когда она хорошо себя чувствует; это вполне понятно. Но определенно он должен перестать отпрашиваться с работы, если она болеет, и таким образом приумножать ее болезнь. Это слишком невыгодная сделка. Когда ребенок болеет, мать не должна уделять ему слишком много внимания; иначе ребенок будет болеть всякий раз, когда захочет внимания. Когда ребенок болеет, волнуйтесь о нем поменьше, чтобы у него в уме не возникало ассоциаций между болезнью и любовью. У ребенка не должно быть впечатления, что, когда он болеет, мать гладит его по голове и рассказывает сказки. Вместо этого мать должна баловать ребенка, когда он счастлив, чтобы любовь ассоциировалась с радостью и счастьем.

Мы связали любовь с несчастьем, а это очень опасно, потому что это означает, что, когда человек нуждается в любви, он подвергнет себя страданию, чтобы за ним последовала любовь. Каждый, кто хочет любви, заболеет, чтобы за болезнью последовала любовь. Каждый, кто хочет любви, заболеет, потому что он знает, что болезнь приносит любовь. Но любовь никогда нельзя найти при помощи болезни. Помни, болезнь приносит жалость, не любовь, а быть объектом жалости очень оскорбительно, унижительно. Любовь – это совершенно другое. Мы ничего не знаем о любви. Я хочу сказать, что тело следует нашим предложениям – если мы хотим, чтобы оно болело, бедное тело болеет. Для излечения такой болезни полезен гипноз.

Это значит, что для лечения ложной болезни подходит ложное лекарство – не настоящее лекарство. Если мы можем заставить себя поверить, что мы больны, то можем заставить себя поверить, что мы не больны, и избавиться от болезни. Для этих целей применение гипноза имеет огромную ценность. Сегодня вряд ли в какой-нибудь развитой стране есть больница, в штате которой не было бы гипнотизера. На Западе физиолога сопровождает гипнотизер, потому что есть определенное количество болезней, против которых врач совершенно бессилён, которые могут быть излечены только гипнотизером. Он вводит пациента в гипноз и предлагает ему чувствовать себя хорошо. Знаете ли вы, что только три процента змей ядовиты? Но обычно человек умирает от укуса неядовитой змеи, если верит, что укус змеи может убить человека. По этой причине мантры и заклинания помогают от змеиных укусов. Другими словами, мантры и заклинания – это ложные техники. Человека укусила ядовитая змея. Все, что теперь нужно, это убедить его, что яд змеи нейтрализован. Этого будет достаточно; яд не окажет никакого действия, будто бы его никогда и не было. А если его убедить полностью, что его действительно укусила змея, он умрет. Он умрет не от укуса змеи, но от веры в то, что его укусила змея.

Я слышал: Как-то случилось так, что один человек остановился на ночь на постоялом дворе. Поздно вечером он поужинал и на следующее утро уехал. Через год он снова оказался на том же постоялом дворе. Увидев его, трактирщик был потрясен.

– У вас все в порядке? – спросил он путешественника.

– Все в порядке. А что?

– Мы очень боялись, – сказал трактирщик. – Видите ли, последний раз, когда вы здесь останавливались, в горшок с пищей, которую вам подали, упала змея. Эту пищу съели еще четыре человека, и они вскоре умерли. Мы не могли себе представить, что случилось с вами, потому что вы уехали так рано. Мы так беспокоились о вас.

Услышав это, путешественник сказал:

– Что? Змея у меня в еде? – и упал замертво. Через год! Он умер от страха.

При таких заболеваниях гипноз очень полезен. Гипноз просто означает, что ложь, которой мы себя окружили, может быть нейтрализована другой ложью. Помни, если ты наступил на воображаемую колючку, не пытайся удалить ее при помощи настоящей колючки; это может быть опасно. Прежде всего, воображаемая колючка не будет удалена, и, кроме того, настоящая поранит тебе ногу. Ложную колючку необходимо удалить при помощи ложной колючки. В чем связь между гипнозом и медитацией? Только в этом: гипноз должен извлечь воображаемые колючки из твоего тела, Пример гипноза – когда я говорю, что тело расслабляется. Это гипноз. На самом деле, вы сами предполагаете, что тело не может расслабиться. Чтобы удалить это предположение, необходим гипноз, – ни для чего больше. Если бы не было твоего ложного предположения, достаточно было бы один раз почувствовать, что тело расслабляется, и оно бы расслабилось. Предложения, которые я произношу, в действительности нужны не для того, чтобы расслабить ваши тела, но для того, чтобы удалить верование, что тела не могут расслабиться. Этого нельзя сделать, не создав противоположного верования в то, что тело расслабляется. Твоя ложная концепция будет нейтрализована другой ложной концепцией, и, когда тело расслабитя, ты узнаешь, что оно расслабляется. Расслабление – это очень естественное качество тела, но вы наполнили себя таким напряжением, что необходимо что-то предпринять, чтобы от него избавиться. До этой точки идет гипноз. Когда ты начинаешь чувствовать, что тело расслабляется, дыхание расслабляется, ум успокаивается, – это гипноз. Но только до этой точки. То, что следует дальше, – это медитация, до этой точки медитации нет. Медитация начинается после этого, когда ты в состоянии осознанности. Когда ты становишься осознающим внутри, когда ты начинаешь свидетельствовать, что тело расслаблено, дыхание расслаблено, мысли либо прекратились, либо все еще движутся, когда ты начинаешь наблюдать, просто наблюдать – это

наблюдение, это состояние свидетельствования и есть медитация. Все, что происходит прежде, - это гипноз.

Итак, гипноз означает искусственно вызванный сон. Когда мы не спим, мы вызываем сон; мы прикладываем усилие, приглашаем сон. Сон можно пригласить, если мы готовимся и приходим в состояние, в котором отпускаем себя. Но медитация и гипноз - это не одно и то же. Пожалуйста, пойми это. Пока твои чувства соответствуют и здесь и сейчас моим предложениям, - это гипноз. Когда ты чувствуешь, что мои предложения заканчиваются и начинается осознанность, - это начало медитации. Медитация начинается с наступлением состояния свидетельствования. Гипноз нужен потому, что вы ввели себя в состояние обратного гипноза. В научных терминах это не гипноз, это вывод из-под гипноза. Мы уже загипнотизированы, хотя и не осознаем, как мы вошли в гипноз и какие трюки использовали, чтобы войти в этот гипноз. Большую часть жизни мы прожили под влиянием этого гипноза. А если мы хотим быть загипнотизированными, то не понимаем, что делаем. Таким образом мы живем во всем. Если это станет ясно, чары гипноза будут разрушены - а когда разрушено состояние гипноза, станет возможным войти вовнутрь, потому что гипноз в своей основе - это мир нереального. Например, человек учится ездить на велосипеде. Для тренировки он едет по широкой дороге. Дорога эта в ширину шестьдесят футов, а на краю стоит камень, отмечающий очередную милю. Даже если бы этот человек ехал по этой широкой дороге с завязанными глазами, вероятность врезаться в такой камень была бы для него ничтожна. Но этот человек еще не умеет ездить на велосипеде. Он вообще не смотрит на дорогу; первым ему в глаза бросается камень, и его охватывает страх: как бы в него не врезаться! Вот и все. Как только его охватывает страх врезаться в камень, он загипнотизирован. Гипноз означает, что он больше не видит дорогу, он начинает видеть только камень. Он пугается, и руль велосипеда поворачивается к камню. Чем дальше поворачивается руль, тем сильнее он пугается. Руль, конечно, повернется туда, куда направлено его внимание, а его внимание сосредоточено на камне, потому что он боится в него врезаться. И вот дорога исчезает из его поля зрения, и остается только камень. Он так загипнотизирован камнем, что его к нему так и тянет. Чем больше его тянет, тем сильнее он пугается; чем больше он пугается, тем сильнее его тянет. В конце концов он врезается в этот камень. Наблюдая это, разумный человек задастся вопросом, как на такой широкой дороге можно было врезаться в камень, стоящий на обочине? Почему он не мог его объехать? Очевидно, он был загипнотизирован. Он сосредоточился на камне, чтобы спастись от столкновения, но благодаря этому перестал видеть все, кроме этого камня. Когда ум остановился на камне, руки автоматически повернули руль в этом направлении, потому что тело следует за твоим вниманием. Чем сильнее он пугался, тем более ему приходилось сосредоточиваться на камне. Камень загипнотизировал его; страх притянул его к камню, и в конце концов он в него врезался. В жизни мы часто совершаем серьезные ошибки, которых хотели бы избежать. Они гипнотизируют нас. Например, человек боится утратить спокойствие ума и рассердиться. В такой ситуации он найдет, что злится двадцать четыре раза за двадцать четыре часа. Чем больше он боится разозлиться, тем сильнее его гипнотизирует гнев. Тогда он будет искать повод для гнева все двадцать четыре часа в сутки. Другой человек, который боится смотреть на красивых женщин, потому что они могут его сексуально взволновать, будет видеть красивых женщин двадцать четыре часа в сутки. Мало-помалу даже безобразные женщины начнут казаться ему красивыми; даже мужчины станут выглядеть для него как женщины. Если сзади он увидит садху с длинными волосами, ему придется убедиться, мужчина это или женщина. Со временем женщины на плакатах и фотографиях начинают его привлекать, гипнотизировать. Он будет прятать фотографии обнаженных женщин в Гите и Коране и смотреть на них, даже не удивляясь тому, что его могут так загипнотизировать простые линии и цвета. Он всегда хотел спастись от женщин, а теперь он их боится; теперь он видит женщин везде. Придет ли он в храм, мечеть или куда-нибудь еще, он не увидит ничего, кроме женщин. И это тоже гипноз. Общество, направленное против секса, постепенно

становится сексуальным. Общество, которое отвергает секс, – весь его ум становится сексуальным, оно будет загипнотизировано самой той вещью, которую оно критикует; все его внимание будет сосредоточено на ней. Чем больше общество говорит о безбрачии, тем грязнее и развратнее будут становиться умы рожденных в нем людей. Причина в том, что, если разговоров о безбрачии слишком много, это фокусирует ум на сексуальности. Все это гипноз, – созданный нами, – и мы в нем живем. Весь мир запутался в этом гипнозе. И его трудно разрушить, потому что гипноз растет вместе с попытками его разрушить. Таким образом, лишь Богу известно, сколько видов гипноза мы уже себе создали и продолжаем создавать. И в этом мы живем. Гипноз должен быть разрушен, чтобы мы могли проснуться. Но чтобы прорубиться сквозь эту ложную паутину, нам нужно открыть, что значит ложное.

В каком-то смысле вся садхана, вся духовная практика предназначена для того, чтобы удалить всю окружающую нас ложь. И поэтому вся садхана ложна. Методы, которые были изобретены во всем мире, чтобы помочь нам достичь Бога, ложны, потому что мы никогда не были далеки от него. Мы были далеки от него только в мыслях.

Похожим образом человек может заснуть в Дварке и увидеть во сне, что он в Калькутте. Тогда во сне он начинает тревожиться: его жена больна, а он в Калькутте; он должен вернуться в Дварку. Он ходит и спрашивает людей, изучает расписание поездов, наводит справки об авиарейсах, чтобы вернуться в Дварку как можно скорее. Но все способы вернуться в Дварку, которые ему предложат, будут ошибочными и приведут его к беде, потому что, прежде всего, он не в Калькутте. Он никогда не был в Калькутте – это был лишь сон, гипноз. Любой путь возвращения в Дварку, который ему покажут, только создаст для него проблемы. Ни в одном пути нет никакого смысла; все пути ложны. Даже если этот человек возвращается в Дварку, его маршрут будет ложным. Он не может найти правильный путь, потому что его нет и не было никогда; прежде всего, он никогда не приезжал в Калькутту. Что значит для него найти обратный путь? Поезд, идущий в Калькутту, будет таким же ложным, как и сама Калькутта. Если он пойдет на вокзал Хоурах, купит билет и сядет на дваркский поезд – все это будет ложным. Все станции, которые он проедет по пути домой, будут ложными. Тогда он прибудет в Дварку и проснется счастливым. Но он будет удивлен, обнаружив, что никуда не ездил, что все это время он провел в постели. Как тогда он вернулся? Его отъезд был ложным, так же, как и возвращение. Никто никогда не покидал пределов Бога, высшей реальности. Это невозможно, потому что есть лишь она – нельзя из нее выйти. Все отъезды ложны, ложны и возвращения. Тем не менее, поскольку мы уже отправились в это воображаемое путешествие, нам придется вернуться; Другого пути нет. Нам придется изыскать средства вернуться. Но, вернувшись, ты обнаружишь, что все пути возвращения были ложны, вся садхана была ложна. Садхана была нужна лишь для того, чтобы дать нам возможность проснуться, вернуться из сна. Как только это понято, тогда, может быть, ничего не нужно делать, и внезапно ты найдешь, что вернулся. Но это трудно понять, потому что ты уже думаешь, что ты в Калькутте. Ты можешь сказать: – Все, что ты говоришь, правильно, но я уже в Калькутте. Покажи мне дорогу назад!

Другой друг спросил:

Нашел ли ты Бога?

Это как раз тот вопрос, который задал бы путешественник в Калькутту. Я хотел бы спросить этого друга: "А ты когда-нибудь терял Бога?", – потому что, если я скажу, что я нашел Бога, это будет значить, что сначала я его потерял. Он уже найден. Даже когда мы чувствуем, что потеряли его, он по-прежнему с нами. Просто мы под гипнозом и нам кажется, что мы потеряли его. Поэтому, если человек говорит: "Да, я его нашел", он ошибается. Он все еще не понимает, что, прежде всего, он никогда его не терял. Поэтому

те, кто познал Бога, никогда не скажут, что нашли Бога. Они скажут: "Мы никогда его не теряли".

В тот день, когда Будда стал просветленным, вокруг собрались люди и спросили:

- Чего ты достиг?

- Ничего не достиг, - ответил Будда. - Я просто смог увидеть то, чего никогда не терял. Я нашел то, что уже имел.

Сочувственно люди сказали:

- Очень плохо. Ты трудился впустую.

- Да, - сказал Будда, - в этом смысле я трудился впустую. Но мне больше не нужно трудиться - по меньшей мере, я достиг этого преимущества. Теперь я больше не пойду на поиски, не буду бродить, чтобы чего-то добиться, не отправляюсь в путешествие - это мое достижение. Теперь я знаю, что я там, где уже был. Мы уходим только в снах. Мы никогда в действительности не достигаем мест, в которых мы себя ощущаем. Поэтому, в определенном смысле, все религии ложны; все садханы, все духовные практики, вся йога ложна. Они ложны в том смысле, что все это методы возвращения. И все же они очень полезны.

Деревенский шаман, который нейтрализует змеиный яд мантрами, очень полезен для тех, кого укусила змея, - даже если их укусила ложная змея. Без него люди бы умирали от змеиного укуса, которого не было. Однажды такой человек жил рядом со мной. Теперь он уже умер. Люди приходили отовсюду, чтобы он извлек змеиный яд. Он был очень умен; он приручил нескольких змей. Когда к нему приходил укушенный змеей, он использовал свое шаманское искусство и спрашивал, какая это была змея, куда она его укусила и жива ли эта змея. Получив всю информацию, он применял трюк и звал змею. Он все прорабатывал заранее - какую змею выпустить, по какому сигналу и так далее. Примерно через час змея, подходящая под описание, шипя, вползала в двери. Вся эта сцена производила впечатление; укушенный лишился дара речи. Человек, которого укусила змея, редко может что-то увидеть или сообразить что к чему: что за змея его укусила? как она выглядела? где она была? - он так ошеломлен укусом, что тем временем змея скрывается. Если змея была убита, шаман вместе со своей змеей звал ее душу. Тогда он ругал и упрекал змею за то, что она укусила этого человека. Тоща змея билась головой о землю и просила прощения. За это время яд начинал выветриваться из человека. Тоща змее приказывали удалить яд. Змея подползала к человеку, прикладывала рот к ране, и человек выздоравливал.

К несчастью, однажды случилось так, что змея укусила сына этого человека. Он оказался в беде, потому что ни одно его средство не помогало. Он прибежал ко мне и сказал:

- Пожалуйста, помоги. Я попал в беду. Пожалуйста, скажи, что мне делать. Моего сына укусила змея, и он знает о моих ручных змеях. Я так несчастен, пожалуйста, скажи, что мне делать? Я беспомощен. Мой сын не выживет! Я был удивлен.

- Но как же твое лечение? За ним люди приходят к тебе издалека!

- Все это прекрасно, - ответил он, - но даже я бы умер, если бы меня укусила змея; я не смог бы спасти себя. Я знаю секреты торговли, но я не доверил бы никому лечить меня теми же методами. Мальчик умер. Он не смог спасти сына.

Для удаления ложного нужны ложные методы. И в них есть свой смысл. Они осмысленны, потому что мы погрязли в ложных вещах. Не стесняйся спрашивать; поначалу это действительно гипноз. Начальные стадии - гипноз, сон; лишь последняя стадия - и самая драгоценная - медитация. Прежде чем достичь этого состояния, совершенно необходима основа - необходима, чтобы выйти из ложного, в котором та запутан.

Никогда не спрашивай: "Нашел ли ты Бога?" Все это неправильно. Кто его найдет? Что будет найдено? То, что есть, есть. В тот день, когда ты это узнаешь, ты увидишь, что никогда ничего не терял и даже никуда не шел; ничто Никола не было уничтожено, ничто никогда не умирало. То, что есть,

есть. В этот день все путешествия, все пути куда бы то ни было прекратятся.

А теперь этот вопрос:

В чем смысл "освобождения от цикла рождения и смерти"?

Освобождение от цикла рождения и смерти не значит, что ты больше не родишься. Это значит, что теперь больше нет ни ухода, ни прихода -нигде, ни на каком плане. Тогда ты остаешься укорененным там, где ты есть. В тот день, когда это происходит, во все стороны бьют ключи радости. Мы не можем испытать радость, находясь в воображаемом месте, мы можем испытать радость лишь там, где мы действительно находимся. Мы можем быть счастливыми, только будучи тем, что мы есть, и никогда не можем быть счастливыми, будучи чем-то другим. Цикл рождения и смерти означает, что мы движемся по иллюзорным местам - мы потерялись где-то, где никогда не были. Мы бродим по местам, где мы никогда быть не должны, потеряв из виду место, в котором находимся на самом деле. Поэтому свобода от рождения и смерти означает возвращение туда, где мы есть, возвращение домой. Двигаться к Богу означает быть в точности там, где мы есть. Не бывает так, что однажды ты встречаешь Бога, который где-то стоит, машешь рукой и говоришь ему:

- Слава Богу, я тебя встретил!

Такого Бога нет, и если ты его встретишь, знай наверняка, что это гипноз. Такой Бог будет твоим собственным созданием, и встреча с ним будет такой же ложной, как и его потеря. Таким образом ты никогда не найдешь Бога. Наш язык часто приводит к заблуждениям, потому что выражение "найти Бога" или "достичь Бога" создает впечатление, что человек сможет встретиться с ним лицом к лицу. Такие слова создают большое заблуждение. Слыша их, человек получает идею о том, что кто-то перестанет прятаться и он сможет посмотреть ему в глаза, обнять его. Все это неправильно. Если ты когда-нибудь встретишь такого Бога, берегись! Такой Бог целиком и полностью будет порождением твоего ума - он будет гипнозом.

Мы должны выйти из всего гипноза, из всей обусловленности и вернуться по своим следам к той точке, в которой нет ни сна, ни гипноза, где мы полностью осознанны, укоренены в наших сущностях. Опыт, который тогда получает человек, - это опыт единства жизни; это опыт того, что существование едино, неделимо. Имя этому опыту -Бог.

А теперь давайте приготовимся к утренней медитации. Я скажу об этом еще несколько слов на вечерней медитации. Будьте на некотором расстоянии друг от друга. Не разговаривайте, тихо создайте расстояние. Создайте вокруг себя немного пустого пространства. Пусть те, кто хочет лечь, лягут; они должны создать достаточно места, чтобы лечь. Даже если кто-то захочет упасть в середине, пусть падает, он не должен себя сдерживать. Да, пойдите на веранду наверху, но создайте себе пространство... Потому что потом, если вы на кого-то упадете, вы будете чувствовать себя плохо, и кроме того, это отвлечет и другого. Поэтому раздвиньтесь. Да, спускайтесь сюда.

Закройте глаза... Дети не будут разговаривать, они посидят десять минут спокойно. Закройте глаза... оставьте тело расслабленным... Оставьте тело расслабленным. Оставьте тело совершенно расслабленным, как будто в теле нет никакой жизни. Пусть вся энергия движется вовнутрь. Вся энергия тела движется вовнутрь... течет вовнутрь... мы сжимаемся внутри, а тело остается как скорлупа, висящая снаружи. Упадет ли оно или останется как есть, оно будет внешним, как одежда. Скользните вовнутрь... и оставьте тело расслабленным. Теперь я дам предложения. Испытайте их вместе со мной.

Испытайте, что тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется. Почувствуйте это и оставьте тело совершенно расслабленным. Тело очень послушно. Если вы чувствуете это всем сердцем, оно станет почти как труп. Чувствуйте, что тело расслабляется... тело

расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело продолжает расслабляться. Отпустите, отпустите хватку... не продолжайте цепляться за тело изнутри, отпустите его полностью... снимите с него весь контроль, как будто тело не ваше; теперь что случится, то случится. Если оно упадет, оно упадет; если человек его потеряет, он его потеряет.

Вернитесь из него полностью... удалите из него свои чувства.

Тело расслабляется. Тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется. Тело расслабилось. Отбросьте, отбросьте всю хватку... если оно падает, пусть падает. Тело расслабилось... как будто оно полностью превратилось в труп... как будто тела больше нет... тела больше нет... мы стали отдельными от него... мы отодвинулись от него.

Дыхание расслабляется. Чувствуйте, что дыхание продолжает расслабляться... дыхание расслабляется... дыхание расслабляется... дыхание расслабляется... дыхание расслабляется... дыхание продолжает расслабляться... дыхание продолжает расслабляться. Отпустите... отпустите и дыхание... двигайтесь глубже вовнутрь. Дыхание расслабилось... дыхание расслабилось... дыхание расслабилось. Вы переместились еще дальше, за дыхание... дыхание расслабилось.

Мысли тоже расслабляются. Мысли тоже расслабляются... мысли тоже расслабляются. Отодвиньтесь и от мыслей... отпустите и мысли. Мысли тоже расслабляются -мысли тоже расслабляются... мысли тоже расслабляются... мысли тоже расслабляются... мысли тоже расслабляются -мысли тоже расслабляются. Отпустите и мысли. Мысли расслабляются... мысли расслабляются... мысли расслабляются... мысли расслабляются.

Тело расслабилось, мысли расслабились, десять минут просто оставайтесь пробужденными внутри... десять минут просто оставайтесь пробужденными внутри. На десять минут все умерло; внутри мы остались пробужденными, подобно пламени. Тело лежит вдалеке... дыхание слышно на расстоянии... мысли стихли... внутри наше сознание пробуждено и наблюдает все это. Не засыпайте, оставайтесь бодрствующими внутри. Оставайтесь бодрствующими внутри- продолжайте наблюдать внутри... продолжайте наблюдать... стань наблюдателем, и начнется внезапная глубина... начнется тишина... начнется пустота. Теперь десять минут просто продолжай тихо смотреть внутрь. Ум стал молчаливым... ум стал совершенно молчаливым. Иди глубже в эту глубину... будто бы падая в глубокий колодец. Продолжай падать... продолжай падать. Оставайся пробужденным внутри и продолжай наблюдать. Все умерло... тело осталось далеко, дыхание осталось далеко, мысли исчезли - остались только мы. Просто продолжай бодрствовать и наблюдать... продолжай наблюдать... ум будет продолжать становиться все более пустым. Медленно сделайте несколько глубоких вдохов и вернитесь из медитации. Откройте глаза медленно и очень мягко. Наша утренняя сессия окончена.

НАЙДИ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ.

Друг спросил:

Однажды ты упомянул, что смерть - величайшая из всех истин. Когда-то еще ты сказал, что ничего, подобного смерти, нет. Какое из этих двух утверждений истинно?

Истинны оба. Когда я называю смерть величайшей из всех истин, я обращаю твое внимание на тот факт, что явление смерти обладает огромной реальностью в этой жизни - в том, что мы называем "жизнью" и понимаем под "жизнью"; в терминах человеческой личности, которая состоит из того, что я описываю как "я". Эта личность умрет; то, что мы называем "жизнью", тоже умрет. Смерть неизбежна. Конечно, ты умрешь, и я умру, и эта жизнь тоже будет разрушена, обращена в пыль, стерта. Когда я называю смерть

величайшей из всех истин, я хочу напомнить тебе о том факте, что все мы умрем. И когда я говорю, что смерть совершенно ложна, я хочу напомнить, что внутри этого "я", внутри "тебя", есть некто другой, кто никогда не умрет. И что есть жизнь, которая отличается от того, что ты считаешь жизнью, – жизнь без смерти. Оба эти утверждения истинны; они истинны одновременно. Принимая за истину лишь одно из них, ты не сможешь воспринять всю полноту истины. Если кто-то говорит, что тень реальна, что темнота реальна, он прав. Темнота, как и тень, существует. А если кто-то другой говорит, что темноты нет, он тоже прав. Вот что он имеет в виду: у темноты нет позитивного существования. И если я попрошу тебя принести мне пару упаковок темноты, ты не сможешь этого сделать. Комната наполнена темнотой, и если тебя попросят выбросить эту темноту, ты не сможешь этого сделать. Или, если я скажу: "Если здесь темнота, тогда, пожалуйста, вынеси ее отсюда", – ты не сможешь этого сделать. Почему? Потому что темнота имеет негативное существование; темнота – это просто отсутствие света. Хотя темнота и существует, она представляет собой только отсутствие света. Поэтому если бы кто-то сказал, что темноты нет, то был бы прав. Есть присутствие света и есть отсутствие света, но нет ничего подобного темноте как таковой. Вот почему мы можем делать со светом что угодно, но с темнотой мы не можем сделать ничего. Если ты хочешь удалить темноту, тебе придется внести свет; если ты хочешь внести темноту, тебе придется погасить свет. С темнотой ничего нельзя сделать непосредственно. Ты бежишь вдоль дороги. Перед тобой появляется твоя тень; она бежит вместе с тобой. Каждый может увидеть тень; никто не может ее отрицать. И все же можно сказать, что тени нет, потому что у нее нет собственной сущности. Тень существует потому, что твое тело преграждает путь солнечному свету. Когда свет загорожен твоим телом, формируется тень; когда солнце проходит у тебя над головой, не формируется никакой тени, потому что ничто не препятствует солнечным лучам. Если бы мы сделали фигуру человека из стекла, никакой тени бы не появлялось, потому что лучи проходили бы сквозь стекло.

Когда свет встречает препятствие, формируется тень; тень – это просто отсутствие света. Поэтому если человек говорит, что тень существует, он не ошибается. Но это полуправда. Далее он должен добавить, что тень не существует. Тогда правда становится полной. Это значит, что тень – это нечто такое, что существует и в то же время не существует. Но с нашим образом мышления мы ничего не можем увидеть, пока оно не разделено на две независимые части.

Одного человека судили за убийство. Он убил другого человека, и те, кто видел, как совершалось преступление, выступили в качестве свидетелей. Один свидетель сказал:

– Преступление было совершено на открытом воздухе, и в небе сияли звезды. Я видел звезды, так же как и убийство. За ним следом выступил другой очевидец, который сказал: – Преступление было совершено в доме, у дверей, у стены. На стене видны пятна крови, и, поскольку я стоял у стены, моя одежда тоже испачкана кровью. Это убийство произошло в доме.

Судья был сбит с толку. Как они оба могут говорить правду? Очевидно, один из них лжет. Убийца рассмеялся. Судья спросил, что он нашел смешного. Этот человек сказал:

– Позвольте мне сказать, что оба они правы. Дом был не достроен; крышу еще не положили – вверху виднелись звезды. Убийство произошло под открытым небом, но и у дверей, у стены, на которой видны следы крови. Дом был почти готов; были возведены стены, и только перекрытия крыши были еще не завершены. Поэтому оба они правы.

Жизнь так сложна, что даже те вещи, которые мы находим противоречивыми, оказываются правильными. Жизнь очень сложна. Жизнь не такая, какой мы ее считаем – она содержит множество противоречий; она безгранична.

В одном смысле смерть – это величайшая истина – потому что то, как мы живем, подойдет к концу; такие, как мы есть, мы умрем, и рамки, которые мы создали, тоже будут разрушены. Те, в ком мы видим составляющие нашего мира, – жена, муж, сын, друг, – все они умрут. И все же смерть – это

обман, потому что есть нечто, живущее внутри сына, то, что не является сыном и никогда не умрет. Есть нечто, обитающее внутри отца, но которое не является отцом и никогда не умрет. Отец, конечно, умрет, но у него внутри есть нечто большее, чем отец, за пределами этих отношений – то, что не умирает.

Тело умрет, но внутри тела есть нечто, что никогда не умирает. Обе эти вещи одновременно истинны. Поэтому обе эти вещи нужно иметь в виду, чтобы понять природу смерти.

Другой друг спросил:

Те вещи, которые мы хотим уничтожить, – такие, как цепи слепой веры и суеверие, – находят еще большее подтверждение в твоих лекциях. Слушая тебя, кажется, что есть жизнь после смерти, боги и духи, переселение душ. В таком случае трудно будет избавиться от суеверий. Разве они не станут еще сильнее?

Здесь нужно понять две вещи. Первое: если нечто принимается как суеверие без поиска и надлежащего исследования – это способ создания еще большего суеверия; это показывает чрезвычайно суеверный ум. Один человек верит, что есть привидения и злые духи, и ты называешь его суеверным; ты веришь, что ничего подобного нет, и считаешь себя очень знающим. Но вот в чем вопрос: что такое суеверие? Если кто-то верит в привидения и злых духов без всякого исследования – это суеверие; если кто-то другой без всякого исследования верит, что ничего подобного нет, – суеверие и это. Суеверие значит верование во что-то без уверенности в его истинности. Если кто-то поддерживает верование, противоположное твоему собственному, это не значит, что только поэтому он суеверен.

Верующий в Бога может быть таким же внушаемым, как и неверующий. Мы должны понять определение суеверия. Суеверие означает верование во что-то слепо, без проверки. Русские – суеверные атеисты; индийцы – суеверные теисты; те и другие страдают слепым верованием. Русские не позаботились о том, чтобы открыть, что Бога нет, они поверили, что это так, как и индийцы не попытались открыть, что Бог есть, прежде чем поверить, что это так. Поэтому не впадай в заблуждение, думая, что суеверны только теисты; есть свои суеверия и у атеистов. И странность в том, что есть и научные суеверия. Это звучит противоречиво: как суеверие может быть научным? Если ты изучал геометрию, ты сталкивался с определением Евклида, в котором он утверждает, что у линии есть длина, но нет ширины. Что может быть более суеверным? В мире никогда не бывает линии без ширины. Детей учат, что у точки нет ни длины, ни ширины, и даже величайший ученый работает с предположением, что у точки нет ни длины, ни ширины. Как точка может существовать без длины и ширины?

Все мы привыкли к цифрам от одного до девяти. Человек имеет полное право спросить, не суеверие ли это. Почему девять цифр? Ни один ученый не может объяснить, почему цифр девять. Почему не семь? Что плохого в семи? Почему не три? Есть математики – одним из них был Лейбниц, – которые пользовались тремя цифрами. Он говорил: за одним, двумя и тремя следует десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать; затем двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три. Такой была его система счисления; и он прекрасно пользовался этой системой, и тем, кто не соглашался с ним, он предлагал доказать, что он ошибается. Он подверг сомнению необходимость девяти цифр.

Позднее Эйнштейн сказал, что не нужно и трех цифр, что человек может обойтись даже двумя; только с одной цифрой будет трудно, но человек может обойтись двумя. То, что цифр в математике должно быть девять, – научное суеверие. Но и математик не готов сдаваться, он говорит: – Как можно работать с менее чем девятью цифрами?

Таким образом, и это верование; в этом нет больше никакого значения. С научной точки зрения мы верим в правильность тысяч вещей, но в действительности они тоже являются суевериями. Ученые суеверны, и в этом столетии религиозные суеверия отстают, тогда как научные суеверия

растут. Разница между ними просто в том, что, если спросить у религиозного человека, как он пришел к знанию о Боге, он скажет, что об этом написано в Гите, а если ты спросишь его, как он узнал, что в арифметике девять цифр, он скажет, что это написано в книге такого-то и такого-то математика.

В чем же разница между ними? Один ответ находится в Гите, в Коране; другой ответ находится в книге по математике. В чем разница? Это показывает, что на самом деле подразумевается под суевериями. Суеверие означает, что мы верим в это, ничего не зная об этом. Мы принимаем многие вещи и отвергаем многие вещи, ничего не зная о них, - и это тоже суеверие. Предположим, в одного человека в деревне вселился дух. Образованные люди скажут, что это суеверие. Давайте предположим, что необразованные люди суеверны; мы уже заклеили их суеверными, потому что, будучи не образованными, эти простые люди не способны предложить в пользу своих верований никаких аргументов. И вот, образованные люди этой деревни придерживаются мнения, что история о том, что в этого человека вселился дух, - это ерунда, но они не знают, что в таком университете, как Гарвард в Америке, есть отделение, проводящее исследование привидений и духов. Этот отдел даже распространяет их фотографии. Они понятия не имеют о том, что в настоящее время некоторые авторитетные ученые вовлечены в глубокие исследования привидений и духов и получены были такие результаты, что рано или поздно они увидят, что именно они, образованные люди, были суеверными, а те, кого они называли суеверными, может быть, ничего не знали о том, во что верили, но говорили правильные вещи.

Если ты прочитаешь Рийона или Оливера Лоджа, ты будешь изумлен. Оливер Лодж был Нобелевским Лауреатом. Всю свою жизнь он занимался исследованием привидений и духов. Перед смертью он оставил документ, в котором сказал: "Все истины, которые я открыл в науке, и наполовину настолько не истинны, как привидения и духи. Но мы о них ничего не знаем, потому что суеверных образованных людей не заботит, какие открытия совершаются в мире". Если человек говорит, что он может читать ум другого человека, мы называем это суеверием. В России, где работают ученые, которых мы называли бы скрупулезными, есть человек по имени Федев. Он великий русский ученый. Сидя в Москве, он общался на телепатическом уровне без всяких видимых средств с умом человека, сидящего за тысячи миль от него в Тбилиси. Эксперимент был проведен научно и признан корректным. Ученые увлечены такого рода исследованиями, потому что рано или поздно они будут очень полезны в космических путешествиях. В случае механического сбоя космического корабля, который всегда возможен, посредством этих средств ученые смогут установить контакт с космонавтами. Иначе космический корабль может быть потерян навсегда. Именно из этих соображений русские ученые проводят интенсивные исследования по телепатии и достигли некоторых потрясающих результатов.

Федев провел свои исследования при помощи своего друга. За тысячу миль от него его друг спрятался в кустах парка с рацией в руке, поддерживая связь с Федевым. Через некоторое время он информировал Федева, что пришел человек и сел на скамейку номер десять. Он попросил Федева послать этому человеку сообщение - приказание заснуть в течение трех минут. Человек бодрствовал, курил и бормотал, обращаясь сам к себе. Федев стал посылать ему предложения - то же самое, что делаю я: "Ты расслабляешься, ты расслабляешься". С расстояния в тысячу миль три минуты Федев интенсивно предлагал: "Усни, усни"; концентрируясь на скамейке номер десять, он продолжал предлагать одну и ту же мысль: "Усни, усни". Точно через три минуты человек, сидящий на скамейке, уснул, и сигарета выпала у него из рук.

Но это могло быть и совпадением. Может быть, человек, сидящий на скамейке, устал и потому заснул. Друг сказал Федеву, что человек действительно заснул, но это может быть совпадением, поэтому он попросил Федева разбудить его точно через семь минут. Федев стал предлагать этому человеку проснуться, и точно через семь минут человек открыл глаза и

встал. Человек на скамейке был совершенно незнакомый; он и понятия не имел, что происходит, и друг Федева приблизился к нему и спросил, не почувствовал ли он что-нибудь необычное.

-Да, конечно, -сказал тот. -Я был очень озадачен. Я пришел сюда кос с кем встретиться, и внезапно я почувствовал, что мое тело вот-вот заснет. Я потерял контроль и уснул. Затем у меня возникло сильное ощущение, как будто кто-то говорит мне: "Вставай, вставай. Встань через семь минут!" Это не укладывается у меня в голове.

Этот человек и понятия не имел о том, что происходило.

Телепатическое общение без всякого проводящего средства стало научной истиной. Но образованный человек назовет это суеверием. Возможно, больной в одном городе может быть вылечен из другого, удаленного города; это не слишком трудно. Также возможно, что укусы змеи могут быть исцелены с расстояния в тысячи миль; это тоже не очень трудно. Есть много разных видов суеверий, но помни, что суеверие образованного человека всегда опаснее суеверия необразованного, потому что образованный человек не считает свое суеверие суеверием. Для него это результат, к которому он преднамеренно пришел. Этот друг говорит, что мы должны разорвать цепи суеверия. Сначала убедись, что есть какие-либо цепи, иначе ты можешь в процессе разрыва цепей поломать кому-то руки и ноги. Если какие-то цепи есть, их можно разорвать, но что, если их нет? Ты также должен убедиться, что то, во что ты веришь, является цепью, которую нужно разорвать, а не окажется каким-то украшением, которое тебе придется восстанавливать. Все эти вещи требуют очень внимательного рассмотрения.

Я абсолютно против суеверий; все виды суеверий должны быть уничтожены - но это не значит, что я суеверен в отношении суеверий. Это не значит, что человек должен продолжать разрушать их без ясного понимания, что он должен просто помешаться на разрывании цепей без должной осмотрительности. Тогда такое произвольное разрушение тоже станет суеверием. У каждого века есть собственные суеверия. Помни, есть своя мода и в суевериях. И в каждом веке суеверие принимает новую форму. Человек отбрасывает старые суеверия и принимает новые, но никогда не избавляется от них навсегда; он меняет и преобразует их. Но никогда этого не осознает. Например, однажды существовало суеверие, что человек, который носит тилак, рисунок на лбу, считается религиозным. Какое отношение нанесение тилака имеет к религиозности? Но именно таким образом это понимали. И на человека, который не наносил тилак, смотрели сверху вниз, как на нерелигиозного. Это старое суеверие больше не в моде. Теперь у нас есть новое суеверие, равное старому по глупости. Если человек носит галстук, он считается утонченным; если он его не носит, он считается обычным. Это то же самое, в этом нет никакой разницы. Галстук заменил тилак, тогда как человек остался прежним. Какая разница?

Галстук ничем не лучше тилака. Может быть, даже хуже, потому что в нанесении тилака был, по крайней мере, какой-то смысл. Галстук же в этой стране не имеет никакого смысла, хотя он мог бы иметь смысл в какой-то другой стране. Галстук полезен в холодных странах, где он помогает защищать горло от простуды. В той стране человек, который не может позволить себе закрыть горло от холода, очевидно, должен быть бедным человеком. Человек состоятельный может позволить себе закрыть горло при помощи шейного платка; тем не менее, когда кто-то повязывает на шею галстук в жаркой стране, такой, как эта, - это кажется немного пугающим. Начинаешь задумываться, преуспевающий ли это человек или просто ненормальный!

Быть преуспевающим не значит страдать от жары и носить на шее эту петлю. Галстук - это петля; галстук означает узел. Использование его в холодной стране имеет смысл, но в жаркой стране он совершенно бессмыслен, и все же человек, у которого есть чувство собственного достоинства, - мэр, адвокат, политик, - выходит на улицу с этой петлей на шее! И эти люди клеймят обладателей тилака как суеверных! Возникает вопрос: "А не является ли суеверием и ношение галстука? Какую научную систему вы применяете,

повязывая вокруг шеи галстук?" Но поскольку галстук – суеверие этого века, он приемлем; поскольку тилак – суеверие прошлого, он неприемлем. Как я уже сказал: как галстук имеет некоторый смысл для людей в холодных странах, так и нанесение тилака тоже имеет некоторый смысл, но предварительно не заглянув в него, совершенно неправильно и опасно сразу называть его суеверием – ты мог даже на мгновение не задуматься о том, зачем применяется тилак. В большинстве своем люди наносят его из суеверия; однако, когда люди нанесли его впервые, тому была некая научная причина. Фактически, тилак наносится на участок лба между глаз, где находится аджня-чакра, чакра третьего глаза. Даже при небольшой медитации этот участок нагревается; он охлаждается применением сандалового дерева. Применение сандалового дерева – это высоко научная техника, но теперь она утрачена; люди больше не заботятся об этой науке. Теперь никто не продолжает применять сандаловое дерево, знает ли он об аджня-чакре или нет, занимался ли он когда-нибудь медитацией или нет.

Странно видеть людей, носящих галстуки в жарких странах. В холодных странах ношение галстука имеет научную основу, и похожим образом тилак имеет научную основу для тех, кто медитирует на аджня-чакру, потому что сандаловое дерево охлаждает этот участок. В медитации на аджня-чакру возникает стимуляция этой области, создается жар, и его нужно охладить, иначе он нанесет вред мозгу. Но если бы мы решили удалить все тилаки, конечно, мы бы отняли их у тех, кто носит их бесцельно, но мы удалили бы их и со лбов тех бедных парней, которые нанесли их по собственным причинам, а если они не захотят удалить их, мы назовем их суеверными. Вот что я хочу сказать: нет способа определить, что суеверно, а что нет. Фактически, одна и та же вещь может быть суеверной в одних условиях и научной в других. То, что может казаться научным в определенном состоянии, может оказаться ненаучным при другом стечении обстоятельств. Например, в Тибете есть традиция мыться раз в год, и это очень рационально, потому что в Тибете нет пыли, холодный климат, люди не потеют и им не нужно мыться. Ежедневное мытье только повредит их телам; оно заставило бы их терять слишком много тепла. А как им возместить это тепло? Оставаться раздетым в Тибете может стоить слишком дорого. Если бы человек оставил тело незакрытым на целый день, ему бы понадобилось на сорок процентов больше пищи, чтобы восполнить потерянные калории. В таком месте, как Индия, если человек ходит по улице без одежды, его почитают как отшельника. Махавира был разумен: он оставался обнаженным – а в такой жаркой стране, как эта, чем больше жара покидает тело, тем прохладнее чувствует себя человек внутри. Поэтому, если бы последователь Махавиры прибыл в Тибет обнаженным, он заслуживал бы того, чтобы его поместили в сумасшедший дом. Появляться в Тибете в таком виде было бы абсолютно ненаучным, идиотским. Но именно так всегда и бывает. Когда тибетский лама приезжает в Индию, он никогда не моется. Однажды я жил с тибетскими ламами в Бодхгайе, они воняли так ужасно, что сидеть рядом с ними было мучением. Когда я спросил их, почему они такие, они ответили:

– Мы следуем правилу мыться только один раз в год. Именно тогда я провел разграничение между суеверием и наукой. То, что в Тибете научно, суеверие в Индии. Здесь эти ламы воняют, не осознавая, что их тела так обильно потеют и вокруг столько пыли.

Мы понятия об этом не имеем, но есть некоторые страны, в которых вообще нет пыли. Когда Хрущев впервые прибыл в Индию, его повезли в Агру, чтобы увидеть Тадж-Махал, и по пути он увидел формирующийся вихрь пыли. Он попросил остановить машину, вышел, встал точно посередине вихря и был очень доволен. Он сказал:

– Мне так повезло, у меня раньше никогда не было такого опыта.

Мы не чувствовали бы, что нам повезло, если оказались бы среди такого количества пыли. Но там, откуда он родом, груды снега, а не пыли. Для него это был такой же волнующий опыт, каким для нас был бы снег. Сколько волнения мы чувствуем, когда ходим по снегу в Гималаях. Поэтому не начинай разрушать вещи, просто веря, что это цепи, без того, чтобы сначала рассмотреть возраст, условия и их полезность.

Научный ум – это то, что всегда колеблется. Человек с научным умом никогда не принимает поспешных решений, говоря:

– Это правильно, а это неправильно. Он всегда говорит:

– Может быть, это и правильно, но позвольте мне исследовать это еще немного.

Даже в конце исследования он никогда не приходит к решению, не выносит окончательного приговора: – Точно, это неправильно, поэтому уничтожьте это.

Жизнь так таинственна, что ничего нельзя сказать в таких определенных терминах. Все, что мы можем сказать: "На этом этапе мы знаем столько-то, и, основываясь на этом знании, такая-то и такая-то вещь кажется неправильной", – вот и все.

Человек научного подхода скажет: "Опираясь на информацию, которая доступна на этом этапе, такая-то и такая-то вещь сегодня кажется неправильной: тем не менее при получении дополнительной информации она может завтра оказаться правильной. То, что правильно сегодня, может оказаться неправильным завтра".

Такой человек никогда не выносит поспешных решений о том, что правильно, а что неправильно. Он всегда продолжает исследовать с любознательным и скромным умом. Есть радость в том чтобы держаться за суеверие, есть радость также и в том, чтобы его разрушить. Когда мы держимся за суеверия, это избавляет нас от труда думать – мы верим в то, во что верит каждый. Мы даже не хотим выяснить, какая за этим стоит причина или почему это так. Кто хочет об этом заботиться? Человек просто следует толпе.

Иметь суеверия удобно. А есть люди, которые вышли на тропу разрушения суеверий, и это тоже очень удобно. Человек, который борется с ними, кажется рациональным, тогда как на самом деле он не рационален. Не так просто быть рациональным; видеть вещи рационально – значит напрягать каждый нерв. Такой человек смотрит на вещи так пристально, что ему становится трудно сделать какое-нибудь утверждение. Поэтому его утверждения всегда относительны. Он говорит: – При таких условиях, как в Тибете, не мыться уместно, тогда как при других условиях не мыться в Индии – это полное суеверие. Человек, который мыслит рационально, будет говорить языком такого рода. С Другой стороны, социальный реформатор никоим образом не заботится о том, что он говорит: он озабочен тем, чтобы все разрушать; он хочет разрушать определенные вещи. Я говорю: иди и разрушай – есть много вещей, которые должны быть разрушены, но первое, что должно быть разрушено, – это легкомыслие. Тенденция действовать без того, чтобы сначала подвергнуть будущее действие рациональному обдумыванию, – это первая вещь, которую необходимо разрушить. Вот что это значит: если ты что-то разрушаешь без того, чтобы обдумать это должным образом, тогда в этом разрушении нет никакой ценности. Должна быть создана тенденция мыслить рационально, а тенденция бездумно верить должна быть разрушена. Это приведет нас к тому, чтобы видеть разные контексты, более глубокие значения. Тогда мы совершим интенсивное исследование; мы будем думать и рассуждать. Тогда мы рассмотрим все возможности.

Психоанализ очень популярен на Западе, и интересно то, что психоаналитики проделывают в точности ту же работу, что и делали в деревнях старые добрые ворожеи. В наши дни во Франции есть активная секта, созданная Кювье. Кювье работает по тем же принципам, что и ворожеи, с тем лишь исключением, что Кювье ученый и использует научную терминологию – а в остальном это то же самое; разницы нет.

Вы будете изумлены, узнав, что, когда садху, обычный деревенский житель без всяких медицинских познаний, дает больному во имя Бога шепотку пепла – мы называем это суеверием, – это эффективно работает, и процент исцеления людей тот же, что и при аллопатическом лечении. Очень интересно – такой же коэффициент. В этой области проводится много экспериментов.

Уникальный эксперимент был проведен в одной из больниц Лондона. Сто пациентов с одной и той же болезнью были разделены на две группы.

Пятидесяти из них делали обычные уколы, а пятидесяти остальным впрыскивали воду. И поразительно то, что процент выздоровевших в обеих

группах был один и тот же. Возник вопрос: как это произошло? После такого эксперимента исследование этого вопроса привлекло к себе более пристальное внимание. И стало ясно, что более самого лекарства работает идея, чувство, что ты принимаешь лекарство. Кроме того, работает не столько само лекарство, сколько идея о том, насколько оно дорого и насколько известен доктор. Доктор без большой известности терпит поражение в лечении не потому, что он не владеет своей профессией, но только потому, что у него нет широкой известности. Широко известный доктор сразу производит на пациента впечатление. С его впечатляющим нарядом, с его всевключающим набором инструментов, с его расценками, с его большой машиной, с долгим ожиданием записи, с толпой, стоящей в очереди, – ты уже под таким впечатлением, что мало значения имеет, знает ли он, что он тебе дает. Чтобы быть известным врачом, не нужно первоклассное знание медицины, а все, что нужно, – это отличное владение рекламой. Вопрос в том, насколько хорошо ты можешь придать себе известность. Лучше всего помогает известность, не лекарство. Недавний медицинский опрос выявил, что во Франции около восьмидесяти тысяч врачей и около ста шестидесяти тысяч знахарей. Когда пациент устает от практикующих врачей, его излечивает человек, ничего не знающий о медицине. Эти люди знают трюк лечения пациентов. Именно поэтому нас окружает столько всевозможных "целителей". Подумать только – столько "целителей" процветает в наш век науки! Помогает даже натуропатия – помогает накладывание грязевой повязки на живот, помогает грелка с водой; помогают амулеты знахаря, и даже гомеопатия, представляющая собой не что иное, как крошечные сахарные пилюли. Все это помогает не хуже аллопатии. Поэтому возникает вопрос: почему поправляется пациент? Если в деревне знахарь прописывает немного пыли и пациент излечивается, тогда мы должны это тщательно обдумать; нас должно заботить, нужно ли разбивать такие суеверия. Человек со стетоскопом на шее и большой машиной тоже способен излечить пациента научными средствами, но и здесь работает волшебство – волшебство машины, волшебство стетоскопа.

Я знаю одного знахаря. У него нет никакой академической степени, и все же он излечил многих больных, которых я отправил к нему, – пациентов, признанных неизлечимыми другими врачами. Этот человек сообразителен; он замечательно понимает человеческую природу. Фактически, именно так человек становится профессиональным врачом! Если ты идешь лечиться к нему в клинику, диагностика будет проведена таким образом, что половина твоей болезни уйдет еще во время диагностики. Он очень умный врач. Другие врачи перед ним пасуют. У него большая, очень впечатляющая и очень серьезная приемная с большим столом, на который он кладет пациента. Напротив груди пациента висит предмет, который выглядит как стетоскоп. Это приспособление соединено с двумя прозрачными трубками, в которых находится окрашенная вода. Когда он прикладывает это напоминающее стетоскоп приспособление к груди пациента, из-за биения его сердца вода в трубке взбалтывается. Пациент смотрит на булькающую воду, убежденный, что пришел к потрясающему врачу; он никогда раньше не видел такого врача. Он использует обычный стетоскоп с тем лишь исключением, что он не втыкает его в уши, а наблюдает за подъемом и падением воды в трубках, и это убеждает пациента, что он незаурядный врач.

Ты никогда не задумывался, почему аллопатические врачи пишут рецепты таким неразборчивым почерком? Причина в том, что если бы ты смог их прочитать, то нашел бы, что это такая обычная вещь, что ты бы мог пойти и купить ее на рынке – поэтому рецепт специально пишется так искусно, чтобы ты не мог его прочитать. Фактически, если бы ты принес этот рецепт к тому же доктору, он бы сам не смог сообразить, что написал. И еще интересно то, что все названия лекарств должны быть написаны по-латыни или на греческом языке. Причина проста: если бы рецепты были написаны на английском, хинди или гуджарати, ты никогда не заплатил бы врачу десять или пятнадцать рупий за укол, потому что знал бы, что это вытяжка из семян тмина.

Все это волшебные трюки. Точно так же деревенский житель дает своим пациентам щепотку пепла, но это не возымеет действия, если он будет выглядеть как обычный человек. Если же, однако, он одет в охранный мантию, это будет иметь больший эффект. А если этот человек известен как честный, добрый и правдивый, то щепотка пепла будет еще более действенной. Если же известно, что за свои услуги он не берет денег, что он никогда не касается денег, действие пепла будет сногшибательным. Таким образом, работает не пепел, а другие факторы. Оценка такого рода лекарств требует внимательного рассмотрения, потому что, если осудить такие лекарства, им на замену нужно будет изыскать другие, столь же ложные, и этому никогда не будет конца.

Необходимо склонить человека к рациональному мышлению, чтобы он не навлекал на себя ложных болезней. До тех пор, пока будут продолжаться лжеболезни, будут продолжаться появляться и лжеврачи. Если удалить старые, ложные методы, пустят побеги новые. В мире есть столько способов лечения, но невозможно решить, какой из них правилен; все они претендуют на успех в излечении болезни. И их претензии правомочны – они действительно излечивают болезни. Чем глубже мы проникаем в человеческую психику, тем яснее становится, что болезнь существует где-то в человеческом уме. До тех пор, пока болезнь существует в человеческом уме, будет продолжаться существовать и ложное лечение. Поэтому я не столько озабочен тем, чтобы разделаться с ложными методами, сколько тем, чтобы положить конец болезни в человеческом уме. Если исчезает болезнь в человеческом уме, если пробуждается сознание человека, если он становится осознанным, его не будут осаждать раздражающие проблемы. Ты идешь за пеплом не потому, что человек распространяет его в деревне, – нет, причина в том, что ты хочешь этот пепел, и именно поэтому этот человек его распространяет. Никто сам по себе не становится твоим лидером – ты и секунды не можешь прожить без лидера, вот почему кто-то должен стать твоим лидером. Избавившись от одного лидера, ты найдешь другого – а если уйти и от него, ты найдешь третьего. Уходя от первого лидера, ты должен понимать, кого ты хочешь в качестве следующего лидера. И поэтому лидеры во всех странах мира прекрасно понимают необходимость партий оппозиции. Они знают наверняка, что, когда людям надоест один лидер, они автоматически выберут другого, а когда им надоест другой, его заменят первым. Вот почему по всему миру распространена двухпартийная политика. Люди везде одинаковы.

Во время последних выборов я был в Райпуре. Мой друг, старожил Райпура, был несколько раз успешно избран в члены парламента, но теперь потерпел поражение. А другой мой друг, который был совершенно неизвестен и лишь недавно обосновался в Райпуре, был избран на его место. Я спросил своего друга, как это произошло, как получилось, что он проиграл, а никому неизвестный пришелец выиграл на выборах?

– Это очень просто, – сказал он. – Люди привыкли ко мне. У этого человека новое лицо; люди его еще не знают. Не беспокойтесь, пусть он только станет знакомой фигурой, и он тоже потерпит поражение. Я должен выждать до тех пор, к тому времени меня снова забудут, и тогда я получу преимущество.

По сути дела, вопрос не в том, чтобы устранить того или иного лидера, чтобы разделаться с тем или иным суеверием – дело не в этом. Вопрос в том, чтобы вызвать в человеке фундаментальные перемены. Научный ум мало заботят суеверия, но суеверия будут существовать до тех пор, пока человек будет удовлетворен своей слепотой. Если человек не готов открыть глаза, слепота неизбежна.

Позвольте мне спросить: кто из нас действительно хочет открыть глаза? Никто не хочет смотреть с открытыми глазами, потому что, если наши глаза откроются, мы сможем увидеть многие истины, которые не хотим видеть. Именно поэтому мы закрываем глаза и видим только то, что хотим. Открывал ли ты когда-нибудь глаза и исследовал ли пристально, что такое жизнь? Смотрел ли ты когда-нибудь на себя открытыми глазами? Этого ты не хочешь делать, потому что тогда ты увидишь ужасающие вещи.

Каждый считает себя абсолютно праведным, Махатмой. Если бы он открыл глаза и посмотрел пристально, то нашел бы, к своему ужасу, что величайший из всех грешников спрятан у него внутри. Он не хочет этого видеть, конечно, потому что тогда ему будет трудно быть Махатмой, и поэтому он закрывает глаза на самого себя. Более того, в этом он пользуется услугами тех людей, которые помогают ему держать глаза закрытыми, – он собирает вокруг себя всех тех людей, которые приходят и говорят ему, какой он великий Махатма. Таким образом, он окружает себя людьми, которые сотрудничают с ним в том, чтобы он оставался слепым.

Есть много замечательных трюков, чтобы окружить себя людьми; в этой области практикуются невероятные мистификации. Один из трюков по привлечению людей заключается в том, чтобы кричать: – Не приходите ко мне! Я не хочу никаких последователей!

На людей этот трюк производит потрясающее впечатление. Они стекаются к этому человеку. Чем более он их отталкивает, тем более великим Махатмой они его считают. Обычно Махатма приветствует людей, но этот машет посохом и прогоняет их. Он не выказывает никакой заинтересованности в ком бы то ни было.

Я слышал о человеке, который годами бродил по пляжу в Калифорнии и стал своего рода достопримечательностью. Его представление состояло в следующем: он был так прост, что, если ему предлагали десятидолларовую купюру и монетку в десять центов, он весело выбирал монетку. Вот такой он был невинный. Из любопытства один человек приходил к нему пять или шесть раз, и всякий раз его окружала толпа. Люди спрашивали:

– Баба, что ты хочешь – это или то?

И он сразу выбирал десять центов, говоря, что ему нравится, как сияет монетка. Люди находили его очень невинным человеком. Любопытному было трудно поверить, что даже через столько лет человек не может опознать десятидолларовую купюру! Это было бы слишком невинно! Однажды вечером, после того, как исчезла толпа, этот любопытный приблизился к нему и сказал: – Я наблюдал за тобой последние двадцать лет, меня изумляет, что эта игра продолжается так долго. Неужели ты действительно не можешь узнать десятидолларовую купюру?

Парень рассмеялся и ответил:

– Я знал, что это десятидолларовая купюра, с самого первого дня, но если бы я это показал, игра тут же прекратилась бы. Не узнавая купюры, я собрал десятицентные монетки у тысяч зрителей. Если бы я узнал ее, тогда это была бы единственная купюра, побывавшая в моих руках, – потому что впоследствии от этих людей я не получил бы больше никаких купюр. Поэтому если я действительно хочу зарабатывать деньги, я должен отвергать богатство – купюры посыплются сами собой. Я прекрасно знаю свое дело; моя работа идет великолепно. За день я собираю у толпы пятьсот долларов. Эта игра наверняка продолжится.

Так называемый Махатма тоже знает цену деньгам, хотя, если с ним заговорить о деньгах, он скажет, что никогда их не касался. Но его ученик, сидящий рядом, будет собирать подношения и класть их в сейф – потому что Махатма никогда не касается денег!

Что поделаешь, если человек хочет оставаться слепым? Найдется ли кто-нибудь достаточно глупый для того, чтобы что-то сделать с этим человеком? Этот парень на пляже не является причиной этой истории. Вред причиняют те люди, которые к нему приходят. Именно из-за них бедный парень должен ломать эту комедию. Позвольте мне сказать, что если бы он этого не делал, тоже самое делал бы кто-то другой. Люди глупы: где только могут, они будут делать то же самое, что и с этим парнем; они хотят, чтобы кто-то вырывал у них деньги. Поэтому такие вещи будут продолжаться. Им можно положить конец, лишь разрушив человеческую глупость.

Поэтому не слишком беспокойся о том, чтобы разрушить цепи суеверия, потому что, если человек, который закован в эти цепи, останется прежним, он сделает новые. Он не может жить без цепей. Человек такого типа будет создавать новые цепи. Все религии изо всех сил пытаются разбить эти цепи, и каждая религия создает новые – поэтому все остается в прежнем виде. Мир

видел столько религий! Все они были основаны, чтобы произвести реформы; все они провозглашали свое намерение низложить все преобладающие суеверия, но в процессе разрушения суеверий ничто в действительности не разрушается. Конечно, те, кто пресытился старыми суевериями, заменяют их новыми, и они очень радуются тому, что произвели перемены.

Фактически, разумный человек никогда ни за что не держится – даже за какие-либо верования, не говоря уже о суевериях. Он живет разумно; он ни на что не опирается. Он не создает никаких цепей, потому что он знает безмерную радость жизни в свободе. Не создавай никаких цепей.

Поэтому настоящий вопрос в том, чтобы разбудить в каждом индивидууме достаточно сознания, чтобы создать в нем желание стать свободным, разумным, состоявшимся, полным осознанности. Если склонность жить слепо, – быть последователем, сторонником, верующим, – если эта склонность может быть уменьшена, все суеверия развалятся на части. Но в таком случае дело не в том, что суеверия одного рода сломлены, а суеверия другого рода уцелели, – развалятся они все; они уйдут все сразу. В противном случае они будут всегда.

Вот что нужно понять: ничто не происходит просто путем перемены одежды. Пусть каждый носит, что ему нравится. Если кому-то нравится носить одежду цвета охры, ну и пусть, зачем его останавливать? Если кому-то нравится носить черную одежду – ну и пусть. Вот что нужно понять человеку: перемена одежды не равняется перемене в жизни человека. Как только это понято, нет необходимости менять одежду, потому что человек, который заставит тебя изменить одежду, тотчас же заменит ее на одежду другого рода.

Саньясин в одежде цвета охры пришел к Ганди и сказал, что его очень впечатляют его идеи и он тоже хотел бы служить стране. То, что сказал ему Ганди, было в высшей мере значительным. Он сказал:

– Это прекрасно, но сначала ты должен отказаться от своей одежды цвета охры, потому что это станет на пути твоей работы. Обычно люди служат тем, кто носит оранжевое, – вместо того, чтобы они служили им.

Это было полной правдой. Но зачем Ганди, заставив его отбросить оранжевую одежду, заставил его носить одежду кхади, из домотканого хлопка?

Те, кто носит кхади, делают такие вещи, которые даже люди в охре не делали раньше никогда. Что это изменило? Люди, носящие кхади, принимают служение других. Бедные люди, одетые в охру, никогда не принимали столько служения от других, как те, кто носит кхади. Кхади обошлось этой стране очень дорого. Саньясин был очень доволен, что его суеверия относительно оранжевой одежды были отброшены, – но теперь он носит кхади; теперь он держится за суеверие кхади. Какая разница?

Настоящий вопрос не в том, чтобы позволить людям отбросить одно и заставить их перенять другое. Вопрос в том, чтобы прийти к пониманию самой ментальности, которая продолжает держаться за эти вещи. Ганди не обострил разум этого человека; он остался таким же глупым, каким был всегда. Он заставил человека переменить одежду, и этот человек чувствует себя от этого очень счастливым. Но что это изменило? Именно так всегда и бывает.

Последние пять тысяч лет история человечества была историей великих бедствий. В своих попытках разрушить суеверия мы так и не изменили самого человека, мы просто расправляемся с суеверием – но затем человек создает новые суеверия. Что бы мы ни предложили, он набрасывается на это:

– Отлично, – говорит он, – пусть будет так. Я отброшу старое суеверие и уцеплюсь за это новое!

И мы чувствуем себя очень счастливыми, потому что он принял "наше" суеверие.

Ко мне пришел один молодой человек. Днем и ночью он говорил о писаниях. Он знал наизусть Упанишады, Гиту и Веды. Я сказал ему:

– Прекрати эту чепуху. Ты ничего от этого не выиграешь!

Он очень рассердился на меня, но все же продолжал приходить ко мне. Тот, кто на тебя злится, никогда не перестанет к тебе приходить, потому что гнев тоже приносит своего рода отношения. Он, несомненно, был зол на

меня, но все же продолжал приходить. Со временем, слушая меня все больше и больше, он почувствовал, что нечто в нем затронуто. Однажды он пришел ко мне и сказал: - Я взял в охапку Гиту, Упанишады и Веды и бросил их в колодец.

- Когда я говорил тебе выбрасывать их? - спросил я.

- Я должен был освободить полку, чтобы создать пространство для твоих книг. Теперь я полностью согласен с твоими книгами, - сказал он.

- Но это еще более осложнило вещи, - сказал я. - Ничто не изменилось. Я просто предлагал тебе не соглашаться с книгами. Я никогда не просил тебя выбрасывать свои книги и бросаться на мои. Что это меняет?

Так называемые гуру очень довольны, если люди перенимают их суеверия. Именно так - хотя суеверия и продолжают меняться, человек остается суеверным.

Поэтому я сказал этому молодому человеку выбросить мои книги в тот же самый колодец.

- Как я могу? - сказал он. Он утверждал, что никогда не смог бы этого сделать.

- Значит, все осталось по-прежнему, - сказал я. - Теперь моя книга стала твоей Гитой. Что плохого в бедной Гите Кришны? Если тебе что-то нужно с собой таскать, Гиты было достаточно - она служила своей цели. Она была гораздо толще моей книги; она придавала тебе достаточно веса. Что теперь изменилось? Разве я когда-нибудь ругал Кришну? Разве я когда-нибудь сказал, что Кришна в чем-то провинился?

Именно так всегда и было - и бывает. Вот что происходит: человек остается прежним, меняются лишь его игрушки.

- Да, если кто-то берет мою игрушку, это хорошо; я рад, что наконец-то кто-то воспринял мою идею. Мое эго находит удовлетворение, видя, что кто-то другой начал верить в меня больше, чем в Кришну. Но это не приносит никакой перемены человечеству; человечество никогда не может от этого выиграть. Что нам нужно - так это позаботиться о том, как разрушить изнутри эту человеческую ментальность, которая хватается за вещи. Как человеку преодолеть свою слепоту?

Я предлагаю этому другу: не занимайся разрушением суеверий; вместо этого измени суеверный ум. Измени тот ум, который вскармливает суеверия, чтобы смог родиться новый человек. Но это тяжелая задача; для этого нужно великое усилие. Это непростая работа. Для выполнения этой работы требуется очень научный подход. Не спеши отрицать существование привидений и злых духов. Они гораздо более реальны, чем ты сам. В их существовании нет лжи - но тебе придется это установить путем исследования. И часто происходит так, что те, кто боится привидений, тоже начинают отрицать их существование. Они говорят это не потому, что они узнали. Единственная причина в том, что они выдают желаемое за действительное - они не хотят, чтобы существовали привидения, потому что, если привидения есть, будет страшно ходить по темной аллее, и поэтому они громким голосом продолжают повторять:

- Привидений нет. Абсолютно! Это суеверие; и мы разрушим это суеверие!

Так они на самом деле говорят, что они очень боятся привидений. Если действительно есть привидения, это причинит им массу проблем, поэтому прежде всего они не должны существовать - это желание. Такой ум никогда не сможет заставить привидения перестать существовать.

Если привидения есть, они есть. Верить ли ты в это или нет - не имеет значения. То что есть - есть, и лучше это исследовать - потому что все сущее связано с нами тем или иным образом. Это неизбежно. Поэтому уместнее понять их, узнать их, найти способы установить с ними контакт, выяснить, как взаимодействовать с ними. Это непростая задача. Пустое пространство, которое ты видишь между собой и кем-то другим, не обязательно пусто. Может быть, там кто-то сидит. Но идея о том, что там кто-то сидит, может тебя испугать, поэтому мы не оставляем пустых мест, мы держимся вместе. Мы всегда боимся пустого пространства, вот почему мы наполняем наши комнаты мебелью, календарями, изображениями богов и богинь, чем угодно. Находясь в пустом пространстве, находясь в пустом

доме, мы пугаемся. Мы наполняем дом людьми, мебелью, чтобы не осталось никакого пустого пространства. Но даже тогда остается множество пустого пространства, которое не совсем пусто. И у него есть собственная наука. Если человек хочет работать в этом направлении, это можно сделать. Человек может систематически работать над этим – это независимая наука; в ней есть свои законы и методы. Тем не менее, прежде чем начать работать в этой области, никогда не говорите, что эти вещи существуют или не существуют. Лучше воздержаться от суждений и на некоторое время отложить свои заключения в сторону – просто говорить, что ты не знаешь. Если тебя спрашивают, есть ли привидения, для научного ума характерным будет ответить:

– Я не знаю, потому что в эту сторону я еще не смотрел. Кроме того, я еще не смотрел в себя, как тогда мне установить, есть ли привидения? Я еще не смог найти даже себя! Поэтому никогда не торопись отвечать "да" или "нет". Тот, кто дает тебе быстрый ответ, подозрителен. Продолжай думать, продолжай исследовать. Разумный человек фактически всегда отвечает с большой неохотой. Однажды кто-то спросил у Эйнштейна, как он отличил бы научного человека от суеверного. Эйнштейн ответил:

– Если вы зададите суеверному человеку сто вопросов, он даст сто один ответ, если вы зададите сто вопросов ученому, он объявит себя абсолютно невежественным в девяноста восьми из них. Об оставшихся двух он скажет: "Я немного знаю, но это знание не предельно; завтра оно может измениться".

Помните, научный ум – это единственный невинный ум. Суеверный ум не невинен. Но по видимости он кажется своей противоположностью. Суеверный ум выглядит очень простым, но это не так; он очень сложный и коварный. Величайшее коварство суеверного ума в том, что он утверждает вещи, ничего не зная о них. Человек с таким умом ничего не знает даже о камне, который лежит на его пороге, но имеет навязчивую идею, доказывая, что его бог прав, а твой бог не прав, и он пойдет и будет убивать людей. Если он не может объяснить даже, что такое камень... А если он не может доказать, что его камень мусульманский или индуистский, как же он сможет доказать, что бог мусульманский или индуистский? Он пойдет убивать людей! И помни, обращение к насилию показывает, что причины таких действий коренятся в суеверии.

В вещах, о которых доступно знание, дело никогда не доходит до драки – это невозможно. Везде, где бы ни существовал конфликт, не сомневайтесь, это суеверие – потому что суеверный человек хочет путем конфликта доказать, что он прав; других средств нет. Если человек бросается на меня и прикладывает к моему горлу меч – "Скажи, что я прав, или я отрублю тебе голову", – он может отрубить мне голову, конечно, но это не доказывает его правоту. Никто никогда не мог доказать свою правоту, отрубив другому голову. Даже если все мусульмане соберутся и зверски убьют всех индуистов, этим они никогда не докажут, что правы, – точно так же, как индуисты никогда не докажут, что они правы, если они соберутся и зарежут всех мусульман. Они просто покажут свою глупость, ничего больше. Разве когда-нибудь меч доказал чью-то правоту? Но это единственное средство, доступное суеверному человеку. Какие еще средства он может использовать, чтобы сказать, что то-то и то-то правильно? У него нет никакой концепции, он никогда не исследовал; у него нет никаких доказательств; у него нет никакого направления. Он знает только одно: сила права.

Это делает каждый, это делает весь мир. Я не говорю, что такими актами насилия занимаются только религиозные лидеры; политики ничем не отличаются от них. Правота России или Америки будет установлена с использованием водородных бомб – очевидно, никаких других средств нет. Это глупость точно такого же рода. Разве можно так решить, кто из них прав? Как можно таким образом определить, кто из них прав? Как определить, прав Маркс или нет? При помощи меча? Сбросив водородную бомбу? Чья это будет бомба? Это придется определить с помощью мысли, – но человек еще не свободен мыслить, он еще скован суеверием.

Поэтому помни, я настаиваю не на том, чтобы разбивать цепи, а на том, чтобы разделаться с суеверным умом, который создает эти цепи. Если этот ум продолжает существовать, не важно, сколько цепей ты разобьешь, - он создаст новые. И помни, новые оковы гораздо более привлекательны, гораздо более любимы, за них больше хочется держаться. Помни всегда и то, что новая цепь всегда крепче старой, потому что наше умение делать цепи тоже стало более развитым, более продвинутым. Мне часто приходит в голову, что те, кто занимается разбиванием суеверий, преуспевают лишь в том, чтобы снабжать людей гораздо более стойкими суевериями в качестве замены для износившихся, - ничего больше они не делают. Именно суеверный ум должен быть отброшен, или он будет продолжать выводить новые суеверия. Стань рациональным, и убеди других тоже мыслить рационально. Быть рациональным - значит думать, исследовать, задавать вопросы. Говори только после того, как получил нужный опыт, и все же с готовностью признавай, что твой опыт не обязательно истина в последней инстанции. Завтра люди могут получить другие опыты. Может быть, тебе даже придется пройти через разные опыты, и нельзя сказать определенно, что то, что ты испытал как опыт, не было галлюцинацией. Поэтому, пока этот опыт не был подтвержден множеством опытов, лучше о нем ничего не говорить. Вот почему ученые, проводя эксперимент, повторяют опыт тысячу раз, заставляют тысячу других людей сделать это, и только тогда приходят к какому-то заключению. И даже тогда он не достигает окончательного заключения. Человек, который хочет достичь заключения в спешке, никогда не думает. Человек, который спешит достичь окончательного заключения, неизбежно наполняется суевериями. А мы все очень спешим. Друг в своем вопросе сформулировал все, что ищет все человечество и чего оно так и не смогло найти!

Он спрашивает:

Существует ли Бог? Что такое дживатман, индивидуальная душа? Где Мокша? Кто создал небеса? Есть ли ад? Почему человек появился на земле? В чем цель жизни?

Он так торопится, что хочет знать все и обо всем немедленно. Если человек так торопится, он обязательно станет суеверным. Для поиска нужно огромное терпение, чрезвычайное терпение - мы будем продолжать искать независимо от того, найдем ли то, что ищем, в одной жизни. Фактически, для того, кто рационален, важно не достижение - важен поиск. Для человека суеверия важно достижение, а поиск совершенно не важен. Суеверный человек рвется узнать, как достигать. "Где Бог?" - спрашивает он. Он не слишком заботится о том, чтобы сначала установить, есть ли Бог. Ему не интересно искать Бога; это не его стихия. Он говорит: "Найди Его и затем покажи Его мне". Вот почему он ходит и ищет гуру. И каждый, кто ищет гуру, неизбежно в конце концов окажется суеверным. Он не может этого избежать. Фактически, поиск гуру подразумевает: "Ты нашел, а теперь, пожалуйста, покажи нам. Если ты нашел, то какой смысл искать нам? Мы склоняемся к твоим ногам. Пожалуйста, дай нам то, чего ты уже достиг". Идея в том, чтобы кто-то положил руку тебе на голову и дал тебе реализовать Бога. Поэтому люди бродят вокруг, принимая мантры, становясь посвященными, платя взносы, массируя ноги, служа в надежде, что то, чего достиг кто-то другой, может стать их собственным. Этого никогда не может случиться. Это явственно свидетельствует о суеверном уме. Достижения кого-то другого никогда не станут твоими. Кто-то другой отправился в поиск и нашел - а ты хочешь получить это даром? И помни, если этот человек искал, то в процессе поиска он осознал наверное, что никто не находит путем поиска, путем вопрошания. Поэтому он не будет даже создавать никаких учеников. Те, кто гонится за учениками, просто еще не достигли самих себя. Они цепляются за какого-то другого, вышестоящего гуру. В длинной цепи гуру каждый надеется что-то получить от другого. Многие гуру уже мертвы, и все же люди цепляются за них, в надежде, что им что-то дадут. Долгая цепь мертвых гуру уходит на тысячи и миллионы лет в

прошлое, и все они цепляются друг за друга в надежде, что кто-то им что-то даст. Это признак суеверного ума.

Вот характеристика ищущего ума, признак рассудительного ума:

- Если есть Бог, я буду его искать. Если я добьюсь успеха, тогда это станет моей заслугой, моим правом от рождения. Если я когда-нибудь его найду, тогда это произойдет из преданности всей моей жизни, из моей жертвы, из моей медитации. Это будет плодом моего усилия.

И помни, если бог действительно доступен бесплатно, рационально мыслящая индивидуальность откажется от него. Она скажет:

-Неправильно принимать нечто, не явившееся результатом моих собственных усилий. Я достигну только своими собственными усилиями.

И имей в виду: есть определенные вещи, которых можно достигнуть только собственными усилиями. Бог - это не одна из тех вещей, которые продаются на рынке, не объект ширпотреба, который везде можно купить. Истина - это не один из тех предметов, которые продают в универсальных магазинах, куда ты можешь прийти и купить ее. Но такие магазины открыты. Есть магазины, есть базары, есть распродажи, снабженные табличками: "Здесь Доступна Настоящая Истина". Даже истина бывает настоящего и ненастоящего вида! На каждом магазине висит вывеска: "Здесь живет настоящий мастер. Все остальные мастера поддельны; они живут где-то в другом месте. Это единственный подлинный магазин. Покупайте у нас! Дайте нам шанс оказать вам услугу!" И когда вы входите в один из этих магазинов, продавец не даст вам легко уйти. Весь этот бред является порождением суеверного ума. Я хотел бы вам сказать: верьте в поиск, не в прошение милостыни. Вы достигнете Божественного не прося милостыню, но познавая. Никогда и нигде не верьте тому, что говорят другие. Может быть, кто-то достиг, конечно, это возможно - поэтому не нужно и не верить, это тоже суеверие. Ни верьте, ни не верьте. Если к вам приходит кто-то и говорит, что достиг Божественного, скажите:

- Поздравляю. Бог был очень сострадателен к тебе, позволив тебе найти его. Но, пожалуйста, окажи мне любезность и не показывай его мне, позволишь и мне найти его, иначе я останусь калекой.

Если тебя доведут до точки назначения, к которой уже кто-то пришел, ты придешь туда калекой. Ноги становятся сильнее, когда ты идешь. Достичь точки назначения не так важно. Что действительно важно - путешественник в пути становится сильнее. Достижение не так важно, как трансформация того, кто этого достиг.

Бог, знания или мокша - это не вещь из магазина готового платья. Это плод подношения всей жизни человека, усилия всей жизни и садханы. Это подобно истинному цветку, который приходит лишь сам собой, а если ты пойдешь на рынок, то купишь лишь пластмассовые цветы. Их хватит надолго. Тебе только нужно вытирать с них пыль - их хватит надолго, и они создают видимость. Но кого они обманут? Пластмассовые цветы могут обмануть других - они обманут тех, кто идет по улице, они могут подумать, что у тебя в окне настоящие цветы, но тебя они не могут обмануть, потому что ты сам их принес. Чтобы получить настоящие цветы, человек должен посеять семена, человек должен приложить усилие, человек должен вырастить растение. Тогда сами собой распускаются цветы - их не приносят. Опыт высочайшего подобен цветку, а садхана человека - это растение. Заботься о растении, и цветок придет сам собой. Но мы торопимся. Мы говорим: - Забудь о растении. Дай нам только цветок! Иногда, когда дети идут в школу на экзамен, они не решают арифметические задачи, а просто подсматривают ответ в конце учебника и пишут его. Хотя данный ответ абсолютно правилен, он и совершенно ошибочен. Как ответ человека, который не следовал методу, может быть правильным? Его ответ абсолютно правилен, он написал "5", и те, кто последовал методу, написали "5". Но ты видишь разницу в ответах, данных теми, кто последовал методу, и теми, кто украл их с последней страницы учебника. И какое значение имеет, украли ли они его с последней страницы учебника или из Гиты и Корана?

Оба они дали один и тот же ответ, это не один и тот же ответ; есть фундаментальная разница. Настоящий вопрос не в том, чтобы найти ответ,

настоящий вопрос не в том, чтобы прийти к "5", настоящий вопрос в том, чтобы научиться приходить к этому ответу, ведь человек, который заглянул на последнюю страницу учебника, этому не научился. Он не научился арифметике. Если ты научился чему-то где-то, если ты получил что-то от кого-то, если ты услышал что-то от кого-то и схватился за это, - тогда такой бог украден с последней страницы учебника. Тогда такой бог лишен жизни, мертв, бесполезен, никуда не годится, не живет. Живая религия приходит в существование путем проживания ее, не посредством кражи с последней страницы учебника.

Все мы воры. Мы ругаем маленьких детей, предупреждаем их, чтобы они не воровали. Учитель тоже объясняет, что его студенты не должны подсматривать ответы в конце учебника, что они не должны ни у кого списывать, - но если бы он спросил самого себя, не украдены ли и его ответы, оказалось бы, что и все его ответы тоже украдены. Так называемый гуру - это вор, учитель - это вор, ученик - это вор. Все ответы в жизни украдены. Человек никогда не может найти мир или блаженство в украденных ответах. Он достигает блаженства, проходя через процесс, в котором цветы ответа расцветают изнутри. Они не заимствованы. ЛЮБОВЬ ОПАСНА

Друг спросил:

Почему мы вообще должны думать о смерти? У нас есть жизнь, давайте ее жить. Давайте жить в настоящем. Зачем привносить мысли о смерти?

Он задал правильный вопрос. Но сама его постановка:

"Зачем привносить идею смерти?" или: "Давайте жить и не думать о смерти" показывает, что даже он не может избежать мыслей о смерти. Смерть - это гигантский факт, который невозможно игнорировать; хотя в течение жизни мы стараемся не думать о смерти - не потому, что о смерти не стоит думать, но потому, что сама эта мысль так ужасна. От самой мысли: "Я умру" у нас мороз идет по коже. Конечно, она испугает тебя, когда ты будешь умирать, но даже раньше - если эта идея завладеет твоим умом - она потрясет тебя до самых корней.

Человек всегда пытался забыть о смерти, старался о ней не думать. Мы построили всю свою систему жизни таким образом, чтобы смерть не была заметной. И человеческие планы, и попытки фальсифицировать смерть кажутся успешными, но они никогда не успешны - потому что смерть есть. Как от нее бежать? Куда бежать? Даже убегая от нее, рано или поздно ты в конце концов прибежишь к ней. Куда бы ты ни бежал, какое бы направление ты ни принял, в конце концов ты окажешься там. С каждым днем она становится все ближе - думаешь ты об этом или нет, бежишь ты от нее или нет. Человек никогда не может убежать от факта.

Неверно считать, что поскольку смерть случится когда-то в будущем, - зачем о ней думать? Это неверное представление. Смерть не случится в будущем - она уже случается в каждое мгновение. Хотя в будущем она придет к завершению, в действительности она совершается в каждое мгновение. Мы умираем в это самое мгновение. Если мы сидим здесь час, мы час умираем. Чтобы умереть полностью, нам может потребоваться семьдесят лет, и все же этот час будет частью процесса. В течение этого часа мы тоже будем умирать. Не бывает так, что через семьдесят лет человек внезапно умирает; смерть никогда не происходит мгновенно. Это не внезапное событие; это рост, который начинается с рождением.

Фактически, рождение - это первая часть смерти, а смерть - последняя. Это путешествие начинается с рождением. То, что мы называем днем рождения, на самом деле является днем смерти. На это потребуется время, но путешествие будет продолжаться.

Например, человек уезжает из Дварки в Калькутту. Самый первый его шаг, который он совершает, так же помогает ему оказаться в Калькутте, как и последний. Последний шаг будет служить таким же инструментом на пути в Калькутту, что и начальный. И если начальный шаг не может привести его в Калькутту, не сможет и последний. Это значит, что, предприняв первый шаг

в сторону Калькутты, он начал к ней приближаться. С каждым шагом Калькутта становится ближе и ближе. Можешь сказать, что на то, чтобы прибыть в Калькутту, ему потребовалось, скажем, шесть месяцев, но лишь потому, что он начал путешествие шесть месяцев назад, он смог прибыть туда через шесть месяцев.

Второе, что я хотел бы сказать: не думай, что смерть где-то в будущем, смерть присутствует каждое мгновение.

Что такое будущее? Это полная сумма всех наших настоящих. Мы продолжаем их складывать. Похожим образом мы нагреваем воду. На первом градусе вода нагрелась, но еще не превратилась в пар. То же самое происходит, когда она нагревается до двух градусов. Вода превратится в пар, когда нагреется до ста градусов; однако она начала приближаться к переходу в пар с самого первого градуса, затем нагрелась до двух, до трех и так далее. Но даже при температуре девяносто девять градусов она не превратится в пар; это случится только при ста градусах. Тебе никогда не приходило в голову, что сотый градус – это такой же градус, как и первый? Путешествие от девяносто девятого градуса к сотому такое же, что и путешествие от первого ко второму – разницы нет. Поэтому тот, кто знает, предупредит тебя, что с самого первого градуса вода превращается в пар – хотя ты и не видишь, как вода превращается в пар. Конечно, ты можешь говорить, что вода нагревается, но где же пар? Мы можем обманывать себя до девяноста девяти градусов и говорить, что вода не превращается в пар, но в точке ста градусов она обязательно станет паром. Каждый градус будет подводить ее ближе к точке кипения.

Поэтому бесполезно пытаться спастись от смерти или откладывать ее, говоря, что смерть в будущем. Смерть происходит в каждое мгновение; мы умираем каждый день. На самом деле нет практически никакой разницы между тем, что мы называем жизнью, и смертью. То, что мы называем жизнью, – это лишь другое название для постепенного умирания. Я не предлагаю думать о будущем, я говорю: "Наблюдай то, что уже происходит сейчас. Я даже не прошу тебя думать".

Этот друг спросил: "Зачем думать о смерти?" Я не предлагаю думать. Мышление никуда тебя не приведет. Помни это: ни один факт не может быть познан посредством мышления. Фактически, мышление – это способ фальсификации фактов. Если ты начинаешь думать, глядя на цветок, ты никогда не узнаешь цветок, потому что чем более ты движешься в мышление о нем, тем дальше от него ты будешь. В мыслях ты уйдешь вперед, тогда как цветок останется там, где был. Что общего у цветка с тем, что ты о нем думаешь? Цветок – это факт. Если хочешь узнать цветок, не думай о нем – смотри на цветок.

Есть разница между мышлением и видением – и эта разница важна. Запад делает огромный акцент на мышлении. Вот почему он назвал свою науку мышления философией. Философия означает концептуальное мышление. Мы называли ту же самую науку даршаном. Даршан значит "видеть"; даршан. не значит "мыслить". Здесь нужно кое-что понять. Мы называли это даршаном, а они называли это философией, и между ними двумя есть фундаментальная разница. Те, кто принимает философию и даршан за синонимы, ничего не знают. Это не синонимы. Вот почему нет ничего подобного восточной философии или западному даршану.

У Запада есть наука мышления – она состоит из исследования, логики, анализа. Восток заботился совсем о другом. Восток нашел, что есть определенные факты, которые никогда не могут быть познаны посредством раздумий о них. Эти факты нужно увидеть, нужно прожить. А между проживанием и продумыванием есть огромная разница.

Человек, который думает о любви, может написать о ней трактат, но влюбленный проживает ее, видит ее, хотя он и не может написать о ней трактат. И если кто-то просит влюбленного сказать что-то о любви, может быть, он злкроет глаза, по его лицу покатятся слезы, и он скажет:

– Пожалуйста, не спрашивайте. Что я могу сказать о любви?

Человек, который думает о любви, будет объяснять ее часами, даже ничего не зная о ней.

Мышление и видение – это два совершенно различных процесса. Поэтому я не говорю, что ты должен думать о смерти. Ты никогда не сможешь узнать смерть, думая о ней. Тебе придется ее увидеть. Вот что я говорю: есть смерть, прямо сейчас, у тебя внутри, и тебе придется ее увидеть. То, что я называю "я", все время умирает. Это явление смерти нужно увидеть, это явление смерти нужно прожить, нужно принять это явление смерти: "Я умираю, я умираю".

Мы изо всех сил пытаемся фальсифицировать смерть; мы изобрели тысячи способов сделать ее ложной. Конечно, мы можем закрасить седые волосы, но это не доказывает ложность смерти – она неизменно приходит. Даже под нанесенной краской волосы остаются седыми. Они показывают, что смерть становится ближе, что она придет наверняка. Как мы можем ее фальсифицировать? Сколько бы мы ни продолжали ее фальсифицировать, это не имеет значения – она приближается неустанно. Единственная разница в том, что мы боимся узнать об этом. Вот что я спрашиваю: как может человек, который еще не узнал даже смерть, узнать, что такое жизнь? Я утверждаю: смерть находится на периферии; жизнь – в центре. Если мы не знаем даже периферии, как мы можем когда-нибудь узнать центр? И если мы убегаем от периферии, то никогда не приблизимся к центру. Если ты пугаешься стен, которые составляют внешние пределы дома, как ты войдешь во внутренние покои? Смерть – это периферия, а жизнь – храм в ее центре. Убегая от периферии, мы также бежим и от жизни. Человек, который узнает смерть, раскрывает ее и постепенно начинает понимать и жизнь.

Смерть – это врата к познанию жизни. Избегать смерти – значит избегать и жизни. Поэтому когда я говорю: "Познай смерть", пойми факты, –я не прошу тебя думать.

Есть еще одна интересная вещь, которую нужно понять. Думать – значит повторять в уме то, что мы уже знаем. Мышление никогда не оригинально – хотя мы обычно говорим, что мысли такого-то и такого-то человека очень оригинальны. Нет; мысль никогда не оригинальна. Мысли никогда не бывают оригинальными. Даршан, видение, может быть оригинальным.

Мысли всегда избиты. Если я попрошу тебя подумать об этой розе, что ты подумаешь? Ты просто повторишь то, что уже знаешь о розе. Что тебе еще делать? Что ты еще можешь сделать при помощи мышления? Может ли в твоих мыслях появиться хоть один неизбитый и оригинальный взгляд на розу? Как это может быть?

Мышление – это не что иное, как повторение мыслей. Ты можешь сказать: "Роза очень красивая", но сколько раз ты слышал это раньше? Сколько раз ты это читал? Или ты можешь сказать: "Цветок очень свежий" –но и это избито, сколько раз ты это читал? Куда годятся мысли? Как тебе войта в сущность розы, думая о ней? Мышление может привести тебя только к тому, что есть о розе в твоей памяти. Вот почему мышление никогда не оригинально. Никогда не бывает оригинальных мыслителей – только оригинальные видящие.

Первое условие видения розы в том, что смотрящий не должен думать. Он должен удалить мысли из памяти; он должен стать пустым и в это мгновение жить с розой. Пусть с одной стороны будет цветок, с Другой –ты, и между Вами не будет ничего – ни того, что ты слышал, ни того, что та читал, ни того, что та когда-либо узнал. Никакой твой прошлый опыт не должен становиться между вами. Между вами не должно быть ничего. Лишь тогда неизвестное, покоящееся внутри розы, начнет входить в твое существо. Не найдя между вами преграды, оно войдет, и тогда ты не будешь чувствовать, что хочешь познать розу, ты будешь чувствовать, что стал с розой одним. Тогда ты познаешь цветок с внутренней стороны.

Видящий проникает в объект, тогда как мыслитель бродит кругами снаружи – и поэтому мыслитель ничего не достигает; достигает лишь видящий. Видящий проникает внутрь, потому что между ним и объектом не остается стены – стена крошится и исчезает.

Однажды Кабир попросил своего сына Камалья пойти в лес и принести немного сена для их скота. Камаль сделал, как ему сказали. Он ушел рано утром, и,

когда солнце вошло в зенит, а он все еще не вернулся, Кабир стал беспокоиться. Когда день стал клониться к вечеру, никаких следов Камаля все еще не было. Кабир обеспокоился еще сильнее. Вскоре наступил вечер, солнце вот-вот должно было сесть, и в конце концов Кабир в сопровождении нескольких своих последователей отправился на розыски Камаля.

Придя в лес, они обнаружили, что Камаль стоит с закрытыми глазами в густой траве, раскачиваясь, как травинка на ветру. Кабир подошел, потряс его и спросил:

- Что ты здесь делаешь?

Камаль открыл глаза, понял, что произошло, и тут же попросил прощения.

Кабир сказал:

- Что ты здесь делал так долго? Уже поздно!

- Извини, - ответил Камаль, - но коща я сюда пришел, вместо того, чтобы косить траву, я стал на нее смотреть. И просто глядя на нее, - не знаю, как это произошло, - я тоже стал травинкой. Приближался вечер, и я продолжал стоять, совершенно забыв, что я Камаль и пришел сюда косить траву. Я стал самой травой. В том, чтобы быть травой, было столько радости, - радости, которой я никогда не испытывал, будучи Камалем. Хорошо, что вы пришли, потому что я не знал, что происходит. Ветер качал не траву, он качал меня - коса и то, что нужно было скосить, исчезли. Ты когда-нибудь видел по-настоящему свою жену, своего сына, с которыми прожил столько лет? Ты их когда-нибудь видел? То, что жена делала вчера, мелькает у тебя в уме, - и эта мысль встает между вами. Ты помнишь, как она бранила тебя, когда ты собирался утром идти на работу, - и снова между вами стоит мысль. Ты вспоминаешь, что она сказала за обедом, - и эта мысль стоит между вами. Ты всегда думал; ты никогда не видел. И именно по этой причине между мужем и женой, между отцом и сыном, матерью и сыном нет связи. Связь начинается, когда прекратилась мысль и начался даршан, видение. Вот когда действительно происходит связь, потому что нет ничего, чтобы ее прервать.

Помни, связь не значит, что есть третий фактор, объединяющий двоих. Пока между двумя есть что-то третье, присутствует и разъединение. То, что соединяет, также и разрывает. В тот день, когда ничего не соединяет, когда остаются только двое, ничего не остается между ними - фактически, в тот день остается лишь одно; двух больше нет.

Связь не значит, что кто-то соединяет вас, связь означает, что между тобой и другим человеком ничего нет - даже чтобы вас связывать. В ней два потока исчезают и сливаются друг с другом. Это любовь. Видение ведет тебя в любовь; видение является источником любви. А человек, который не любил, никогда ничего не познал. Независимо от того, что он искал, он познавал это только через любовь. Поэтому, когда я говорю, что должна быть познана смерть, я имею в виду, что мы должны любить и смерть. Нам придется увидеть смерть. Но человек, который боится смерти, который избегает ее, - как он может любить смерть, как он может получить ее даршан, как он может когда-нибудь увидеть смерть? Когда смерть явится перед ним, он повернется к ней спиной. Он закроет глаза; он никогда не позволит смерти явиться перед ним - лицом к лицу. Он боится, он испуган; вот почему он вообще не способен ни увидеть смерть, ни любить ее. А если человек еще не полюбил смерть, как он может любить жизнь? Ведь смерть - это очень поверхностное событие, а жизнь - более глубокое. Если человек отвернулся на первом же шагу, как он может достичь глубоких вод колодца?

Вот почему я говорю, что смерть нужно прожить, познать, увидеть. Тебе придется влюбиться в нее; тебе придется заглянуть ей в глаза. А как только человек заглядывает в глаза смерти, начинает ее наблюдать, проникать в нее, он поражен. К своему изумлению, он обнаруживает: "Какая великая тайна скрыта в смерти! То, что я считал смертью и от-чего бежал, на самом деле является источником высочайшей жизни". Поэтому я говорю: охотно войди в смерть, чтобы достичь жизни.

Есть невероятное высказывание Иисуса. Иисус сказал: "Спасший себя погибнет; но того, кто стер себя, не может уничтожить никто. Лишь тот, кто потеряет себя, найдет, а тот, кто спасет себя, будет потерян". Если

семя желает себя сохранить, оно не сможет - что же еще? Если семя уничтожает себя, исчезает, оно становится деревом. Смерть семени становится жизнью дерева. Если бы семя защищало себя со словами: "Я боюсь - я могу умереть. Я не хочу исчезать. Почему я должно исчезать?" -такое семя обречено на гниение. В этом случае оно даже не останется семенем, не говоря уж о том, чтобы вырасти в дерево. Мы сжимаемся от страха смерти. Я хотел бы сказать еще одну вещь, которая, возможно, раньше не приходила вам в голову. Только у того, кто боится смерти, есть эго, потому что это означает сжатую личность, твердый узел. Тот, кто боится смерти, сжимается внутри. Каждый в страхе смерти должен сжаться внутри, а каждый, кто сжимается, превращается в узел. Внутри этого человека создается комплекс. Чувство "я" - это чувство человека, боящегося смерти. Человек, который проникает в смерть, который не боится смерти, который не бежит от нее, который начинает проживать ее, - его "я" исчезает, его эго исчезает. А когда исчезает эго, остается только жизнь. Можно сказать это так: умирает только эго, не душа. Но поскольку мы продолжаем оставаться эго, возникает большая трудность. Фактически, только эго может умереть; только для эго есть смерть - потому что оно ложно. Ему придется умереть. Но мы цепляемся за него.

Например, в океане возникает волна. Если волна хочет выжить, она не может выжить как волна; она обречена на смерть. Как может волна выжить в качестве волны? Она умрет. Если, конечно, она не станет льдом. Если она станет плотной, тогда она может выжить. Но все же в выживании такого рода волны больше нет, остается лед - лед, в который превратилась волна, закрытая, отрезанная от океана. Помни: как волна, она не отдельна от океана, она едина с океаном. Как лед, она растает с океаном, отделается, становится твердой. Волна замерзла.

Как волна, она была едина с океаном; однако, если она становится ледяным обломком, она выживет, но тогда она будет отрезана от океана. Сколько она проживет в таком состоянии? Все, что замерзло, обязательно растает. Бедная волна растает немного скорее, богатая волна немного позже - что еще? Солнечным лучам потребуются немного больше времени, чтобы растопить большую волну, тогда как маленькая растает быстрее. Это только вопрос времени, но таяние обязательно произойдет. Волна растает и при этом поднимет много шума, потому что, как только она растает, она исчезнет. Но если волна, снова упав в океан, захотела бы прекратить отдельное существование, не возникло бы и вопроса об исчезновении волны. Тогда исчезает она или остается, она все же существует - потому что она знает: "Я не волна, я - океан". Исчезая как волна, все же она существует - в состоянии покоя. Поднимаясь, она находится в активном состоянии. А покой приносит не меньше наслаждения, чем активное состояние. Фактически, даже больше.

Есть состояние активности и состояние покоя. То, что мы называем самсарой, миром, - это состояние активности, а то, что мы называем мокшей, освобождением, - это состояние покоя. Беспокойная волна бьется и пенится на ветру, а затем снова падает в океан и исчезает. Она по-прежнему существует. Она остается тем же, чем была, и в океане, но теперь она в покое. Чем бы она ни была в океане раньше, тем она и остается, но теперь она в покое. Тем не менее если бы волна хотела утвердить себя как волну, она словно наполнилась бы эго и захотела бы отрезать себя от океана.

Как только ты получаешь представление: "Я есть", как ты можешь вообще быть в покое? Если ты выбираешь быть всем, "я" теряется. Вот почему "я" настаивает: "Отрежь себя от всего остального". И как интересно то, что если ты себя от всего отрезаешь, это делает тебя несчастным. И тогда снова "я" говорит: "Общайся со всем" - такова садистская природа "я". Сначала оно говорит: "Отрежь себя от всего, изолируй себя; ты отличаешься от целого. Как ты можешь оставаться связанным?" И "я" отрывает себя; но тогда оно оказывается в затруднении - потому что, как только оно отделяется от целого, оно становится несчастным; ему приходит конец. Как только волна начинает верить, что она отдельна от океана, она начинает

умирать, приближается ее смерть. Теперь она начнет бороться, чтобы защитить себя от смерти.

Пока она была едина с океаном, смерти вообще не было - потому что океан никогда не умирает.

Помни, океан может быть без волны, но волна никогда не может быть без океана - океан будет присутствовать в волне. Океан, однако, может существовать без волны. Когда волны - неотъемлемые части океана, они существуют в мире и покое. Но в то мгновение, когда волна стремится отделить себя от океана, возникают трудности - она отрезает себя от океана, и начинается смерть.

Вот причина того, что человек, который должен умереть, хочет любить. Причина, по которой все мы - те, кто умрет, - так жаждем любить, в том, что любовь - это очевидный способ соединиться. Вот почему никто не хочет жить без любви и быть несчастным. Каждый ищет любви: кто-то хочет принимать твою любовь, кто-то хочет давать тебе любовь. А для человека, который не находит любви, это становится проблемой. Но задумывались ли мы когда-нибудь, в чем смысл любви?

Любовь - это попытка снова шаг за шагом восстановить, сложив вместе разрозненные части, разрушенную связь с целым. Один вид любви - это попытка реконструировать нашу утерянную связь с целым, добавляя недостающие части. Вот что мы называем любовью. Есть другой род любви, когда мы прекращаем попытки отделиться от целого. Это называется молитвой. Таким образом, молитва - это абсолютная любовь. И она несет совершенно другой смысл. Она не значит, что мы пытаемся объединить фрагменты; она значит, что мы прекратили попытки оторвать себя от целого. Волна объявила: "Я - океан", - и больше не пытается соединиться со всеми остальными волнами.

Помни, сама волна умирает, и окружающие ее волны тоже умирают. Если эта волна попытается общаться с другими, она окажется в затруднении. Вот почему наша так называемая любовь так болезненна - потому что мы пытаемся общаться с другой волной. Эта волна и другая - обе они умирают, и все же они вступают в отношения друг с другом в надежде, что, соединившись вместе, возможно, они смогут себя спасти. Вот почему мы превращаем любовь в средство безопасности. Человек боится жить один. Человек хочет жену, мужа, сына, мать, брата, друга, общество, организацию, нацию. Это труды эго; это попытки того, кто однажды отрезал себя от целого, снова соединиться с ним.

Но все эти попытки объединения приглашают смерть - потому что человек, с которым ты формируешь союз, настолько же окружен смертью, насколько окружен эго... Забавно то, что другой хочет стать бессмертным, соединяясь с тобой, а ты хочешь стать бессмертным, соединяясь с другим. А факт в том, что оба вы умрете. Как вы можете стать бессмертными? Такой союз несет в себе двойную смерть; определенно он не станет эликсиром.

Двое влюбленных так жаждут, чтобы их любовь стала бессмертной, - днем и ночью они поют песни. Целую вечность слагались стихи о любви, которая становится бессмертной. Как могут два человека, каждый из которых умрет, желать вместе стать бессмертными? Союз таких людей только сделает смерть вдвойне реальной, вот и все.

Что еще может произойти? Оба они плавают, тонут, угасают; вот почему они испуганы, встревожены.

Волна создала собственную организацию. Она говорит:

"Я должна выжить". Она создала нации; она создала индуистские и мусульманские секты - волны создают свои организации. Факт состоит в том, что все эти организации исчезнут. Океан внизу - вот единственная организация. И организация океана - это нечто совершенно другое.

Принадлежность к ней не значит, что волна соединила себя с океаном; скорее, волна знает: "Я не отличаюсь от океана". И поэтому я говорю, что религиозный человек не принадлежит ни к какой организации - он не держится за семью, не владеет другом, отцом или братом.

Иисус произнес очень сильные слова. Фактически, лишь те, кто достиг любви, могут говорить такие сильные слова; люди, слабые в любви, не могут

такого сказать. Однажды Иисус стоял на рынке, окруженный толпой. Его мать, Мария, пришла его навестить. Люди стали расступаться перед ней. Кто-то в толпе закричал:

- Дайте дорогу, дайте место матери Иисуса. Пусть она подойдет.

Услышав его, Иисус сказал громким голосом:

- Если вы даете дорогу матери Иисуса, не делайте этого, потому что у Иисуса нет матери.

Мария остановилась, потрясенная. Обращаясь к толпе, Иисус сказал:

- Пока у вас есть мать, отец, брат, вы не сможете приблизиться ко мне. Это было очень жестоко. Нельзя себе представить, чтобы такой человек, как Иисус, такой любящий человек, мог произнести такие слова:

- У меня нет матери. Кто моя мать?

Мария застыла в потрясении. Иисус продолжал:

- Вы называете эту женщину моей матерью? У меня нет матери. И помните, если у вас по-прежнему есть мать, вы не сможете приблизиться ко мне.

В чем тут дело? Фактически, волна, пытающаяся приблизиться, пытающаяся соединиться с другой волной, не сможет приблизиться к океану. Волны, фактически, соединяются друг с другом и создают организации, только чтобы избежать движения к океану. Оставаясь одна, волна больше боится, что может исчезнуть, что она действительно может исчезнуть. Но истина в том, что она всегда исчезает.

Все же несколько волн, собравшись вместе, чувствуют себя немного бодрее - создана некая организация; создана толпа. Именно поэтому человеку нравится жить в толпе; он боится оставаться один. В одиночестве волна полностью предоставлена себе самой - ускользая, падая, исчезая, близкая к исчезновению, чувствуя отчуждение с обеих сторон - с одной стороны от океана, с другой - от других волн. Поэтому она создает организацию, цепь. Отец говорит: "Я исчезну, но это не страшно - останется мой сын". Волна говорит: "Я исчезну, но оставлю маленькую волну - она переживет меня, цепь продолжится, мое имя сохранится". Вот почему отец чувствует себя несчастным, если у него нет сына - это значит, что он не смог достичь бессмертия. Конечно, его не станет, но он хочет создать другую волну, которая продолжилась бы после него, которая по меньшей мере указывала бы на волну, от которой произошла. Поэтому ничего, если исчезнет волна-отец - она оставит за собой другую.

Может быть, вы не замечали, что люди, занимающиеся творческой деятельностью, - художник, музыкант, поэт, писатель - не так озабочены тем, чтобы иметь сыновей, просто потому, что они нашли заменитель. Выживут их картины, выживет их поэзия, выживут их скульптуры; они не хотят сына. Вот почему ученые, художники, скульпторы, писатели и поэты не слишком беспокоятся о том, чтобы иметь сыновей. Нет других причин кроме той, что они нашли сына иного рода. Они создали волну, которая сохранится после того, как их не станет. Фактически, они нашли сына, который проживет дольше, чем ваши дети, потому что, даже когда исчезнут ваши дети, книга писателя останется.

Писатель не очень озабочен тем, чтобы иметь сына, отпрыска. Это не значит, однако, что он беззаботен; это просто значит, что он нашел долгоиграющую волну; он прекращает беспокоиться о меньших волнах. Поэтому он не заинтересован в семье; он создал семью иного рода. Он тоже стремится к той же степени бессмертия. Поэтому он говорит: "Деньги будут потеряны, богатство будет потеряно, но моя работа, мое писание выживет" - и в точности этого он хочет.

Но исчезают и писания. Ни одно писание не остается навсегда, хотя его хватает на несколько более долгий срок. Кто знает, сколько писаний уже утрачено и сколько теряется каждый день? Утрачено будет все. фактически, в мире волн не важно, до каких пределов продлит себя волна, в конце концов все это будет потеряно. Быть волной - значит подлежать вымиранию, - продолжение себя ничего не меняет.

Поэтому если ты смотришь на себя как на волну, то захочешь избежать смерти - ты останешься испуганным, боящимся. Я говорю: смотри на смерть - не нужно ни избегать, ни бояться ее, ни бежать от нее. Смотри на нее. И,

просто смотря на нее, ты найдешь, что то, что казалось с одной стороны смертью, если ты войдешь немного глубже, оказывается жизнью.

Тогда волна стала океаном; ее страх перед исчезновением исчез. Тогда она не хочет стать застывшим льдом. Тогда все отведенное ей время она танцует под небом, радуется лучам солнца, она счастлива. А когда она падает обратно в океан, она в равной мере счастлива в состоянии покоя. Таким образом она счастлива в жизни, счастлива в смерти - потому что знает, что "то-что-есть" никогда не рождается и никогда не умирает. То, что есть, - есть; постоянно меняется только форма.

Мы - волны в океане сознания. Некоторые из нас превратились в лед - большинство из нас. Это подобно льду, оно жестко, как камень. Как поразительно, что жидкость, подобная воде, может стать твердой, как лед или камень. Если в нас возникает желание замерзнуть, сознание - обычно такое простое и текучее - замерзает и становится эго. Мы полны желанием замерзнуть и применяем множество средств, чтобы позаботиться о том, чтобы мы были замороженными, уплотненными.

Есть законы, по которым вода превращается в лед, и также есть законы, которые вызывают формирование эго. Чтобы стать льдом, вода должна остыть, потерять тепло, стать холодной. Чем она холоднее, тем тверже она становится. Человек, который хочет создать эго, тоже должен стать холодным; он должен потерять свое тепло. Вот почему мы говорим: "Теплое приветствие". Приветствие всегда теплое; холодное приветствие бессмысленно.

Любовь значит тепло; холодная любовь не имеет смысла. Любовь никогда не холодна, она содержит тепло. Фактически, жизнь поддерживается теплом; смерть холодна, ниже нуля. Вот почему солнце символизирует жизнь, тепло. Когда оно всходит утром, смерть уходит; все становится теплым и горячим. Цветы распускаются, и птицы начинают петь. Тепло - это символ жизни, холод - символ смерти. Поэтому человек, который хочет создать это, должен стать мертвым, а чтобы стать мертвым, он должен утратить все вещи, которые дают тепло. Он должен лишиться всего, что дает тепло его существу. Например, тепло дает любовь, ненависть приносит холод. Поэтому ради это человек должен отказаться от любви и начать цепляться за ненависть. Жалость и сочувствие приносят тепло; жестокость и безжалостность приносят холод.

В точности как есть законы о замерзании воды, есть законы и о замерзании человеческого сознания. Работает тот же закон: продолжай становиться холодным. Иногда мы говорим, что такой-то и такой-то человек очень холоден - в нем нет тепла; он становится жестким, как скала. И помни, чем теплее человек, тем он проще. Тогда в его жизни есть текучесть, которая позволяет ему течь в других и другим течь в него. Холодный человек становится жестким, закрытым со всех сторон и не может течь. Никто не может в него войти, не может ни в кого войти и он. Это подобно замерзшему льду, а любовь подобна воде, жидкой, текучей. Человек, который боится смерти, бежит от нее. Он будет продолжать замерзать, потому что страх, что он может умереть, исчезнуть, заставит его сжиматься - и его эго сохранится, становясь все жестче, сильнее.

Я несколько дней был в гостях у одного друга. Он довольно богат, у него много собственности. Но меня озадачило одно: он никогда ни с кем не разговаривал по-хорошему; во всем остальном он был хорошим человеком. Я был очень озадачен, видя, что внутри он очень мягок, но снаружи очень тверд. Слуга дрожал перед ним, сын дрожал перед ним, жена боялась смотреть ему в лицо. Прежде чем к нему зайти, все люди должны были хорошо подумать. Даже подойдя к его дверям, они колебались, стоит ли звонить, раздумывая, заходить или нет. Прожив с ним некоторое время и узнав его поближе, я спросил, в чем же дело.

Я сказал:

- На самом деле, ты очень простой человек.

- Я очень боюсь, - ответил он. - Опасно формировать отношения, потому что, если формируются отношения с кем-то, рано или поздно он начинает просить денег. Если оставаться любезным и любящим со своей женой, расходы

резко подсказывают. Если не проявлять твердости к сыну, его карманные расходы будут возрастать. Если мягко разговаривать со слугой, он тоже начнет вести себя как начальник.

Поэтому человек должен окружить себя твердой стеной холодности – это отпугнет жену, это отпугнет сына. Сколько отцов делают это?

Истина в том, что едва ли есть дом, в котором отец и сын подходят друг к другу с любовью. Сын приходит к отцу, когда ему нужны деньги, а отец приходит к сыну, когда хочет прочитать ему проповедь; в противном случае они не встречаются, встреча никогда не происходит. У отца и сына нет точки встречи. Отец боится и окружает себя жесткой стеной. Сын боится; он обходит отца стороной. Между ними нет гармонии. Чем больше человек боится, чем более он обеспокоен своей безопасностью, тем жестче он становится. В текучести больше опасности, незащищенности.

Вот почему мы боимся влюбляться. Лишь тщательно исследовав человека и полностью убедившись в его благонадежности, мы можем влюбиться. Это значит: сначала мы убеждаемся, что от человека не исходит никакой опасности, и лишь затем влюбляемся. Вот для чего изобретен брак – сначала мы женимся, сначала принимаем необходимые меры, затем влюбляемся – потому что любовь опасна. Любовь текуча – это вход в каждого. Опасно влюбиться в незнакомца, потому что ночью он может ускользнуть со всеми твоими ценностями! Поэтому сначала мы точно выясняем, кто этот человек, что он делает, откуда его родители, какой у него характер, какие у него качества. Мы принимаем все меры социальной предосторожности; лишь тогда мы принимаем индивидуальность в браке.

Мы испуганные люди – мы хотим сначала сделать все безопасным. Чем более мы окружаем себя безопасностью, тем жестче и холоднее становится окружающая нас стена льда, и она сжимает все наше существо. Наше отделение от Божественного случилось лишь по одной причине: мы не текучи, мы стали твердыми. Это единственная причина отделения: мы не течем, мы стали как кирпичи; мы не похожи на воду, мы похожи на замерзший лед. Если мы станем похожими на жидкость, отделения больше не будет существовать; но мы будем похожими на жидкость, лишь если согласимся видеть и жить смерть, когда примем, что смерть существует.

Увидев и осознав, что смерть существует, почему мы должны бояться? Если смерть есть наверняка, если волна точно знает, что она обречена на исчезновение, если волна открыла, что само рождение содержит смерть, если волна узнала, что ее распад начался в то мгновение, когда она была создана, – дело ясно. Зачем теперь превращаться в лед? Тогда она примет себя и будет волной сколько нужно, и она примет и будет океаном сколько нужно. Вот и все! Дело кончено! Тогда все принято. В этом приятии волна становится океаном. Тогда тревоги об исчезновении больше нет, потому что волна знает, что существовала до своего возникновения и будет продолжать существовать после своего исчезновения не как "я", но как безграничный океан.

Когда Лао-цзы был при смерти, кто-то попросил его открыть некоторые тайны его жизни. Лао-цзы сказал:

– Вот первая тайна: никто никогда не побеждал меня в этой жизни.

Услышав это, ученики пришли в волнение. Они сказали:

– Ты никогда раньше нам этого не говорил! Мы тоже хотим побеждать.

Пожалуйста, покажи нам этот трюк.

– Вы сделали ошибку, – сказал Лао-цзы. – Вы слышали что-то другое. Я сказал, что никто не мог меня победить, а вы говорите, что хотите побеждать. Это совершенно противоположные вещи, хотя они и кажутся похожими по смыслу. В словарях, в мире языка у них один смысл: человек, который не побежден, – победитель. Я просто говорю, что никто не мог меня победить, тогда как вы говорите о том, чтобы побеждать. Убирайтесь отсюда! Вы никогда не поймете моих слов.

Ученики взмолились:

– Все равно, пожалуйста, объясни. Пожалуйста, покажи нам технику. Как тебе удалось никогда не быть побежденным?

- Никто не мог меня победить, - сказал Лао-цзы, - потому что я всегда оставался побежденным. Нельзя победить побежденного человека. Я никогда не был побежден, потому что никогда не желал победы. Фактически, никто не мог втянуть меня в борьбу. Если кто-то приходил бросить мне вызов, он находил, что я уже побежден, и не мог получить удовольствия, побеждая меня. Радость в том, чтобы победить того, кто желает победы. Какое удовольствие побеждать того, кто не хочет победить сам? Фактически, нам доставляет удовольствие разрушать это кого-то другого, потому что это усиливает наше собственное. Но если человек уже стер самого себя, какое удовольствие в том, чтобы уничтожить этого человека? Наше это ничего от этого не выиграет. Чем более мы добиваемся успеха в том, чтобы разрушать чужие эго, тем сильнее становятся наши собственные. Сломленные эго других становятся силой для наших эго. Но эго человека, о котором мы говорим, уже сломлено.

Например, если ты собираешься победить человека, и вдруг, прежде чем ты собьешь его с ног, он сам ложится на землю; прежде чем ты на него сядешь, он сам приглашает тебя и позволяет тебе на него сесть. Каким тогда будет твое состояние? Ты убежишь оттуда! Что еще ты можешь сделать? Люди, наблюдающие за вами, будут смеяться, они скажут:

-Давай, садись на него, садись поудобней. Почему ты убегаешь?

Кто будет выглядеть глупее, тот, кто сядет на этого человека, или человек, который продолжает смеяться и смех которого будет эхом отражаться во всей твоей жизни?

Поэтому когда кто-то бросает этому человеку вызов, он ложится на землю и говорит:

- Давай, садись на меня. Ты для этого пришел, не правда ли? Так сделай это. Пожалуйста, не заботься, не беспокойся слишком; не нужно напрягаться - просто иди сюда и сядь на меня.

Лао-цзы продолжал:

- Но вы просите что-то другое. Вы хотите, чтобы я рассказал вам технику победы. Если вы думаете о победе, то проигрываете. Человек, лелеющий мысль о победе, всегда оказывается проигравшим. Фактически, поражение начинается с самой идеи о победе.

Лао-цзы продолжал:

- И никто никогда не мог меня оскорбить.

- Пожалуйста, расскажи нам и этот секрет, потому что и нам не нравится, когда нас оскорбляют, - сказал ученик.

- Снова вы делаете ошибку. Никто не мог меня оскорбить, потому что я не желал почета. Вас всегда будут оскорблять, потому что вы полны жажды признания. Меня никогда ниоткуда не выгоняли, потому что я всегда садился у выхода, где люди оставляют свою обувь. Меня никогда не просили уступить дорогу, потому что я всегда останавливался в конце, где никто не мог оттолкнуть меня дальше. Я был очень рад быть в конце; это спасло меня от всех тревог. Никто никогда не вытеснял меня оттуда и не отталкивал в сторону; никто никогда не говорил: "Убирайся!", потому что я всегда был на последнем месте. Дальше ничего не было. Никто не хотел быть на этом месте. Я был повелителем своего места; я всегда был повелителем своего места. Никто не мог прогнать меня оттуда, где я стоял.

Иисус тоже говорил: Блаженны те, кто готов стоять в последнем ряду. Что это значит? Например, Иисус говорит: - Если человек бьет тебя по правой щеке, предложи ему левую. Вот что это значит: не заставляй его даже тянуться ко второй твоей щеке - сделай это за него. Иисус говорит: - Когда кто-то приходит нанести тебе поражение, прими поражение с готовностью. Если он заставит тебя проиграть один бой, проиграй два. Если человек вырывает у тебя пальто, тут же отдай ему свою рубашку. Возможно, человек смутится взяв у тебя рубашку,

- Иисус говорит:

- Если кто-то просит тебя нести его груз милу, в конце мили спроси его не хотел бы он, чтобы ты нес его дальше.

Что это значит? Это значит, что, тотально принимая факты жизни, касающиеся опасности, неудачи, поражения и в конце концов смерти, мы

торжествуем над ними. Иначе эти факты постепенно приводят нас не иначе как к смерти. В конечном счете смерть – это наше полное поражение. В худших из поражений ты выживаешь; хотя ты и побежден, ты продолжаешь существовать. Но в смерти уничтожен даже ты.

Смерть – это величайшее из всех поражений; именно поэтому мы хотим убить врага – другой причины нет. Смерть – это величайшее предельное поражение; после нее тебя никогда не может победить никакой враг. Стремление убить врага исходит из нашего желания навлечь на него величайшее из поражений. После этого он никаким образом не может быть победителем, потому что он больше не существует.

Смерть – это последнее поражение, и все мы хотим бежать от него. Помни также, что человек, который пытается бежать от собственной смерти, будет продолжать работать над тем, чтобы убивать других. Чем более он преуспевает, убивая других, тем более живым он себя чувствует. Поэтому причина всего насилия в мире полностью отличается от того, что предполагает большинство людей. Причина этого насилия не в том, что оно вызывается разными идеями людей, – нет, ничего подобного.

Фундаментальная причина насилия в том, что человек убивает других, чтобы забыть о собственной смерти. Убивая других, он верит, что никто не может убить его, потому что теперь он сам обладает властью убивать. Гитлер, Чингисхан и им подобные убили миллионы, чтобы убедить себя:

– Никто не может меня убить, потому что я сам убил миллионы.

Убивая других, мы пытаемся освободиться от собственной смерти, мы хотим подтвердить собственную независимость. Мы предполагаем, что если мы сами способны убивать других, кто может убить нас?

Глубоко внутри это попытки избежать смерти. Глубоко внутри насильственный человек – это беглец от смерти. А человек, который не хочет спастись от смерти, никогда не бывает насильственным. Только тот, кто заявляет: "Я принимаю смерть, потому что смерть – это один из фактов жизни, это реальность", может быть ненасильственным человеком. Человек никогда не может отрицать смерть. Куда ты от нее убежишь? Куда ты пойдешь?

Солнце начинает садиться в то мгновение, когда поднимается. Закат так же реален, как и рассвет, – но рассвет на востоке, закат на западе. Рождение с одной стороны, смерть с другой. То, что поднимается с одной стороны, опускается с другой. Восход и закат происходят вместе – фактически, закат скрыт в восходе. Смерть скрыта в рождении. Если человек это знает, он никоим образом не может это отрицать. Тогда он принимает все. Тогда он живет этой истиной. Он знает это, видит это и принимает это.

С этим приятием приходит трансформация. Когда я говорю: "Торжество над смертью", я подразумеваю, что, как только человек принимает смерть, он смеется, потому что узнает, что смерти нет. Только внешний футляр формируется и переформируется. Океан был всегда; лишь волна принимает форму и распадается. Красота повсюду вокруг – цветы распускаются и увядают. Свет сиял всегда – солнце вставало и садилось. И то, что сияло с восходом и закатом солнца, было всегда, прежде восхода и после заката. Но это мы видим, лишь увидев смерть, получив видение смерти, столкнувшись со смертью лицом к лицу – не раньше.

Поэтому друг спросил: "Почему мы должны думать о смерти? Почему бы не забыть о ней? Почему бы просто не жить?" Я хотел бы ему сказать, что, забывая смерть, никто никогда не жил, никто не мог жить. Человек, который игнорирует смерть, игнорирует и жизнь.

Это подобно тому, как если бы у меня в руке была монета и я говорил: – Зачем беспокоиться об обратной стороне монеты? Почему бы просто не забыть о ней?

Если я отброшу обратную сторону, тогда я потеряю и переднюю сторону, потому что обе они – стороны одной и той же монеты. Нельзя сохранить одну сторону монеты и отбросить другую. Как это возможно? С той стороной, которую я оставляю себе, автоматически сохранится и вторая сторона. Если я выброшу одну сторону, будут отброшены обе; если я сохраню одну, то будут сохранены обе. На самом деле, обе они – аспекты одной и той же вещи.

Рождение и смерть – это два аспекта одной и той же жизни. В тот день,

когда человек это осознает, исчезает не только жало смерти, но и мысль о бессмертии. Тогда человек знает, что есть рождение и есть смерть. Обе они содержат блаженство.

Каждое утро мы встаем и идем на работу. Кто-то идет и роет канавы... Разные люди делают разные работы - целый день, в поте лица. Радостно утром вставать, но разве не столь же радостно ложиться спать вечером? Если бы несколько сумасшедших стали убеждать людей не спать по ночам, тогда им не пришлось бы и вставать утром, потому что человек, не спавший ночью, не может встать утром, - вся жизнь пришла бы к остановке. Человек боялся бы ложиться спать, спорил: "Так радостно вставать утром, лучше вообще не засыпать, потому что это испортит удовольствие пробуждения". Но мы знаем, что это смехотворно: сон - это другая сторона пробуждения. Человек, который правильно спит, правильно проснется. Человек, который правильно просыпается, правильно заснет. Человек, который правильно живет, правильно умрет. Человек, который правильно умирает, совершит правильные шаги в будущей жизни. Человек, который не умирает правильно, не будет правильно жить. Человек, который не живет правильно, правильно не умрет. Все будет в путанице; все станет уродливым и искаженным. Страх смерти повинен в создании этого уродства и искажения. Если бы кого-то охватил страх перед сном, это очень осложнило бы ему жизнь. Один человек привел ко мне свою мать, пожилую даму. Он сказал, что его мать боится заснуть. Я спросил его:

- Как это произошло?

- Последнее время она болела, - ответил он, - и она чувствует, что может умереть во сне, поэтому она боится засыпать. Она боится, что, заснув, она больше не проснется, поэтому пытается всю ночь не ложиться спать. Мы в большом затруднении. Она не выздоравливает от своей болезни, потому что всю ночь остается на ногах, боясь, что и не проснется. Пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы спасти ее от этого страха; иначе я окажусь в большой беде.

В каком-то смысле сон похож на ежедневную смерть. Целый день мы живы; ночью мы мертвы. Это как бы смерть по частям - немного смерти каждый день. Ночью мы ныряем в самих себя и утром выходим наружу освеженные. К тому времени, как нам семьдесят или восемьдесят лет, тело становится совершенно изнуренным. Тогда побеждает смерть. И в этом тело проходит через полную перемену. Но мы очень боимся смерти, хотя это не что иное, как глубокий сон.

Знаешь ли ты, что ночью тело претерпевает перемены и просыпается утром совсем другим? Перемена так минимальна, что ты не замечаешь ее. Перемена не тотальна, это частичная трансформация. Когда вечером ты ложишься спать, усталый и изнуренный, тело в одном состоянии, а когда ты просыпаясь утром - в другом. Утром тело чувствует себя свежим и обновленным; оно полно энергии, готовое встретить еще один день деятельности. Теперь снова ты можешь петь песни - нечто, чего ты не мог делать вчера вечером. Тогда ты был усталым, разбитым, изнуренным. Однако ты никогда не задумывался, откуда такой страх смерти.

Просыпаясь утром, ты чувствуешь себя счастливым, потому что часть твоего тела меняется во сне, -но смерть, с другой стороны, приносит тебе полную перемену. Все тело становится бесполезным, и возникает необходимость приобрести новое тело. Но мы боимся смерти, и это совершенно калечит всю нашу жизнь. Каждое мгновение наполнено страхом смерти. Из-за этого страха мы создали жизнь, общество, семью, которая живет по минимуму, но максимально боится смерти. А тот, кто боится смерти, никогда не может жить - обе эти вещи не могут существовать отдельно. Человек, готовый встретить смерть в абсолютной спонтанности, - лишь только он может жить. Жизнь и смерть - это аспекты одного и того же явления. Вот почему я говорю: смотри на смерть. Я не прошу тебя думать о смерти, потому что такие размышления уведут тебя в сторону. Что ты будешь делать, думая о смерти?

Больной и несчастный человек может найти утешительным думать о том, что все кончится со смертью. Эта мысль утешительна для этого человека не

потому, что он прав. Помни, никогда не верь, что то, что кажется тебе приятным, обязательно правда, потому что между приятным и истинным нет зависимости, истинное не зависит от того, что ты считаешь удобным. Человек несчастный, встревоженный, больной, испытывающий боль чувствует, что должен встретить полную смерть, и тогда не останется ничего - потому что, если какая-то часть его выживет, это, очевидно, означает, что выживет и он... он, несчастная, больная индивидуальность.

Друг спросил:

Некоторые люди совершают самоубийство. Что ты можешь сказать о них? Не боятся ли они смерти?

Боятся смерти и они. Но жизни они боятся больше смерти. Жизнь кажется им более болезненной, чем смерть, поэтому они хотят с ней покончить. Сведение счетов с жизнью не значит, что они находят в смерти какую-то радость, но поскольку жизнь кажется им хуже смерти, они предпочитают смерть. Человек, который несчастен и испытывает боль, с готовностью поверит, что смерть отнимет все - включая душу, - что смерть не пощадит ничего. Очевидно, он не хочет сохранить никаких частей себя, потому что, если он что-то и сохранит, это будет не что иное, как страдание и боль. Человек, который боится смерти и хочет спасти себя, с готовностью принимает веру в бессмертие души. Все это для удобства. Это не понимание, это просто показывает нашу озабоченность удобством. Такого рода приятие кажется удобным, вот и все. Вот почему мы много раз меняем верования. Человек, бывший атеистом в молодости, в старости становится теистом. Фактически, истина в том, что верования меняются с головной болью. Когда голова не болит, мы следуем одному набору верований; когда голова болит, эти верования заменяет другой набор. Трудно сказать, насколько на твои верования влияют писания, а насколько - печень! Нельзя сказать с уверенностью, не сильнее ли влияние кишок и печени! То, что происходит внутри тела, оказывает больший эффект. Когда желудок расстроен, человеку хочется стать атеистом, а когда желудок в порядке, ему хочется верить в Бога! Как человек может верить в Бога, если у него болит голова? Если существует Бог и существует головная боль, как их связать? Мы можем провести эксперимент. Возьмите пятьдесят человек с хроническими болезнями, а еще пятьдесят человек поддерживайте в добром здоровье. Пусть первые пятьдесят человек живут в страдании, а вторые - в счастье. Вы увидите, что в первой группе возрастет атеизм, а во второй - теизм. Дело не в том, что вера в Бога вызывает счастье; несчастный ум обязательно становится атеистическим. Поэтому помните: если вы видите, что в мире возрастает атеизм, можно сказать с уверенностью, что возрастает и страдание. Если заметно, что больше людей верят в Бога, знайте с уверенностью, что больше и больше людей становятся счастливыми. Отсюда следует, что в следующие пятьдесят лет велика вероятность того, что Россия станет теистической, а Индия - атеистической. Верования ничего не значат. В России люди читают Маркса, в Индии люди читают Махавиру - это не имеет значения. Труды Махавиры или Маркса не могут ничего изменить. Если люди в России будут продолжать становиться счастливыми, тогда в следующие пятьдесят лет теизм в России оживет и в русских храмах снова зазвонят колокола. Зажгутся светильники, и будут слышны молитвы. Только счастливый будет звонить в колокола в храме, зажигать светильники и читать молитвы. Люди начнут благодарить Бога. Только счастливый ум хочет кого-то благодарить, а кого еще благодарить? - человек не может найти причин существования внутреннего счастья, и поэтому он благодарит неведомое; наверное, поэтому. Несчастный ум хочет выразить свой гнев. А когда человек не находит никакой причины для несчастья, на кого он должен гневаться? Очевидно, он исполнится горечи по отношению к неизвестному. Он говорит: "Во всей этой путанице виноват неизвестный, Бог. Либо его не существует, либо он сошел с ума", Я хочу сказать, что наши верования, наш теизм или атеизм - все они являются продуктами того, что удобно в наших условиях. Человек, который хочет бежать от смерти, неизбежно схватится за какое-то верование. Похожим образом тот, кто хочет умереть, тоже схватится за

какое-то верование. Но ни один из них не жаждет, не стремится узнать смерть. Между удобством и истиной громадная разница. Никогда не думай слишком много об удобстве. Мысли всегда об удобстве. Видение – это всегда видение истины; мысль – это всегда мысль об удобстве.

Один человек – коммунист. Он поднимает много шума должна произойти революция, бедных больше не должно быть, собственность должна быть разделена, и так далее. А теперь просто дайте ему машину, большой дом, и пусть он женится на красивой девушке, и через пятнадцать дней вы увидите совершенно другого человека. Вы услышите, как он говорит: "Коммунизм и тому подобное – все это чепуха!" Что случилось с этим человеком? То, что было удобно, определило его мышление.

Вчера удобно было думать, что собственность должна быть разделена; теперь так думать неудобно. Теперь разделение собственности будет значить, что ему придется поделиться своей машиной, своим домом.

Человек, у которого нет красивой женщины, тоже может очень легко говорить, что женщины должны быть социализированы. Почему некоторые мужчины имеют монополию на красивых женщин? Женщины должны принадлежать всем. Есть люди, которые так думают. На земле есть люди, которые пропагандируют: "Сегодня собственность, завтра женщины". И в этом нет ничего плохого, потому что в любом случае вы всегда обращались с женщинами как с собственностью.

Если кто-то говорит: "То, что один человек живет в большом доме, а другой в лачуге, неправильно", тогда что плохого в том, чтобы сказать: "Почему у одного есть красивая женщина, а у другого нет? Все нужно поделить поровну". Это сигналы опасности. Рано или поздно такие вопросы обязательно возникнут. В тот день, когда будет распределена собственность, возникнет и вопрос о разделении женщин. Но тот, у кого есть красивая женщина, обязательно будет протестовать. Он скажет: "Как это возможно? Что за чепуху вы несете! Все это неправильно!"

Таким образом, удобство придает форму нашему мышлению; наши мысли формируются из удобства. Все наши мысли либо направлены на то, чтобы поощрять и лелеять

удобство, либо на то, чтобы устранить неудобство. Видение – это нечто другое. Видение не имеет ничего общего с удобством. Помни, видение это тапачарья, глубокая личная преданность истине. Тапачарья значит "тот, кого не заботит удобство"; напротив, он должен узнать все как есть, что бы то ни было, как бы то ни было.

Поэтому факт смерти нужно увидеть, не думать о нем. Ты будешь думать, как тебе удобно; удобство определяет твоё мышление. Вопрос не в удобстве. Мы должны узнать, что такое смерть, увидеть ее как есть. Твое удобство и неудобство не играют роли. Что бы то ни было, это должно быть познано. Как только ты узнаешь это, в твоей жизни происходит трансформация – потому что смерти нет. В то мгновение, когда ты познаешь смерть, ты осознаешь, что ее нет. Ты веришь в ее существование, только пока не знаешь ее. Опыт невежества есть смерть; опыт осознанности есть бессмертие.

Есть еще несколько вопросов, которые мы сможем обсудить во время вечерней встречи. Теперь мы сядем для утренней медитации. Медитация значит смерть. Медитация означает движение в то, что есть, где мы есть. Таким образом, человек движется в медитацию, лишь когда он готов умереть, не иначе.

Сядьте на некотором расстоянии друг от друга. Сядьте так, чтобы вокруг вас было немного пространства. Те, кто хочет лечь, пусть лягут сразу. Если кто-то захочет лечь в ходе эксперимента, пусть он это сделает. И сядьте на некотором расстоянии друг от друга, чтобы никто на вас не упал, ложась или падая.

Закройте глаза... оставьте глаза расслабленными за веками... оставьте глаза расслабленными и закройте веки. Расслабьте тело... расслабьте тело... расслабьте тело...

Оставьте тело совершенно расслабленным, как будто в нем нет жизни.

Однажды жизнь оставит вас, так почувствуйте это, отбросив его сейчас.

Однажды оно оставит вас полностью; даже если вы захотите его удержать,

оно не останется. Так притяните всю жизнь внутрь... попросите жизнь удалиться внутрь, чтобы тело осталось расслабленным.

Продолжайте полностью расслаблять тело. Теперь я дам вам несколько предложений, и вы прочувствуете их вместе со мной. Тело расслабляется... почувствуйте это, тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется. Продолжайте отпускать его, почувствуйте, что тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется. Тело продолжает расслабляться... продолжает умирать... продолжает умирать. Мы продолжаем скользить внутрь, туда, где находится жизнь. Отпусти... отпусти... отпусти волну, будь одним с океаном. Полностью отпусти тело, пусть оно падает, если хочет, не беспокойся о нем. Не мешай ему... никак не контролируй его... отпусти...

Тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело расслабляется... тело продолжает расслабляться... тело расслабляется... тело расслабляется. Отпусти... как будто оно мертво, как будто тело стало совершенно безжизненным. Мы соскользнули внутрь... сознание скользнуло внутрь... тело осталось как скорлупа... если оно падает, пусть падает. Тело расслабилось... тело расслабилось... тело совершенно расслабилось. Дыхание успокаивается... дыхание успокаивается. Оставьте дыхание тоже расслабленным. Дыхание продолжает успокаиваться... дыхание успокаивается. Отступи назад даже от дыхания, отзови свою энергию даже из дыхания. Дыхание продолжает успокаиваться... дыхание успокаивается... дыхание успокаивается... дыхание успокаивается...

дыхание успокаивается, успокаивается. Оставьте его расслабленным... оставьте дыхание расслабленным... дыхание продолжает успокаиваться... дыхание продолжает успокаиваться... дыхание расслабленно. Оставьте и мысли... отступите и от них... отступите от них еще дальше. Мысли расслабляются... мысли расслабляются. Продолжайте чувствовать... мысли расслабляются мысли расслабляются... мысли продолжают расслабляться. Мысли тоже отпадают... ты движешься дальше назад... ты движешься дальше назад. Мысли продолжают успокаиваться... мысли продолжают успокаиваться... мысли продолжают успокаиваться... мысли успокоились.

Теперь десять минут оставайтесь пробужденными внутри, оставайтесь сознательными внутри. Смотрите внутрь пробуждение. Снаружи произошла смерть. Тело лежит почти мертвое, в стороне... мы отступили внутрь... сознание осталось горящим, как пламя. Ты только знаешь... только видишь. Оставайся просто наблюдателем... утвердись в видении. Десять минут продолжай смотреть внутрь, ничего больше, просто продолжай смотреть. Внутри... глубже внутрь... продолжай смотреть внутрь... понемногу ты скользнешь в глубину... будто человек, падающий в глубокий колодец... он продолжает падать... продолжает падать. Смотри... десять минут просто продолжай смотреть.

(Воцаряется глубокое молчание. через несколько минут Ошо снова начинает давать предложения)

Полностью отбрось свою хватку... и иди глубоко внутрь... глубже внутрь. Продолжай идти, бодрствуя... постепенно... постепенно все превратится в пустоту. Лишь пламя знания будет продолжать гореть в пустоте: "Я познаю..." познаю... вижу... вижу. Полностью отбрось, отбрось всякий контроль... тони в глубинах и продолжай смотреть... ум продолжает успокаиваться.

Ум становится пустым... ум становится пустым... полностью отпусти... исчезни... просто умри. Полностью исчезни снаружи... полностью отпусти снаружи... как будто волна исчезла и стала океаном. Полностью отпусти... не держись ни за что. Ум становится пустым... ум становится пустым... ум становится пустым.

Ум стал совершенно пустым... ум стал совершенно пустым... ум стал совершенно пустым. Осталось гореть лишь пламя... пламя познания... видения. Все находится в покое - как будто случилась смерть... тело виднеется, лежащее на расстоянии... твое собственное тело видно вдалеке... твое дыхание кажется далеким. Внутри... глубже внутрь...

утони... полностью отпусти... не сохраняй никакой хватки... отпусти... отпусти... полностью отпусти.

Полностью отпусти. Если тело хочет упасть, пусть падает... полностью отпусти... стань пустотой... полностью стань пустотой. Ум стал пустотой... ум стал пустотой... лишь пламя сознания осталось внутри... все остальное стало пустотой... все исчезло.

Отпусти... полностью отпусти... наберись храбрости умереть... полностью умри снаружи. Тело стало безжизненным... мы полностью проскользнули внутрь... мы полностью проскользнули внутрь... лишь пламя у сердца осталось гореть. Мы видим... мы знаем... Все исчезло... мы остались только как наблюдатель. Ум стал совершенно пустым.

Смотри пристально в эту пустоту... внутри, смотри в эту пустоту. Громадный спектр блаженства развернется в этой пустоте... великий свет блаженства наполнит эту густоту. Может появиться водопад, и лишь блаженство течет повсюду вокруг, окружает тебя со всех сторон, каждый твой фибр, каждую твою частицу. Смотри пристально в эту пустоту... точно как расцветает цветок, когда восходит солнце, так и весна блаженства взрывается, когда ты смотришь в пустоту внутри. Лишь блаженство царит вокруг, всюду вокруг. Смотри... смотри внутрь... пусть эта весна взорвется... смотри внутрь... как будто фонтан блаженства раскрывается и блаженство заливают все.

Теперь несколько глубоких вдохов. Дыхание покажется очень далеким. Медленно сделайте глубокий вдох... продолжайте наблюдать дыхание. Ум станет еще спокойнее. Медленно сделайте несколько вдохов... медленно сделайте несколько вдохов... медленно сделайте несколько вдохов. Ум станет еще спокойнее... ум станет еще спокойнее. Затем медленно откройте глаза... медленно откройте глаза... вернитесь из медитации. Те, кто лежит или упал, медленно глубоко вдохните... затем откройте глаза... поднимайтесь очень медленно и мягко.

Я УЧУ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

Друг спросил:

Учишь ли ты умирать? Учишь ли ты смерти? Вместо этого ты должен учить жизни.

Он прав, я действительно учу людей умирать. Я учу искусству умирать, потому что тот, кто обучается искусству умирать, становится экспертом и в искусстве жизни. Человек, который соглашается умереть, становится достойным жить высшей жизнью. Лишь те, кто научился стирать себя, познали также, как быть.

Это может показаться противоположными вещами, потому что мы принимаем жизнь и смерть как противоположные друг другу, противоречивые, но это не так. Мы создали ложное противоречие между ними, и это привело к фатальным результатам. Может быть, ничто не причинило столько вреда человеческой расе, как это противоречие, и это противоречие распространилось на все слои наших жизней. Если мы разделяем вещи, которые по своей сути одно, на отдельные, части - конечным результатом не может быть ничто иное, как создание шизофренического, ненормального человека.

Предположим, есть место, где живут сумасшедшие. Огромные трудности и проблемы возникли бы, если бы эти люди верили, что горячее и холодное не только отдельные, но и взаимоисключающие вещи - по той простой причине, что горячее и холодное не противоречат друг другу, это разные характеристики одной и той же вещи. Наш опыт горячего и холодного не абсолютен, он очень относителен. Это прояснит небольшой эксперимент. Мы всегда находим горячие и холодные вещи. Мы также видим, что что-то горячее горячо, а что-то холодное холодно, - мы не можем считать, что нечто горячо и холодно в одно и то же время. Вернувшись домой, сделайте небольшой эксперимент. Возьмите кувшин с горячей водой, кувшин с холодной водой и кувшин, содержащий воду комнатной температуры. Положите одну руку в горячую воду, другую в холодную. Затем выньте обе руки и положите их в воду комнатной температуры. Одна рука почувствует, что вода холодная, а

другая почувствует, что та же самая вода горячая. Горячая эта вода или холодная? Одна рука скажет, что она горячая, другая скажет, что она холодная. Какова на самом деле природа этой воды? Если в одно и то же время одна рука чувствует, что вода холодная, а другая чувствует, что вода горячая, тогда нам придется осознать, что вода не горячая и не холодная – чувства горячего или холодного относятся к нашим рукам.

Горячее и холодное – это степени одной и той же вещи

– это не две разные вещи. Разница между ними в количестве, не в качестве. Думал ли ты когда-нибудь о различии между детством и старостью? Обычно мы думаем, что они противоположны детство с одной стороны, старость с другой. Но в чем в действительности разница между детством и старостью? Разница только в годах, разница только в днях; разница не качественная, только количественная.

Например, есть ребенок пяти лет. Мы можем назвать его "пятилетним стариком" – что в этом неправильного? Когда мы говорим "пятилетний ребенок", это просто лингвистический оборот речи. Если мы хотим назвать его – как это делают в английском – "старым пяти лет", это также может значить "пятилетний старик". Одному старику семьдесят лет, а другому – пять. Какая разница? Если захотим, мы можем назвать семидесятилетнего старика семидесятилетним ребенком – в конце концов, ребенок вырастает в старика. Но когда мы смотрим на них по отдельности, они кажутся противоречащими друг другу. Кажется, что детство и старость противоположны друг другу, но если это так, ни один ребенок не может состариться. Как это возможно? Как могут противоположные вещи быть одним и тем же? Можешь ли ты когда-нибудь отметить день, в который ребенок становится стариком? или ночь? Можешь ли ты отметить на календаре, что в такой-то и такой-то день этот человек был ребенком, а затем в такой-то и такой-то день он стал стариком?

Фактически, проблема в том, что... Например, есть ступеньки, ведущие на террасу. Ты видишь нижние ступеньки и ступеньки наверху, но, возможно, не сможешь увидеть ступеньки в средней части. Может показаться, будто нижние и верхние ступеньки отделены, далеки друг от друга. Но человек, который видит всю лестницу, откажется от такого определения. Он скажет: "Разница между ступеньками внизу и наверху – это только видимость, создаваемая средней частью ступенек. Самая нижняя ступенька соединена с самой верхней ступенькой".

Разница между адом и небесами не в качестве, разница только в количестве. Не думай, что небеса и ад противоположны, диаметрально противоположны друг другу – Разница между раем и небесами та же, что и между холодным и горячим, низшим и высшим, ребенком и стариком.

Разница такого же рода существует между рождением и смертью; иначе тот, кто рождается, никогда не смог бы умереть. Если рождение и смерть были бы противоположны друг другу) как рождение могло бы оканчиваться смертью? Мы можем достичь лишь той точки, которая нам присуща.

Рождение вырастает в смерть: это значит, что рождение и смерть – это два конца одной и той же вещи. Мы сеем семя, оно вырастает в растение, а затем становится цветком. Считал ли ты когда-нибудь, что цветок противоположен семени? Цветок вырастает из самого семени и становится цветком. Семени присущ рост. Рождение превращается в смерть. Бог знает, в результате какой глупости и в какие несчастливые времена в человеческом уме укоренилась идея о том, что жизнь и смерть дихотомны, что жизнь и смерть – это две отдельные вещи. Мы хотим жить; мы не хотим умирать – но не знаем, что смерть – это уже часть жизни. Как только мы решаем, что не хотим умирать, в это самое мгновение становится определенным, что наши жизни наполнятся проблемами и трудностями.

Все человечество стало шизофреничным. Ум человека разделен на части, фрагменты, и для этого есть причина. Мы приняли целую жизнь так, будто она состоит из частей, и мы натравливаем их друг на друга. Человек остался прежним, но мы создали у него внутри отделения и определили, что эти отделения противоположны друг другу. Мы сделали все это во всех сферах. Мы говорим человеку: "Не злись, прощай", не понимая, не принимая,

что разница между гневом и прощением снова только в степени – как и между холодным и горячим, между детством и старостью. Мы можем сказать, что гнев, низведенный до самой нижней точки, есть прощение – между ними нет дихотомии. Но вековое представление человечества учит нас: "Избавьтесь от гнева и научитесь прощению", – как будто гнев и прощение – это такие противоположные вещи, что ты можешь избавиться от гнева и придерживаться прощения. Единственным результатом этого может быть только расщепление человека на фрагменты, и это приведет его к беде.

Все наши системы верований прошлого говорят, что секс и брахмачарья, безбрачие, противоположны друг другу. Нет ничего более ошибочного. Самая нижняя точка секса есть брахмачарья. Секс, падающий вниз, уменьшающийся, есть брахмачарья. Расстояние между ними не во враждебности и противоречии. Помни, в этом мире нет ничего подобного противоречию. Фактически, в мире и не может быть ничего подобного противоречию, потому что, если бы это было так, было бы невозможно объединить противоположности. Если рождение и смерть – это разные сущности, рождение следовало бы своим курсом, а смерть своим – они бы никогда не встречались. Точно так, как никогда не встречаются две параллельные линии, не происходило бы и встречи рождения и смерти.

Рождение и смерть переплетены, это два конца одного континуума. Когда я говорю это, на самом деле я хочу сказать, что, если бы человека нужно было спасти от безумия в ближайшем будущем, нам пришлось бы принять жизнь во всей ее полноте. Мы больше не можем себе позволить создавать разделенные части и стравливать их друг с другом.

Так странно, что, когда кто-то говорит: "Секс противоположен брахмачарье, поэтому давайте избавимся от секса", он сам будет в конце концов разрушен попытками избавиться от секса. Такой человек никогда не достигнет брахмачарьи. В попытках выбросить секс из своей жизни его ум останется прикованным только к сексу – и достижение брахмачарьи для него невозможно. Его ум вечно будет в огромном напряжении и затруднении – вот и его смерть. Его жизнь станет слишком обременительной. Он станет тяжелым и вообще не сможет жить – ни мгновения. Он будет в большой беде. Если ты смотришь на это таким образом, – а это факт, – тогда я хочу сказать, что секс и брахмачарья связаны друг с другом, в точности как связаны верхняя и нижняя ступеньки лестницы. Когда человек движется по лестнице вверх, он входит в брахмачарью. Брахмачарья – это не что иное, как секс, низведенный до самой нижней степени. Человек достигает точки, в которой чувствует, что все стало пустым, – достигает предельного края. Тогда в жизни нет противоречий, нет напряжения. Тогда в жизни нет беспокойства. Тогда мы можем жить естественной жизнью. Я говорю о том, как жить наиболее естественной жизнью во всех ее аспектах. Мы не живем естественно ни на каком уровне, потому что мы научились неестественным образам жизни. Если мы скажем человеку: "Ходи только левой ногой, потому что левая нога означает религию, праведность. Не ходи правой ногой, потому что правая нога символизирует неправедность..." Если бы человек поверил в это... и многие поверили бы, люди, готовые поверить в такие глупые идеи, находились всегда. Ты встретил бы людей, которые согласились бы, что ходить левой ногой праведно, а ходить правой неправедно. Тогда они стали бы отрубать себе правую ногу и пытаться ходить на левой. Они никогда не смогли бы ходить.

Мы можем ходить, только сочетая движения обеих ног. Нога не может ходить одна, сама по себе, хотя одновременно вперед движется только одна нога. При ходьбе сначала ты поднимаешь одну ногу, что может создать неверное впечатление, что ты идешь одной ногой. Но не забывай, что опорная нога, которая остается позади, не менее важна, чем та, которая в движении. В тот день, когда человек достигает брахмачарьи, в этом достижении опорной ногой является секс – таким же образом неподвижная правая нога служит инструментом для того, чтобы левая двигалась вперед. Левая нога не смогла бы двигаться без помощи правой.

Секс, который пришел в покой, становится опорой для поднимающейся брахмачарьи.. Человек может сделать шаг в брахмачарью, только когда секс

перестал двигаться. Выкорчевывая опору секса, разбивая ее, ты, несомненно, добьешься отторжения секса, но это не поможет достичь брахмачарьи. Напротив, человек останется висеть в промежутке – и таким образом в подвешенном состоянии оставили человечество многовековые учения. То, что мы видим в жизни вокруг, есть не что иное, как движения правой и левой ноги, правого и левого шага.

В жизни все взаимосвязано. Видимые разделения подобны нотам великой симфонии. Если ты что-нибудь выбросишь, ты окажешься в затруднении. Кто-то может сказать, что черный цвет означает зло. Именно поэтому никому не разрешается одеваться в черное на свадьбе; черное разрешается при чьей-то смерти. Есть люди, которые верят, что черное символизирует зло, а есть люди, которые верят, что белое символизирует чистоту. В символическом смысле эти разделения уместны, но, если кто-то скажет: "Давайте избавимся от черного, давайте сотрем черное с лица земли", помни, с удалением черного не станет и белого – потому что белизна белого выделяется только на черном фоне.

Учитель пишет на черной доске белым мелом. Не выжил ли он из ума? Почему он не пишет на белой стене? Конечно, человек может писать на белой стене, но буквы не будут выделяться. Белое проявляется благодаря черному фону; черное, фактически, позволяет белому выделяться. Помни, белое человека, который призывает к вражде с черным, неизбежно станет тупым, пресным. Человек, который против выражения гнева, – его прощение будет бессильно. Сила прощения лежит в гневе;

только тот, кто может злиться, имеет власть и прощать. Чем яростнее гнев, тем великодушнее будет прощение. Сама сила гнева придаст блеск акту прощения. В отсутствие гнева прощение будет казаться совершенно тусклым, абсолютно безжизненным, мертвым.

Если секс человека разрушен – а есть средства разрушить секс, – просто помни, это не сделает его брахмачари, безбрачным, это просто сделает его бессильным. А между этими двумя вещами есть огромная разница. Есть способы расправиться с сексом, но человек не может стать брахмачари, расправившись с сексом, он может только стать бессильным. Трансформируя секс, понимая его, перемещая его энергию на высший уровень, человек несомненно может достичь брахмачарьи. Но помни, сверкание, которое ты видишь в глазах брахмачари, безбрачного, это сверкание самой сексуальной энергии. Энергия одна и та же, но она трансформирована.

Я хочу сказать, что то, что мы называем противоположностями, на самом деле не противоположно – порядок жизни очень таинствен. В этом таинственном порядке должны быть созданы противоположности, чтобы вещи могли существовать. Наверное, ты видел груды кирпичей, сваленные у строящегося дома. Все кирпичи одинаковые. Затем архитектор, инженер, чтобы сделать дверной проем, складывает кирпичи в противоположном порядке. Кирпичи одни и те же, но, строя дверной проем, он помещает их против друг друга, чтобы позднее они могли поддерживать друг друга. Он не смог бы сделать арку, если бы работал с одной стороны по направлению в другой – тогда дверной проем тут же развалился бы. Кирпичи, положенные только с одной стороны арки, не несут силы; нет сопротивления, чтобы их поддержать. Когда появляется сопротивление, создается сила. Все силы приходят в противостояние; вся энергия создается сопротивлением. В жизни принцип полярности стоит за созданием энергии, силы. Все кирпичи одинаковые, но их располагают один за другим, друг против друга.

Бог, божественный архитектор жизни, очень разумен. Он знает, что жизнь станет холодной и сразу же растворится, если кирпичи не положить друг против друга. Поэтому он поместил гнев напротив прощения, секс напротив брахмачарьи, и из-за этого сопротивления их друг другу создается энергия. Эта энергия есть жизнь. Он положил рядом, лицом друг к другу, кирпичи рождения и смерти, и таким образом через оба эти кирпича возник дверной проем жизни. Есть люди, которые говорят: "Мы примем только кирпич жизни, мы не примем кирпич смерти". Все в порядке. Делай как знаешь. Но если ты не примешь смерть, ты умрешь в это самое мгновение, потому что тогда все

оставшиеся кирпичи будут похожи друг на друга. Останутся только кирпичи жизни – и они тут же развалятся.

Эту ошибку повторяли много раз, и из-за нее человек страдал и испытывал боль последние десять тысяч лет. Он настаивал на том, чтобы помещать кирпичи с одной стороны; он не хочет противостояния кирпичей.

– Удалите одну полярность, – говорит он. – Если мы верим в Бога, мы не верим больше ни во что. Тогда мы не будем верить в самсару, повседневный мир. Если есть Бог, тогда не может быть самсары; тогда мы не можем принять повседневную жизнь. Мы не можем быть на рынке, мы не можем заниматься бизнесом – поскольку мы верим в Бога, мы станем монахами и удалимся в леса.

Этот человек хотел бы создать мир из кирпичей Бога. Можешь ли ты себе представить, к каким бы это привело последствиям, если бы по ошибке все мирские люди сошли с ума и стали монахами? С этого самого дня мир не сдвинулся бы ни на дюйм; с этого самого дня мир оказался бы в руинах. Фактически, монах понятия не имеет о том, что он выживает, что его левая нога движется вперед потому, что кто-то, мирской человек, где-то там, на рынке, сидит в лавке. Одна нога укоренена там; вот почему нога монаха свободна двигаться. Само жизненное дыхание монаха исходит от мирского человека. Монах пребывает в иллюзии, что он живет сам по себе, но факт состоит в том, что все его питание приходит из повседневного мира. И все же он ходит и проклинает мирского человека; он продолжает ему говорить: "Отрекись от мира и стань монахом". Он не сознает, что таким образом он создает ситуацию глобального самоубийства – ситуацию, из которой он не сможет выбраться: он тоже умрет. Он думает использовать все кирпичи только с одной стороны.

Есть люди, которые говорят противоположное. Они говорят: "Бога нет, есть только этот мир и больше ничего. Мы верим только в материю". И, веря только в материю, они тоже пытаются создать собственный мир. Они тоже оказываются в беде. Они пришли в то место, в котором происходит глобальное самоубийство. Потому что, если существует только материя, а Бога нет, тогда все, что придает жизни аромат, что делает жизнь чарующей, что приводит ее в движение, что создает желание подняться, уйдет.

Если бы человек верил, что Бога нет, что нет ничего, кроме материи, какой был бы смысл в жизни? Тогда жизнь стала бы совершенно бессмысленной. Именно поэтому на

Западе такие люди, как Сартр, Камю, Кафка и другие, столько говорят о бессмысленности. Сегодня все западные философы в один голос говорят, что жизнь бессмысленна. То, что однажды сказал Шекспир, внезапно обрело актуальность, и западные мыслители теперь повторяют это о самой жизни: "Сказка, рассказанная идиотом, полная звуков и ярости, ничего не значащая". Не может быть никакой важности, никакого смысла, потому что вы сложили вместе кирпичи материи и только материи. Смысл обязательно абсолютно пропадет. Точно так же, как полностью лишился бы смысла мир, в котором жили бы одни монахи, смысл исчез бы и из мира, населенного только мирскими людьми.

Интересно, что мирской человек выживает при помощи отрекшегося, а отрешившийся выживает при помощи мирского человека – таким же образом левая нога зависит от правой, а правая зависит от левой. На поверхности эта зависимость кажется противоречием, но глубоко внутри это не так. Обе ноги являются частями одного существа: одна укореняет его, другая приводит его в движение. Никто не может испытать всю истину жизни без правильного понимания этого противоречия. Человек, который в своем противостоянии настаивает на том, чтобы вырезать одну его часть, еще не стал достаточно разумным. Ты можешь распрощаться с одной половиной, конечно, но как только это произойдет, оставшаяся половина тоже умрет – потому что, безусловно, последняя половина получала жизненную энергию от первой и больше ниоткуда.

Я слышал: Два монаха были увлечены продолжительным диспутом. Один считал, что хорошо иметь с собой немного денег, которые могут быть полезны в случаях нужды. Его друг, другой монах, спорил: "Зачем нам нужны деньги?"

Мы отреклись, зачем нам нужны деньги? Только мирские люди имеют деньги". Оба приводили аргументы, чтобы поддержать свои воззрения, и, казалось, аргументы были правильными.

Величайшая тайна вселенной в том, что можно представить равное количество аргументов в пользу любого из противостоящих кирпичей творения, и этот диспут никогда не кончался, потому что количество кирпичей по обе стороны было равным. Каждый может указать: "Смотри, вселенная создана из моих кирпичей", тогда как кто-то другой может с этим поспорить: "Нет, вселенная состоит из моих кирпичей".

Жизнь так безгранична, что лишь очень немногие люди развиваются достаточно, чтобы увидеть, что вся структура состоит из противостоящих кирпичей. Остальные просто видят кирпичи, которые попадают в их поле зрения. Они говорят: "Ты прав, вселенная – это создание саньясы. Ты прав, Брахман является источником вселенной. Ты прав, вселенная состоит из атмана". Другие люди говорят: "Вселенная состоит из материи, и это не более чем пыль. Все постепенно обратится в пыль – прах во прах". Эти люди тоже могут показать те кирпичи, которые попадают в их личное поле зрения. Во всем этом деле ни теист, ни атеист не победят путем аргументов. Не смогут. Их утверждения исходят из дихотомизированного видения жизни. Поэтому между этими двумя монахами продолжался великий диспут. Один стоял на том, что деньги необходимы, другой с ним не соглашался. Однажды вечером в большой спешке они прибыли к реке. Приближалась ночь. Один из монахов подошел к лодочнику, который привязывал лодку на ночь, и сказал: – Пожалуйста, не привязывай лодку, перевези нас через реку. Приближается ночь, а мы должны достичь противоположного берега.

Извините, – сказал лодочник, но на сегодня я закончил и теперь должен идти в свою деревню Я перевезу вас утром.

– Нет, мы не можем ждать до утра, – сказали монахи. – Наш гуру, с которым мы живем и который научил нас, что такое жизнь, близок к смерти. Говорят, что к утру он умрет. Он позвал нас. Мы не можем оставаться здесь всю ночь.

– Хорошо, – сказал лодочник, – тогда я перевезу вас за пять рупий.

Монах, который выступал за то, что деньги нужны, рассмеялся и сказал:

– Что ты думаешь, мой друг? Имеет ли смысл носить с собой деньги?

Второй монах просто продолжал смеяться. Монах уплатил лодочнику пять рупий – он победил. Достигнув другого берега, монах снова сказал:

– Что скажешь, мой друг? Мы не смогли бы пересечь реку, если бы у нас не было денег. Второй громко расхохотался.

– Мы пересекли реку не потому, что у тебя были деньги, но потому, что ты смог с ними расстаться! Мы смогли пересечь реку не потому, что у тебя были деньги, но потому, что ты смог их отпустить.

И спор возобновился. Второй монах продолжал:

– Я всегда говорил, что монах должен иметь смелость отпустить деньги. Мы могли их отдать; вот почему мы смогли пересечь реку. Если бы ты продолжал держаться за них, если бы ты не выпустил их из рук, как бы мы смогли пересечь реку?

Поэтому проблема осталась прежней. Первый монах присоединился к смеху. Они пришли к своему гуру. Они спросили его:

Что нам делать? Это стало большой проблемой. Происшедшее сегодня ясно проиллюстрировало наши различия. Один из нас верит, считает, что мы пересекли реку, потому что у нас были с собой деньги, тогда как другой говорит, что мы не смогли бы пересечь реку без денег. Мы тверды в своих верованиях и кажется, что мы оба правы.

Гуру громко рассмеялся. Он сказал:

– Вы оба сумасшедшие. Вы совершаете ту же глупость, которую веками совершало человечество.

– Что это за глупость? – спросили они.

– Каждый из вас смотрит на одну сторону истины. Истина в том, что вы смогли нанять лодку и пересечь реку, потому что смогли выпустить из рук деньги, – но столь же верно и другое: вы смогли расстаться с деньгами лишь потому, что они у вас были. Конечно, истина в том, что вы смогли

пересечь реку, потому что у вас были с собой деньги. Но столь же истинна и другая часть: если бы у вас не было денег, вы не смогли бы пересечь реку. Вы пересекли ее, потому что смогли расстаться с деньгами. Поэтому обе стороны правы. Между ними нет противоречия.

Мы создали такие дихотомии на всех уровнях наших жизней. Верование в одну из двух частей может произвести убедительные аргументы в свою поддержку. Это трудно, потому что каждый человек в конце концов имеет в своем распоряжении по меньшей мере минимальную часть жизни, чтобы рисовать на ней свои узоры, - он живет половину жизни; это немало. Этого более чем достаточно, чтобы спорить. Поэтому ничто не решается спором. Жизнь должна быть исследована и познана во всей своей полноте.

Я, несомненно, учу смерти, но это не значит, что я против жизни. Вот что это значит: смерть - это двери к познанию жизни, к осознанию жизни. Вот что это значит: я не вижу жизнь и смерть как противоположные друг другу. Назову ли я это искусством умирать или искусством жить - это одно и то же. Все зависит от того, как мы на это смотрим. Ты можешь спросить:

"Почему ты не назовешь это искусством жизни?" Для этого есть причины.

Первая в том, что мы стали безмерно привязанными к жизни. И эта привязанность очень неуравновешенна. Я могу назвать это и искусством жить, но не буду, потому что ты слишком привязан к жизни. Если я скажу: "Приходи учиться искусству жить", ты прибежишь, потому что захочешь усилить свою привязанность к жизни. Я называю это искусством умирать, чтобы ты мог восстановить равновесие. Если ты научишься умирать, тогда жизнь и смерть будут перед тобой в равной мере; тогда они станут правой и левой ногой. Тогда ты достигнешь предельной жизни. В этом предельном состоянии жизнь не содержит рождение и смерть, но у нее есть две ноги - которые мы называем рождением и смертью.

Конечно, если есть город, населенный самоубийцами, где никто не хочет жить, я не пойду туда говорить об искусстве умирать. Там я скажу:

"Учитесь искусству жить". И так же, как я говорю вам: "Медитация - это двери в смерть", я скажу им: "Медитация - это двери в жизнь". Я скажу им:

"Приходите учиться жить, потому что, пока вы не научитесь жить, вы не сможете умереть. Если вы хотите умереть, я буду учить вас жить - потому что, научившись жить, вы научитесь также и умирать". Только тогда люди этого города придут ко мне. Ваш город прямо противоположен: вы живете в городе, где никто не хочет умирать, где каждый хочет жить, где люди хотят цепляться за жизнь так крепко, чтобы оттолкнуть смерть навсегда. Поэтому я вынужден говорить с вами о смерти. Это не имеет ничего общего со мной; из-за вас я называю это искусством умирать. Все время я говорил одно и то же.

Однажды Будда пришел в одну деревню. Было раннее утро, и солнце только собиралось появиться на горизонте. К нему подошел человек и сказал:

- Я атеист, я не верю в Бога. Что думаешь ты? Есть ли Бог?

Будда сказал:

- Есть только Бог. Нет ничего, кроме Бога.

- Но мне сказали, что ты атеист, - сказал человек.

- Наверное, тебе сказали неправильно, - сказал Будда. - Я теист. Теперь ты услышал это из моих собственных уст. Я величайший в мире теист. Есть Бог и ничего, кроме Бога.

Человек остался стоять под деревом, чувствуя себя неловко. Будда пошел дальше.

Днем к нему подошел другой человек и сказал:

- Я теист. Я абсолютно верую в Бога. Я враг атеистов. Я пришел тебя спросить, что ты думаешь о существовании Бога?

- Бога? Ничего подобного нет и никогда не было. Нет абсолютно никакого Бога.

Человек не мог поверить своим ушам.

- Что ты говоришь? - воскликнул он. - Я слышал, что в эту деревню пришел религиозный человек, и я пришел спросить, есть ли Бог. И это твой ответ?

- Религиозный человек? Верующий в Бога? Я величайший в мире атеист.

Человек остался в полном замешательстве. Мы можем понять замешательство этого человека – но Ананда, ученик Будды, был в еще более ужасном недоумении; он слышал оба диалога. Он пришел в большое беспокойство; он не мог понять, что происходит. Утром все было в порядке, но днем появилась проблема. "Что случилось с Буддой? – спрашивал себя Ананда. – Если утром он был величайшим в мире теистом, то днем сказал, что он величайший в мире атеист". Он решил вечером, когда Будда останется один, пойти к нему за разъяснениями. Но к вечеру Ананду ждал еще один сюрприз. К тому времени, когда ступились сумерки, к Будде пришел еще один человек и сказал: Я не знаю, есть ли Бог. Что ты скажешь? Что ты думаешь? Если ты не знаешь, – ответил Будда, – я тоже не знаю. Было бы лучше, если бы мы оба молчали.

Услышав ответ Будды, этот человек тоже смутился. Он сказал:

– Я слышал, что ты просветленный, и решил, что, наверное, ты знаешь.

– Наверное, ты услышал неправильно. Я абсолютно невежественный человек. Какое у меня может быть знание?

Просто попытайся почувствовать, через что прошел Ананда. Поставь себя на его место. Видишь его затруднение? Когда наступила ночь и все ушли, он коснулся ног Будды и сказал:

– Не пытаешься ли ты меня убить? Что ты делаешь? Я почти потерял свою жизнь! Никогда еще я не был так расстроен и обеспокоен, как сегодня. Что ты говорил и делал целый день? Ты уверен в том, что ты сегодня говорил? Утром ты сказал одно, днем другое, а вечером третье в ответ на один и тот же вопрос!

– Я не давал этих ответов тебе, – сказал Будда. – Я давал ответы, соответствующие людям. Почему ты их слушал? Ты считаешь правильным слушать то, что я говорю другим?

– Это последняя капля! Как же я мог не слушать? Я был там, прямо рядом с тобой; мои уши были открыты! И может ли быть такое, чтобы я не слышал, когда ты говоришь? Я люблю слушать, как ты говоришь, не важно с кем.

– Но почему ты расстроен? Я отвечал не тебе!

– Может быть, но я в замешательстве. Пожалуйста, ответь мне прямо сейчас. В чем истина? Почему ты дал разные ответы?

Будда объяснил:

– Я хотел привести всех троих в точку равновесия. Человек, который пришел ко мне утром, был атеистом. Будучи только атеистом, он был неполон, потому что жизнь состоит из противоположностей.

Имей это в виду: действительно религиозный человек – и то и другое: атеист с одной стороны, верующий в Божественное – с другой. Его жизнь содержит оба аспекта, но он вносит гармонию между двумя противоположностями. Религия – и есть сама эта гармония. Человеку, который только верит в Бога, недостает религиозной зрелости. Он еще не достиг равновесия в своей жизни.

Поэтому Будда сказал:

– Я хотел привести его в равновесие со своей жизнью. Одна его сторона стала очень тяжелой, поэтому я положил камни на другую чашу весов. И кроме того, я хотел немного пошатнуть его, потому что он полностью уверился, что Бога нет. Его убеждение нужно было потрясти, потому что тот, кто достигает уверенности, умирает. Путешествие должно продолжаться; поиск должен продолжаться.

Человек, пришедший днем, был теистом. Мне пришлось ему сказать, что я атеист, потому что он тоже стал однобоким; он тоже потерял равновесие. Жизнь – это равновесие. Тот, кто достигает этого равновесия, достигает истины.

Я говорю, что ты должен научиться искусству умирать, по той причине, что твоя жизнь стала однобокой. Ты очень твердо стоишь на чаше весов жизни, и таким образом все становится каменным. Жизнь затвердевает; равновесие утрачено.

Иди дальше. Пригласи и смерть. Скажи: "Приходи и ты ко мне в гости. Мы будем вместе". В тот день, когда жизнь согласится жить со смертью, она трансформирует твою жизнь в высшую жизнь. В тот день, когда человек

приветствует смерть, обнимает ее, заключает ее в объятия, все кончено! В тот день клинок смерти исчезает. Клинок преследует нас в нашем бегстве от смерти, в нашем испуге перед ней. Когда человек приходит и обнимает смерть, смерть проигрывает, терпит поражение, потому что человек, который обнимает смерть, становится бессмертным. Теперь смерть не может ничего с ним сделать. Что может сделать смерть, когда человек сам готов исчезнуть? Есть два типа людей – те, кого ищет смерть, и те, кто ищет смерти. Смерть ищет тех, кто бежит от нее. И есть те, кто ищет смерти, но она продолжает их избегать. Они ищут без конца, но не могут найти смерть. Каким человеком ты хотел бы быть? – тем, кто убегает от смерти, или тем, кто обнимает ее? Человек, избегающий смерти, будет всегда побежденным; вся его жизнь будет долгой историей поражений. Тот, кто обнимает смерть, тотчас же восторжествует над нею; поражения больше не будет; в его жизни больше не будет поражений. Тогда его жизнь станет триумфальным шествием. Да, я учу самому искусству умирать. Я учу умирать, чтобы ты мог достичь жизни. Знаешь ли ты секрет? Человек, который учится жить в темноте, – в то мгновение, когда он тотально принимает темноту, для него темнота превращается в свет. Знаешь ли ты, что, если человек принимает яд с любовью, с радостью, как принимал бы нектар, – для него и яд становится нектаром? Если ты не знаешь, ты должен это открыть. Одна из самых глубоких истин жизни в том, что, если человек принимает яд с любовью, тот перестает быть для него ядом – он превращается в нектар. А человек, который принял саму темноту всем сердцем, находит, к своему изумлению, что темнота стала светом. Человек, который встречает боль с распростертыми объятиями, находит, что боли нет – для него остается только счастье.

Перед тем, кто принимает свое состояние возбуждения и соглашается жить в нем, распахиваются двери мира и безмятежности. Это кажется противоречивым. Помни, однако, что тот, кто говорит, что хочет достичь мира, никогда не станет мирным, потому что говорить: "Я хочу достичь мира" – значит, фактически, искать беспокойства. Человек беспокоен как он есть, а есть еще некоторые люди, которые хотят создать дополнительное беспокойство, говоря: "Мы хотим быть мирными".

Однажды ко мне пришел человек. Он сказал:

– Я был в ашраме Раманы в Пондичерри и в ашраме Рамакришны – они полны лицемерия. Больше я там ничего не смог найти. Я ищу мира и нигде его не нахожу. Я бродил в поисках мира последние два года. Я в Пондичерри кто-то упомянул твое имя. Я пришел прямо оттуда. Я хочу мира.

Я сказал:

– Вставай и уходи сию же секунду, иначе ты докажешь, что лицемер и я.

– Что ты имеешь в виду?

– Просто убирайся. И никогда не оглядывайся в эту сторону. Мне лучше себя спасти, пока и меня не назвали лицемером.

– Но я пришел найти мир, – сказал человек.

– Просто убирайся, – сказал я. – И позволь мне спросить тебя вот что: к кому ты ходил и спрашивал, как быть в агонии? Какой гуру научил тебя возбуждению? В какой ашрам ты ходил, чтобы научиться быть беспокойным?

– Никуда не ходил, – ответил он.

Тогда я сказал:

– Ты такой умный парень, ты даже можешь создать себе умственное беспокойство. Тогда чему мне тебя учить? Вспомни, как ты создал беспокойство, пойдя по противоположному маршруту, и ты найдешь мир. Чего ты хочешь от меня? Никому не говори, что приходил ко мне, даже по ошибке. Я не имею никакого отношения к тому, что с тобой происходит!

– Пожалуйста, покажи мне способ найти мир, – сказал этот человек.

– Ты ищешь способов волноваться. Есть только один способ достичь мира: будь в мире с беспокойством.

Человек, который тотально принимает беспокойство, человек, который говорит: "Приди и живи со мной. Будь гостем в моем доме", внезапно находит, что беспокойство покинуло его. С переменной состояния нашего ума беспокойство уходит. Если человек принимает само беспокойство, его ум

успокаивается. Как может продолжаться беспокойство, если ум настроен на мир?

Это беспокойство рождается из нашего подхода неприятя - неприятя даже самого беспокойства. Человек, который говорит, что не примет беспокойство, будет продолжать оставаться беспокойным, потому что само это его неприятие является причиной всего беспокойства. Человек говорит: "Я не приму беспокойство, я не приму страдание, я не могу принять смерть, я не могу принять темноту". Все в полном порядке, не принимай их, - но ты будешь постоянно окружен тем, что не принимаешь. Вместо этого посмотри, что происходит, когда ты принимаешь, соглашаешься с чем-то, с чем не хочет соглашаться больше никто. К своему великому удивлению, ты найдешь, что твой предполагаемый враг стал другом. Если ты пригласишь в гости врага, что ему еще остается, как только стать твоим другом?

Я обсуждал все это с вами все эти три дня по той причине, что я вижу, что вы пришли сюда, чтобы победить смерть. Наверное, вы подумали, что я открою вам какой-то трюк, чтобы вы никогда не умирали.

Друг написал мне письмо, в котором говорит:

Собираешься ли ты нам показать, как омолодить наши тела? Собираешься ли ты показать нам, некий алхимический метод снова стать молодыми? Если это так, тогда стоит потратить деньги, чтобы сюда попасть.

Может быть, ты тоже пришел сюда с какой-то идеей. Если так, ты будешь разочарован, потому что здесь я учу искусству умирать. Я говорю вам: Умрите! Научитесь умирать. Зачем бежать от смерти? Примите ее, приветствуйте ее. И помните, я даю вам сам ключ к победе над смертью. Омоложение - это не ключ к победе над смертью. Независимо от того, насколько ты пройдешь процесс омоложения, все же тебе придется умереть. Тело обязательно умрет.

Омоложение может только немного отодвинуть смерть - смерти можно избежать немного дольше. Это значит только, что твои проблемы будут растянуты на более долгий срок. Вместо того чтобы умереть за семьдесят лет, может быть, ты сможешь умереть за семьсот. Страдание, с которым ты иначе мог бы покончить за семьдесят лет, растянется на семьсот - что еще? Трудности семидесяти лет распространятся на семьсот. Ссоры семидесяти лет продолжатся до семисот. Проблемы семидесяти лет продлятся семьсот - они будут такими растянутыми, приумноженными. Что еще, по твоему мнению, может случиться?

Может быть, это не приходило тебе в голову, но если ты действительно встретишь кого-то, кто даст тебе снадобье и скажет: "Выпей это и ты проживешь семьсот лет", ты скажешь ему: "Подожди минуту, позволь мне это обдумать". Я не верю, что кто-нибудь из вас выпил бы снадобье, которое растянуло бы его жизнь на семьсот лет. Что это значит? Это значит: "Я буду продолжаться как я есть. Этому самому "я" придется жить семьсот лет". Это может стоить очень дорого; это может иметь очень серьезные последствия.

Если ученые когда-нибудь откроют, что человек может жить бесконечно - такое открытие возможно, это нетрудно, - помни, люди начнут искать гуру, чтобы он научил их, как побыстрее умереть. Точно как сейчас люди ищут гуру, который омолодит бы их тела, тогда люди будут искать кого-то, кто покажет им секрет, технику умирания, чтобы даже ученые не могли их спасти. Они попытаются обмануть правительство, чтобы спастись от жизни. Мы не понимаем, что нет смысла в продлении жизни. Смысл жизни приходит в интенсивности, с которой человек живет. Одна индивидуальность может жить в это мгновение так тотально - как другой человек мог не жить в бесконечном количестве жизней. Дело в том, как ты живешь, а только человек, который не боится смерти, может жить - как иначе? Страх смерти заставляет человека вечно дрожать - он никогда не стоит спокойно, он все время продолжает бежать.

Не обращал ли ты внимания на то, что скорости в мире постоянно увеличиваются? Все становится скоростным. В одном смысле ракета лучше воловьей упряжки, потому что ракета может переносить нас быстрее - но зачем так настаивать на скорости? Может быть, ты этого не осознавал, но

все стремления человека к скорости - это попытки бежать оттуда, где он есть. Там, где он сейчас, он так испуган, так боится, что хочет бежать. Он чувствует, что ему лучше отправиться куда угодно, но только не оставаться здесь.

Во всей Европе и Америке уик-энды стали головной болью. В эти дни люди устают больше, чем в какие-либо другие. Идея в том, чтобы прыгнуть в машины и умчаться - пятьдесят миль, сто миль, двести миль - бежать на место пикника, в горы, в холмы, на пляж. Мотив для такой спешки в том, что другие тоже бегут, тоже торопятся - они могут попасть туда первыми. Если их кто-то спросит, куда они хотят, они не знают. Однако определенно одно: они хотят уехать оттуда, где они есть, - из дома, от жены, от работы. Человек не способен жить; вот почему он столько бегаёт. Он хочет, чтобы его транспортные средства становились все более мощными, чтобы он мог бегать все быстрее. Спросите, куда он направляется, куда он хочет попасть, и ответом будет: "Не могу сказать сейчас; у меня нет времени. Я должен попасть туда побыстрее... мы должны приземлиться на Луне; мы должны приземлиться на Марсе". Всю свою жизнь мы бежим. От чего мы бежим? В чем страх? Страх в том, что, с одной стороны, мы не способны жить полностью, с другой стороны, непрерывно присутствует страх смерти. Обе эти вещи взаимосвязаны. Человек, который боится смерти, не сможет прожить свою жизнь; он останется перепуганным смертью. В чем тогда ответ? Ты спрашиваешь меня: "Каков ответ? Каково решение?" Я говорю: прими смерть. Пригласи смерть и скажи:

"Приходи, я побеспокоюсь о жизни потом - сначала приходи ты. Позволь мне сначала покончить с тобой, чтобы дело было выяснено раз и навсегда. После этого на досуге я поживу. Позволь мне сначала позаботиться о тебе, и тогда я устроюсь и буду жить с комфортом". Медитация - это средство принять смерть с таким подходом. Медитация - это способ пригласить смерть таким образом, медитация - это ответ. Человек, который принимает смерть таким образом, немедленно приходит к остановке. Его скорость исчезает. Ты никогда не замечал? Когда ты злишься и едешь на велосипеде, педали вращаются быстрее. Когда ты злишься и ведешь машину, ты сильнее жмешь на газ. Психологи говорят, что столкновения машин происходят не из-за плохих дорог, но из-за человека за рулем - что-то не так с человеком. Его зубы стиснуты в гневе, и он сильнее жмет на газ, и каким-то образом он желает этого столкновения. Его наполняет желание во что-нибудь врезаться. Жизнь кажется ему такой притупленной и бесполезной, и он хочет внести в нее немного волнения, немного сока - по крайней мере, врезавшись во что-то, если ничего больше. Он думает, что получит от этого некий трепет, почувствует себя лучше. Он чувствует, что был бы удовлетворен, если бы в его жизни что-то случилось, чтобы она не была сплошной пустой растратой. Многие преступники в Европе и Америке говорили в суде, что ничего не имели против человека, которого убили, - они просто хотели, чтобы их имена попали в печать, а это было единственным способом. Имя хорошего человека никогда не появляется в прессе; ты видишь только имена убийц и преступников. Есть два типа убийц: те, кто совершает одно убийство по личным причинам, и те, кто совершает коллективное убийство, - политики. Лишь их имена печатают в газетах, остальных игнорируют. Хотя, возможно, ты и хороший гражданин, твое имя не попадет в газеты но ударь человека ножом, и ты попадешь в газетные заголовки.

Преступники сознаются суду: "Этот человек не был моим врагом, я никогда раньше его не видел. Я только увидел его спину и вонзил в нее нож. Когда из жертвы брызнула кровь, я почувствовал удовлетворение, потому что наконец-то я сделал что-то такое, о чем будут говорить люди, и моя жизнь прошла не напрасно. Об этой истории пишут все газеты. Суды, большие судьи и адвокаты в черных мантиях обсуждают мое дело с большой серьезностью. Глядя на все это, я чувствую, что что-то сделал, что я не обычный человек".

Человек, который избегает смерти, который боится смерти, станет настолько разочарованным, печальным и скучающим, что он готов потакать себе во всем. Но единственное, чего он не делает, - это не приветствует смерть.

Как только человек принимает смерть, приветствует смерть, в его жизни открывается новая дверь – дверь, ведущая в Божественное. Слово "Умри" начертано на храме Бога, тоща как внутри бьет ключ жизни. Глядя на надпись "Умри", люди поворачиваются и уходят прочь. Никто не входит вовнутрь. Это очень умная, хитрая мысль, – потому что иначе внутри были бы толпы и там было бы трудно жить – поэтому на храме жизни снаружи висит табличка: "Умри". Те, кто пугается, увидев ее, убегают. Именно поэтому я говорю, что человек должен научиться умирать. Величайший секрет жизни в том, чтобы научиться умирать, принимать смерть. Пусть прошлое умирает каждый день. Давайте умирать каждый день. Мы не позволяем вчерашнему прошлому умирать. Семидесятилетний старик поддерживает жизнь в счастливых воспоминаниях детства. Его детство еще не умерло. Он все еще носит в себе желание вернуться в детство. Человек слишком стар, чтобы ходить, прикован к постели, но его молодость еще не умерла. Он все еще думает о тех же вещах. Он все еще мечтает о звездах кино времен своей юности, хотя ни одна из них не осталась прежней к этому времени. Картины все еще движутся у него перед глазами; ничто не умерло. Фактически, наше вчера никогда не умирает. Мы никогда не набираемся храбрости умереть; мы никогда ничему не позволяем умереть, и вследствие этого все нагромождается. Мы не позволяем мертвому быть мертвым; вместо этого мы тащим его как тяжелый груз, и под его тяжестью становится невозможно жить. Вот один из ключей искусства умирать: пусть мертвое будет мертвым.

Когда Иисус проходил мимо озера, произошел прекрасный случай. Было раннее утро – солнце еще не взошло; горизонт только заалел. Рыбак закинул сеть в озеро, чтобы поймать рыбу. Только он стал вытаскивать сеть, как Иисус положил руку ему на плечо и сказал:

Мой друг, неужели ты проведешь всю жизнь, ловя рыбу?

Много раз раньше этот вопрос приходил в ум этого человека. Есть ли ум, в котором он не возникает? Конечно, рыба может быть разной, сети могут быть разными, озеро может быть другим, но, тем не менее, возникает вопрос: "Должен ли я провести всю жизнь за ловлей рыбы?"

Рыбак обернулся, чтобы посмотреть, кто задал ему этот самый вопрос. Он посмотрел на Иисуса. Он увидел его безмятежные, смеющиеся глаза, его лицо. Он сказал:

– Другого пути нет. Где еще я могу найти озеро? Где еще я могу найти рыбу, чтобы забрасывать свою сеть? Я спрашиваю себя: "Собираюсь ли я продолжать ловить рыбу всю свою жизнь?"

Тогда. Иисус сказал:

– Я тоже рыбак, но я забрасываю сеть в другой океан. Идем, следуй за мной, если хочешь, но помни, закидывать эту сеть может только человек, у которого достаточно храбрости, чтобы бросить старую. Оставь старую сеть позади.

Наверное, этот рыбак был действительно смелым человеком. Очень мало людей, настолько смелых. Тут же на месте он бросил свою сеть, полную рыбы. По крайней мере, у него в уме должно было быть желание вытащить уже пойманную рыбу, но Иисус сказал:

Только тот сможет забрасывать в океан новую сеть, у кого хватит храбрости выбросить старую. Оставь старую сеть прямо сейчас.

Рыбак отпустил сеть и спросил:

– Скажи мне, куда теперь идти.

– Кажется, ты смелый человек, – сказал Иисус. – У тебя есть потенциал, чтобы пойти в одно место. Идем со мной!

И они вышли на окраину деревни, и вдруг прибежал один человек. Он схватил рыбака и сказал:

– Безумец, куда ты идешь? Твой больной отец умер. Где ты был? Мы пошли искать тебя на озеро и нашли лежащую там сеть. Куда ты идешь?

– Пожалуйста, отпусти меня на несколько дней, чтобы исполнить последний долг перед моим отцом, – сказал рыбак. – Тогда я вернусь.

Слова Иисуса в ответ рыбаку чудесны. Он сказал:

-Дурак, пусть мертвые хоронят мертвых! Зачем тебе туда идти? Идем. Следуй за мной. Тот, кто мертв, уже мертв, так зачем беспокоиться о том, чтобы его хоронить? Это трюки, попытки оставить его в живых. Тот, кто теперь мертв, мертв навсегда. В деревне много мертвых людей. Они похоронят мертвого. Идем со мной.

Мгновение рыбак колебался. Наблюдая за ним, Иисус сказал:

- Может быть, я ошибся, думая, что ты оставил старую сеть позади.

Рыбак остановился на мгновение и пошел за Иисусом. Иисус сказал:

- Ты смелый человек. Ты можешь оставить позади мертвых, ты действительно можешь достичь жизни.

На самом деле, все, что умерло в прошлом, должно быть отброшено.

Вы сидите в медитации, но затем вы всегда приходите ко мне и говорите, что медитация никогда не происходит, продолжают приходить мысли. Мысли так не приходят: вот в чем вопрос, ты когда-нибудь оставлял их? Ты всегда продолжал их удерживать, в чем они могут быть виноваты? Если у человека есть собака, и он кормит, привязывает ее в доме, а затем внезапно отпускает на волю, выбрасывает;

если бедная собака снова придет к этому человеку, виновата ли собака?

Все это время ты кормил собаку, гладил, любил, играл с ней, надевал на нее ошейник, держал ее в доме. Затем внезапно ты решаешь медитировать и велишь собаке убираться. Как это возможно? Бедная собака понятия не имеет о том, что случилось с тобой так внезапно, она некоторое время бродит вокруг и затем приходит к тебе снова. Она думает, что ты как-то подшучиваешь над ней, поэтому чем больше ты ее выгоняешь, тем более она разыгрывается, тем больше она продолжает возвращаться. Она чувствует, что происходит что-то новое, может быть, хозяин в хорошем настроении, поэтому проявляет большой интерес к игре.

Ты приходишь и говоришь, что мысли не покидают тебя. Как они могут тебя покинуть? Ты вскормил их собственной кровью. Ты привязал их к себе; ты застегнул у них на шее ошейник со своим именем. Только скажи кому-то, что то, что он думает, неправильно, - он набросится на тебя: "Что значит неправильно? Мои мысли не могут быть неправильными!" Поэтому мысль с именным ошейником снова придет к тебе. Откуда мысли знать, что ты медитируешь? Теперь ты говоришь мысли: "Убейся! Исчезни!" Мысль так не уйдет.

Мы питаем мысли. Мы питаем мысли о прошлом, мы продолжаем привязывать их к себе. Затем однажды, внезапно, ты хочешь, чтобы они оставили тебя. Они не оставят тебя за один день. Тебе придется перестать их кормить; тебе придется перестать их выращивать.

Помни, если хочешь отбросить мысли, перестань говорить: "Мои мысли". Как ты можешь отбросить то, что объявляешь своим? Если хочешь избавиться от мыслей, перестань проявлять к ним интерес. Как они могут уйти, пока ты не перестанешь ими интересоваться? Как еще они узнают, что ты изменился, что ты потерял к ним интерес?

Все наши воспоминания о прошлом - это мысли. Их целая сеть, и мы держимся за них. Мы не позволяем им умереть.

Пусть твои мысли умрут. Пусть умрет то, что умерло;

не пытайся поддерживать в нем жизнь. Но мы продолжаем поддерживать жизнь...

Это тоже часть искусства умирать. Держи в уме и этот ключ: если хочешь научиться искусству умирать, пусть то, что умерло, будет мертвым. Пусть прошлое будет прошлым. Если оно больше не существует, отпусти его. Не нужно даже хранить его в памяти. Простись с ним, пусть оно уйдет. Вчера кончилось вчера; теперь его больше нет - и все же оно продолжает нас держать.

Еще один небольшой вопрос. Друг спросил:

Что такое ум, полный иллюзий? Что такое очень смятенный ум? Что такое ясность ума?

Это нужно понять, потому что это будет полезно и для медитаций, и для того, чтобы научиться искусству умирать. Он задал очень значительный вопрос. Он спрашивает: "Что такое смущенный ум?" Но здесь мы делаем

ошибку. В чем ошибка? Ошибка в том, что мы используем два слова - смятение и ум, а истина в том, что нет такой вещи, как ум в смятении. Скорее, само состояние смятения и есть ум. Нет ничего подобного уму в смятении. Ум и есть смятение.

Ум не может стать мирным, сам по себе ум - это отсутствие мира. А когда смятения нет, дело не в том, что ум стал мирным, - тогда ум исчез. Например, когда на море шторм, море беспокойно. Назовешь ли ты его "беспокойным штормом"? Назовет ли его кто-нибудь "беспокойным штормом"? Ты просто назовешь его штормом, потому что шторм - это другое название беспокойства. А когда шторм стихает, скажешь ли ты, что шторм стал мирным? Ты просто скажешь, что шторма больше нет!

Понимая ум, помни и то, что "ум" -это просто другое название смятения. Когда нисходит мир, это не значит, что ум стал мирным; скорее, ум вообще не существует. Появляется состояние не-ума. А когда ума больше нет, то, что остается, называется атман. Море существует, когда шторма нет. Когда шторм исчезает, остается море. Когда смятенный ум перестает существовать, то, что остается, и есть атман, сознание.

Ум -это не вещь, это лишь состояние смятения, хаоса. Ум - это не способность, не субстанция. Тело - это одна вещь, атман - другая вещь, а отсутствие мира между ними называется умом. В состоянии мира остается тело, остается атман, но ума больше нет.

Нет такой вещи, как мирный ум. Ошибка выражения вызвана языком, который мы создали. Мы говорим "нездоровое тело", "здоровое тело". Здесь все в порядке. Бывает, конечно, нездоровое тело, бывает и здоровое. С исчезновением нездорового тела остается здоровое. Но это не так в случае ума. Нет такой вещи, "как "здоровый ум", "нездоровый ум". Ум сам по себе - это нездоровье. Само его существование - это смятение. Само его существование - это болезнь.

Поэтому не спрашивай, как спасти ум от смятения, спроси, как избавиться от ума. Спроси, как ум может умереть. Спроси, как разделаться с умом. Спроси, как отпустить этот ум. Спроси, как сделать так, чтобы ум больше не существовал.

Медитация - это способ покончить с умом, расстаться с умом. Медитация означает шагнуть из ума. Медитация означает выйти из ума. Медитация означает прекращение ума. Медитация означает не находиться там, где есть замешательство.. Когда ты выходишь из замешательства, замешательство успокаивается - потому что его создает само наше присутствие. Если мы успокаиваем, оно прекращается.

Скажем, например, двое дерутся. Ты пришел со мной подраться, и борьба продолжается. Если я отступлю, как будет продолжаться борьба? Она остановится, потому что она может продолжаться, лишь если я остаюсь ее частью. Мы живем на ментальном уровне; мы присутствуем как раз там, где беспорядок, где возникают проблемы. Мы не хотим оттуда выбираться и в то же время хотим принести туда мир. Там не может быть мира. Просто будь любезен выйти оттуда, вот и все.

Как только ты выходишь, беспорядку конец. Медитация - это не техника приведения ума к покою; скорее, это техника, направленная на выход из ума. Медитация - это средство отвернуться; выскользнуть из волн смятения. Другой друг задал вопрос, связанный с предыдущим. Хорошо будет понять и это. Он спросил:

Какая. разница между "быть в медитации" и как "делать медитацию"?

Та же разница, которую я только что объяснял. Если человек делает медитацию, он пытается сделать смятенный ум мирным. Что он сделает? Он попытается сделать ум спокойным. Когда индивидуальность находится в медитации, она не пытается успокоить ум; вместо этого она выскальзывает из него. Если солнце слишком жаркое, мучительное, ты увидишь, как человек открывает зонт - снаружи на солнце можно раскрыть зонт - тогда человек может стоять в его тени или под защитой другой тени. Но зонт, однако, нельзя открыть внутри ума. Единственной защитой там будет мысль - а это ничего не меняет. Это будет все равно что человек, стоящий на солнце с закрытыми глазами, думающий, что у него над головой зонт и ему не жарко.

Но ему обязательно будет жарко. Этот человек пытается что-то сделать, остудить солнце. Он пытается делать медитацию. Есть другой человек. Когда снаружи солнце, он просто встает, заходит в дом и расслабляется. Он не совершает попыток остудить солнце, он просто уходит в тень. Делать медитацию – значит совершать усилие, попытку изменить ум. Быть в медитации означает не делать никаких усилий изменить ум, а просто беззвучно войти внутрь.

Ты должен принять во внимание различия между ними. Если ты делаешь усилие, чтобы медитировать, медитация никогда не случится. Если ты пытаешься сделать сознательное усилие – если ты сидишь, напрягаешь мышцы, ставишь целью успокоить ум любой ценой, – это не сработает, потому что, в конце кощов, кто будет делать все это? Кто будет ставить цель? Кто, как не ты?

Ты, такой, каков ты есть, ты уже беспокоен, уже в смятении. Затем ты пытаешься успокоить себя? Это значит добавить к своим головным болям еще одну. Ты сидишь прямо, готовый отвергнуть все. Чем более застывшим ты становишься, тем больше будет трудностей и тем более напряженным ты станешь. Это неверный путь. Я прошу тебя медитировать, потому что медитация – это расслабление. Тебе не нужно ничего делать, просто будь расслабленным.

Обязательно пойми. Позволь, я еще поясню это на небольшой иллюстрации. Используй ее как окончательный критерий. Человек плывет в реке. Он говорит, что хочет достичь другого берега. У реки быстрое течение, и он бьет по воде руками и ногами, пытаюсь переплыть реку. Он становится усталым, изнуренным, разбитым, но продолжает плыть. Этот человек совершает усилие. Плыть для него усилие. Делать медитацию – это тоже усилие. Есть другой человек. Вместо того чтобы плыть, он лежит на воде. Он позволил себе плыть вместе с рекой. Река течет, и он тоже течет. Он вообще не плывет, он просто дрейфует. Чтобы дрейфовать, не нужно усилия; дрейф – это "не-усилие".

Медитация, о которой я говорю, подобна дрейфу и не похожа на плавание. Наблюдай плывущего человека и лист, плывущий по реке. Наслаждение и радость плывущего листа просто не от этого мира. У листа нет ни проблем, ни препятствий, ни ссор, ни тревог. Лист очень умен. В чем его хитрость? Хитрость листа в том, что он сделал реку своей лодкой и теперь едет на ней. Лист готов и хочет двигаться туда, куда несет его река. В этом смысле лист сломил силу реки. Река не может причинить ему вреда, потому что лист не борется с рекой. Лист не хочет оказывать никакого сопротивления, он просто плывет.

Лист в полном согласии. Почему бы нет? Сейчас он не пытается быть в согласии с рекой, он просто лежит на воде; вот и все. Куда бы его ни несла река, пусть так и будет. Держи в уме плывущий лист. Можешь ли ты так плыть по реке жизни? Не должно быть ни малейшей мысли о плавании, ни малейшего чувства; не должно быть вообще никакого ума. Ты никогда не замечал, что живой человек может утонуть в реке, тогда как мертвый плавает на поверхности? Ты никогда не удивлялся, в чем тут дело? Живой человек тонет, но мертвый не тонет никогда. Он тут же поднимается на поверхность. В чем разница? Мертвое тело приходит в состояние не-усилия. Мертвое тело ничего не делает; оно не может даже желать. Тело поднимается на поверхность и плывет. Живой человек тонет, потому что живой человек прикладывает усилия к тому, чтобы остаться живым. Пытаясь это сделать, он устает, – а когда он устает, он тонет. Его топит его борьба, не река. Река не может утопить мертвого человека, потому что он не совершает никакой борьбы. Поскольку он не борется, нет вопроса о потере сил. Река не может причинить ему вреда. Поэтому он плывет по реке.

Медитация, о которой я говорю, подобна дрейфу, не плаванию. Тебе нужно просто дрейфовать. Когда я предлагаю расслабить тело, я подразумеваю, что ты должен позволить телу дрейфовать. Тогда человек не держит тело никакой хваткой; тогда он не приковывает себя к берегу тела – ты отпускаешь, ты дрейфуешь. Когда я предлагаю отпустить и дыхание, не цепляйся за берег дыхания. Оставь и его, дрейфуй с ним. Тогда куда идет человек? Если ты

отпустишь тело, ты будешь двигаться внутрь; если та держишь тело, ты выйдешь наружу.

Как может человек войти в реку, если он держится за берег? Он может только выйти обратно на берег. Если он покидает берег, он попадет прямо в реку. Так и река жизни, поток божественного сознания течет у нас внутри, но мы хватаемся за берег, за берег тела.

Отпусти его. Отпусти и дыхание. Отпусти и мысли. Пусть все берега останутся позади. Куда ты теперь пойдешь? Теперь ты начнешь дрейфовать в потоке, который течет внутри. Человек, который позволяет себе дрейфовать в этом потоке, достигает океана.

Поток внутри подобен реке, и человек, который начинает в нем дрейфовать, достигает океана. Медитация – это своего рода дрейф. Человек, который учится дрейфовать, достигает Божественного. Не плыви; человек, который плывет, заблудится. Человек, который плывет, самое большое, оставит один берег и достигнет другого. Бедный человек после столь долгого плавания, самое большое, станет богатым – что еще? После столь долгого плавания человек, занимающий маленький стул, может быть, начнет сидеть на большом стуле в Дели – что еще произойдет?

Этот берег реки так же ведет тебя к реке, как и тот. Берег Дварки настолько же вне реки, как и берег Дели – никакой разницы нет. Пловец только достигает берега. Но как насчет того, кто дрейфует? Никакой берег не может ему помешать, потому что он позволил себе двигаться с потоком. Его понесет поток. Он обязательно понесет его и принесет к океану. Сама цель в том, чтобы достичь океана – река становится океаном, а индивидуальное сознание – Божественным. Когда капля теряется в океане, в абсолютном смысле жизни, в высшем блаженстве жизни, достигнута верховная красота жизни.

Вот предельное: искусство умирать есть искусство дрейфа. Человек, который готов умереть, никогда не плывет. Он говорит:

– Неси меня куда хочешь. Я готов!

Все, о чем я говорил эти три дня, сводится к этому. Некоторые друзья, однако, считают, что я отвечал на вопросы. Они снова и снова пишут:

"Пожалуйста, скажи что-нибудь от себя. Ты просто отвечаешь на вопросы" – как будто на вопросы отвечал кто-то другой!

Проблема в том, что вешалка стала важнее одежды, которая на ней висит.

Они хотят сказать: "Покажи нам одежду. Зачем ты беспокоишься о том, чтобы вешать ее на вешалку?" Но в любом случае, что я вешаю на вешалку? Что бы я ни хотел сказать, я повешу это на вешалку ваших вопросов. Именно таковы наши умы.

Я слышал:

Был один цирк. Каждый день владелец цирка давал обезьянам утром четыре банана и вечером три. Однажды утром случилось так, что на рынке оказалось недостаточно бананов, и он дал им три банана. Обезьяны вышли на забастовку. Они сказали:

– Это невозможно, мы хотим четыре банана по утрам.

– Я дам вам четыре банана вечером, – сказал владелец, – а сейчас возьмите три.

– Этого никогда не случалось раньше, – настаивали обезьяны. – Утром мы всегда получали четыре банана. Мы хотим четыре банана сейчас!

– В своем ли вы уме? – спросил владелец. – Вы все равно получите семь бананов.

Обезьяны настаивали.

– Нас не заботит твоя арифметика. Все, что нас заботит, – это получать четыре банана каждое утро. Мы хотим четыре банана сейчас!

Друзья продолжают и продолжают писать мне: "Пожалуйста, скажи что-нибудь от себя. Не отвечай на вопросы". Конечно, я буду говорить, но вопрос в том, о чем мне говорить? Вопросы просто служат вешалками; все, что я хочу сказать, я вешаю на вешалки. Говорю ли я или отвечаю на вопросы, какая разница? Кто будет отвечать?

Кто будет говорить? Но они чувствуют, что я должен говорить от себя, потому что каждое утро они получали четыре банана.

На каждом медитационном лагере обычно было четыре дискурса и четыре лекции, посвященные вопросам и ответам. На этот раз случилось так, что все лекции посвящены вопросам и ответам. Но это ничего не меняет. Имейте в виду арифметику семи бананов. Сложите их. Не нужно считать их один за другим, что утром четыре, а вечером три, или наоборот. Я дал вам все семь бананов. Если вы сбились со счета, то могли упустить это из виду. Вот почему в конце я сказал, что бананов семь. Я сказал все, что хотел сказать.

Ошо. Здесь и сейчас.